

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2000

ДЭВИД

ВТЕНЬБОРО

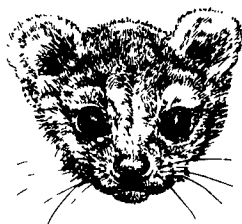
*К югу
от экватора*

ДЭВИД
ЭТТЕНБОРО

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Мадагаскарские
дикины

Под тропиком
Козерога

ДЭВИД ОТТЕНБРО

Ключ от экватора

Перевод с английского
М. БЕЛЕНЬКОГО и Н. РАБЕН

Москва
Армада-пресс
2000

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44-я5
Э 93

Серия основана в 1994 г.

Перевод с английского
М. И. Беленького и Н. А. Рабен

Иллюстрации
А. Ермакова

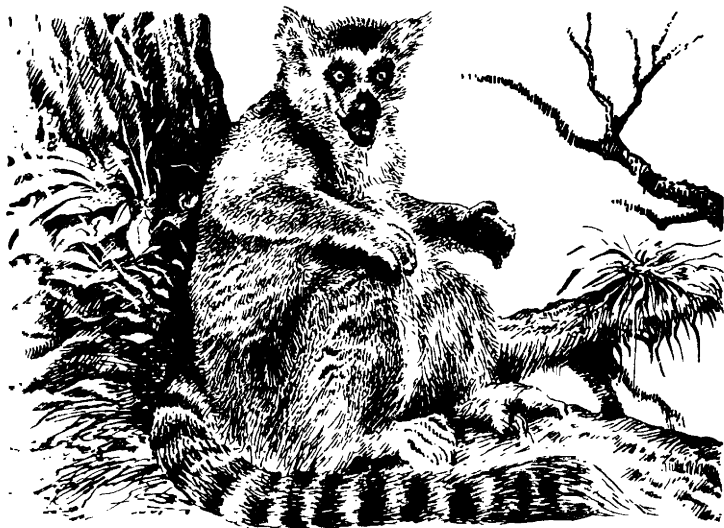
ISBN 5-309-00001-1

© Иллюстрации, Ермаков А. В., 2000
© ООО «Дрофа», 2000
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2000

Мадагаскарские
дикивины

David Attenborough
ZOO QUEST TO MADAGASCAR
London 1961

Глава 1 ПРИБЫТИЕ

На карте мира Мадагаскар выглядит скромным, малозаметным клочком суши, отколовшимся от восточного побережья Африки. На самом деле это огромный остров, протянувшийся на тысячу миль в длину, а в ширину вчетверо превосходящий Англию и Уэльс. При этом население Мадагаскара, его растительный и животный мир отличаются от соседней Африки не меньше, чем от Австралии, лежащей от него в четырех тысячах миль.

Мы летели на Мадагаскар из Найроби. Внизу простирались бурые равнины Кении, безлесные, если не считать скоплений колючих кустарников и отдельных пальм, отбрасывающих тонюсенькую тень — словно воткнутые в карту булавки. Этот однообразный фон

оживляло несметное количество животных. Вереницы гну медленно тянулись по тропам, сверху напоминавшим оставленные когтистой лапой царапины. Стадо из тридцати крошечных жирафов, напуганное ревом моторов, бросилось прочь от скользившей по земле тени самолета. Чуть поодаль щипали траву зебры в компании с различными антилопами.

Наш самолет набирал высоту, держа курс на маячившую вдаль снежную макушку Килиманджаро, и животные внизу исчезали из виду. Но воображение продолжало работать. Легко было представить себе, как в серебрившихся на солнце реках резвятся, сопя от удовольствия, гиппопотамы; в тени зарослей затаились львы, следя за отбившейся от стада зеброй; среди колючих акаций стоят в своих пыльных доспехах носороги, а полчища бабуинов, гиен и гиеновых собак носятся в сухой, побуревшей траве...

Вскоре Африка кончилась. Пролетев над Занзибаром, самолет повис над пронзительно-голубым Мозамбикским проливом, отделявшим нас от Мадагаскара. Впереди показались окруженные пенистым кольцом прибоя пирамидки Коморских островов, медленно проплыли под левым крылом и пропали, словно мираж. Через два часа после того, как мы покинули Африку, на горизонте в туманной дымке возник Мадагаскар.

Мы приближались к другому миру. Напрасно было бы искать среди лесов и долин острова кого-нибудь из представителей богатейшей фауны кенийских саванн — здесь не встретишь ни обезьян, ни антилоп, ни слонов, ни крупных хищников. За короткое время, что самолет пересекал пролив, мы спустились по лестнице эволюции на пятьдесят миллионов лет и очутились перед дверью в один из чуланов Природы, где

сохранились древние, забытые формы жизни, давно исчезнувшие во всем остальном мире.

Очарование заброшенных чуланов связано не только с тоской по прошлому. Восковой цилиндр старого эдисоновского фонографа волнует воображение не только потому, что в свое время он произвел революцию в технике, но и потому, что в нем видишь прообраз нынешних ультрасовременных приборов. Иногда в чердачной пыли и паутине удается отыскать забавную безделицу, которая ничего не «породила» и выглядит сейчас настолько старомодно, что невозможно даже понять ее предназначение. Подняв скрипучую крышку забытого сундука, можно найти какой-нибудь завалывшийся турнюр или платье такого немислимого покроя, что просто диву даешься, сколь фантастически изменились вкус и мода. Такое же чарующее чувство соприкосновения с прошлым охватывает при первом знакомстве с фауной Мадагаскара. Его животные — пришельцы из тьмы веков — кажутся нам, знакомым с высокоорганизованными существами, населяющими остальной мир, причудливыми диковинами. Но в них проглядывает наше прошлое.

Пятьдесят миллионов лет назад Мадагаскар составлял единое целое с Африкой¹. Мир, уже будучи старым в геологическом смысле, еще не произвел тог-

¹ Распад древнейшего материка Гондвана привел к появлению нового морского бассейна, отделившего Африку от той части Гондваны, которую занимали Мадагаскар и Индостан. Последние образовали материк, получивший название Лемурия. Около 70 миллионов лет назад Лемурия севернее Мадагаскара на короткий срок соединилась с Африкой. Автор, по-видимому, имеет в виду вторичное отделение Мадагаскара от Африки. Однако следует помнить, что датировка образования современных материков и отделения от них островов носит относительный характер. — *Примеч. ред.*

да антропоидов, и самую высокую ветвь эволюционного древа в те времена занимали лемуры. Эти существа уже обладали многими характерными особенностями, которые впоследствии станут типичными для обезьян. Форма и пропорции тела у них были обезьяньими, а кисти и стопы напоминали человеческие. Остренькие мордочки, правда, были типично лисьими. Ноздри, похожие на две перевернутые запятые, роднили их с собаками и кошками. Головной мозг лемура был относительно небольшим, в нем еще не сформировались сложные доли передней части черепа, где, по всей вероятности, сосредоточен интеллект. Органы размножения были весьма примитивными, у одного-двух видов даже сохранились рудиментарные остатки кожной сумки, в которой кенгуру и другие сумчатые донашивают детенышей.

Лемурам в пору их золотого века жилось легко. В те далекие времена Мадагаскар, служивший им штаб-квартирой, еще не откололся от других континентов. Лемуры благоденствовали, распространяясь по всему свету и оставляя для исследования ученым ископаемые останки своих костей в скальных породах Англии, Франции и Северной Америки. Но около двадцати миллионов лет назад произошли два великих события, определившие их судьбу. Во-первых, Мадагаскар отделился и стал островом, а во-вторых, в необъятном эволюционном очаге Африки развивались высокоорганизованные млекопитающие. Лемуры оказались не в состоянии успешно конкурировать в борьбе за пищу и территорию с этими животными, среди которых были человекообразные обезьяны, превосходящие их объемом мозга, и крупные хищники. В результате

почти все лемуры и их ближайшие родственники за пределами Мадагаскара вымерли. Лишь несколькими мелким лемуруобразным, схоронившимся за неприметной внешностью, удалось выжить, да и то потому, что они нашли приют во мраке лесной чащобы. Это потто, золотые потто и галаго в Африке и лори в Азии. Однако на самом острове основная масса лемуридов осталась в неприкосновенности; их защитило море — непреодолимый барьер для современных африканских млекопитающих. В итоге численность лемуридов Мадагаскара продолжала расти, порождая все новые формы.

На острове насчитывается более двадцати видов лемуридов. Некоторые своими размерами и повадками напоминают мышей, другие — белок, третьи — циветт. Но в большинстве своем они похожи на маленьких обезьянок, а один вид можно сравнить только с человекообразными обезьянами. Хотя лемуриды являются одними из древнейших прародителей человека и тем самым представляют необыкновенный интерес для зоологов, о них известно на удивление мало. Лишь один-два вида размножаются в неволе, и их изучают в зоопарках. Большинство же не удавалось сохранить за пределами Мадагаскара.

Наличие лемуридов — не единственная особенность фауны острова. Здесь встречается множество других удивительных созданий, например тенреки, напоминающие ежиков и имеющие сородичей в джунглях Конго и на островах Карибского бассейна; змеи, похожие не на африканских питонов, а на южноамериканских удавов; кроме того, сорок шесть видов птиц

являются эндемичными и не водятся нигде, кроме Мадагаскара.

Словно в прекрасном сне, внизу проплывали леса, красные, мутные реки и мягкие, округлые холмы. Неужели в самом скором времени удастся познакомиться с этими диковинами, взглянуть на них собственными глазами? Я с трудом сдерживал нетерпение.

Самолет приземлился в главном аэропорту Мадагаскара, расположенном в центре острова. Не могу точно сформулировать, что я ожидал увидеть на двадцатикилометровом пути от аэропорта к столице, но наверняка не то, что открылось в действительности. Хотя солнце палило с тропическим усердием, воздух был прохладен и свеж, поскольку мы находились на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Волнообразно вздымавшиеся холмы не были распаханы под кукурузу или кассаву, как в Африке; повсюду, насколько хватало глаз, уступами спускались террасы рисовых полей, и от этого казалось, что мы очутились где-то в Азии. Впечатление еще больше усиливали лица людей, стоявших на обочине: светло-коричневым оттенком кожи и прямыми черными волосами они напоминали малайцев. Зато их одежда — широкополые фетровые шляпы и яркие накидки типа пончо — придавала им вид латиноамериканских крестьян — пеонов. Деревни, которые мы проезжали, состояли не из грубых саманных хижин или огороженных краалей, а из вытянутых двухэтажных строений красного кирпича с островерхими крышами и узкими балкончиками, подпертыми тонкими квадратными столбиками.

Названия деревень были пугающе непризносимы: Имеринциатосика, Ампахитронтенаина, Амбатомирахавави... У меня потемнело в глазах: если это типичные наименования островных населенных пунктов, то найти нужное место не удастся ни за что на свете. Забегая вперед, скажу, что задача оказалась еще сложнее, чем представлялась вначале, поскольку в малагасийском языке слова редко произносятся так, как пишутся. Первый и последний слоги, как правило, вовсе не произносятся, а в середине целые куски либо сокращаются, либо проглатываются, так что классические примеры искаженного произношения английских географических названий кажутся до смешного простыми. Не является исключением и столица страны — Антананариву, которую малагасийцы именуют Тананариве.

Она раскинулась на холмах, поднимающихся над плоской равниной; рисовые поля окружают город так плотно, что во время страшного наводнения, случившегося в конце пятидесятых годов, столица острова сама превратилась в остров, куда можно было добраться только на лодке.

Над городом царит квадратный дворец, спроектированный и построенный одним английским архитектором в середине XIX века. Место было выбрано на вершине самой высокой горы, чтобы здание было видно отовсюду. Когда-то дворец служил резиденцией последней королевы, подписавшей договор о дружбе с Францией; впоследствии французы низложили ее под предлогом, что королева не выполнила условий договора. Колониальный период длился семьдесят лет.

После ряда восстаний малагасийцы добились в 1960 году независимости. Однако влияние французской культуры сохранилось. Французская речь звучит повсюду, а типичные французские жесты в большом ходу на рынках, где служат подспорьем при купле-продаже. Столичные хорошенькие малагасийки одеваются по последней парижской моде — элегантные платья, туфли на высоких каблучках, длинные блестящие волосы уложены в изысканные прически. В ресторанах обед состоит из пяти блюд, сдобренных бургундским вином, а на улицах витает запах крепких сигарет «Голуаз» и чеснока — та же смесь, которую ощущаешь в Дакаре, Алжире или в Париже.

Моим спутником был Джеффри Маллиен, с которым год назад мы ездили по островам Меланезии, в юго-западной части Тихого океана, снимая фильмы о традициях островитян. На Мадагаскаре нашей целью было знакомство с его диковинной фауной. Мы планировали в течение трех месяцев снимать на пленку животных и, если получим разрешение, забрать с собой для Лондонского зоопарка несколько живых экземпляров. Естественно, нам было известно, что лемуры находятся под охраной государства¹, но все же мы надеялись, что в виде исключения нам позволят поймать и увезти в Европу одного или двух представителей самых многочисленных видов. Первым поэтому мы посетили директора Научно-исследовательского института М. Полиана. Он гостеприимно принял нас, выслушал наши планы и просьбы.

¹ Из 22 видов мадагаскарских лемуров 14 включены в Красную книгу. — *Примеч. ред.*

— Очень сожалею, — сказал он, — но должен предупредить: об отлове лемурув не может быть и речи. Закон категорически запрещает не только убивать этих зверей, но даже держать их в качестве домашних животных. Понятно, у нас не хватает людей, чтобы контролировать всю территорию Мадагаскара, поэтому и наши работники, и служащие лесного ведомства всеми силами стараются убедить население не причинять вреда лемурам. Сейчас эта кампания уже приносит свои плоды. Представьте, что вы начнете ловить лемурув и привлекать в помощь местных жителей, — они справедливо сочтут, что для белого иностранца существует один закон, а для малагасийца — другой. Вся наша работа пойдет насмарку. Поэтому прошу вас как натуралист, посвятивший жизнь охране здешней уникальной фауны, строго соблюдать правила. Уверен, вы все поймете правильно. Нельзя рисковать будущим этих редчайших животных.

Нам оставалось лишь согласиться со всем сказанным.

— Снимайте их сколько угодно, — продолжал господин Полиан. — Этим вы окажете нам большую услугу. Широкая публика знает о лемурах очень мало, так что показ их по телевидению привлечет внимание к судьбе животных. Сюда редко приезжают для съемок... Что касается зоопарка, то я дам вам разрешение на отлов других особей, которым не грозит вымирание. Кстати, с вами может отправиться один из моих помощников. Он прекрасно знаком с местными условиями и заодно будет служить переводчиком.

Этим любезность директора не ограничилась. Несколько дней он занимался нами. С его помощью мы

наняли «лендровер», затем он добыл нам разрешение на посещение заповедников в отдаленных частях страны. Наконец, директор познакомил нас с Жоржем Рандрианасоло, молодым лаборантом-малагасийцем, который по роду занятий исколесил весь остров в поисках птиц и насекомых для коллекции института. Это был невысокий худой человек с длинными мускулистыми ногами, на первый взгляд казавшийся тщедушным, но впоследствии проявлявший чудеса выносливости. Его глаза вспыхивали радостным огнем, по мере того как мы знакомили его с планами экспедиции. Было ясно, что Жорж горел желанием отправиться в путь не меньше, чем мы.

Глава 2 СИФАКИ

Все было готово к поездке. Двухнедельный запас еды уложили в две коробки. С собой взяли палатку и спальные мешки. Съёмочную аппаратуру аккуратно упаковали в водо- и теплонепроницаемые фибергласовые ящики. Тысячи метров негативной пленки лежали в запечатанном виде, дожидаясь своего часа. Наготове были сетки, ловушки и клетки. Нас ждали неведомые края, населенные невиданными животными. Такие минуты запоминаются надолго.

Что впереди? Эта мысль приводит в трепетное волнение любого отправляющегося в дальнюю дорогу. Меня оно охватывает перед каждой экспедицией, где бы я ни находился — на борту обшарпанного грузового судна, дающего прощальный хриплый гудок

перед выходом в море; в лодке с подвесным мотором, несущейся по зеркальной глади реки, стиснутой лесистыми берегами; верхом на лошади, за которой громыаает запряженная быком телега с поклажей. На сей раз обстановка выглядела не столь романтично: мы сидели в «лендровере» и катили по шоссе. И все же волнение было. Путешествие началось! Мы пребывали в счастливейшем безвременье, когда хлопоты с добыванием разрешений, деловые встречи и канцелярская волокита уже кончились, а заботы и огорчения, связанные с самой экспедицией, еще не начались. Мы мчались по автостраде, в голове гремели победные оркестры, а сердца были переполнены ожиданием грядущих открытий.

Не прошло и часа, как мотор заглох. Джеф вытащил из шасси болт, закрепил им генератор, и мы поехали дальше. Этим не исчерпались капризы нашей машины; очень скоро ее характер проявился в полной мере, причем он отнюдь не ограничивался строптивостью и упрямством.

Болт, которым удалось закрепить генератор, оказался первой ласточкой. Вслед за ним множество деталей перекочевало из корпуса машины в интимные глубины мотора, где их заставили выполнять такие функции, какие не могли даже присниться ни одному здравомыслящему механику. Разводить руками было некогда — надо было латать дыры. Знай мы это заранее, мы бы, наверное, вернулись в Антананариву и искали бы другую машину, но в нашем состоянии эйфории неполадки с мотором представлялись банальной задержкой: подумаешь — отвалился генера-

гор! Мы продолжали путь на юг, веселые и счастливые, как будто ровным счетом ничего не произошло.

В тот день мы проехали триста миль по нагорью, составляющему спинной хребет Мадагаскара. Дороги были почти пустыми, если не считать «лесных такси». Эти маленькие потрепанные машины лихо носились между деревнями, переваливаясь с боку на бок, и подбирали всех желающих — достаточно махнуть рукой. Они были всегда забиты до отказа, из окон торчали наружу руки, ноги и головы, но мы ни разу не видели, чтобы водитель упустил клиента. В ожидании такси люди сидели на обочине шоссе на узлах и ящиках, завернувшись в белые накидки. Ума не приложу, откуда они появлялись: вокруг на многие километры не видно никаких признаков жилья. Будь у нас в машине место, мы могли бы неплохо заработать подвозом пассажиров, но «лендровер» был забит по самую крышу, на заднем сиденье громоздились запасы провизии, снаряжение и аппаратура; казалось, втиснуться туда немислимо.

Однако мы ошиблись. Днем мы поравнялись с одним из «лесных такси», водитель которого загрузил машину так, что у нее сломалась ось и задняя часть просто рухнула на дорогу. Тут-то и выяснилось, что у нас в «лендровере» хватило места для двух корзин с цыплятами, троих мужчин, маленького мальчика и дамы, весившей, по самым скромным подсчетам, девяносто килограммов. День уже угасал, когда мы высадили наших пассажиров в городишке под названием Амбалавао. Располагаясь там на ночлег, мы еще не ведали, что это был последний этап безмятежной езды...

На следующее утро путь на юг пришлось продолжить по пыльной, жутко ухабистой дороге, где от тряски у нас едва не выскакивали зубы, разговаривать в машине было совершенно невозможно, а генератор отваливался трижды.

Правда, тяготы пути в полной мере компенсировал пейзаж. По обе стороны так называемой дороги возвышались голые скалы, у подножий которых из травы торчали серые валуны, каждый величиной с дом. Вершины имели причудливую форму и напоминали то буханку хлеба, то купол, то зубчатую стену рыцарского замка. Жорж знал их по именам. Для многих племен, говорил он, вершины гор — это святые места, и люди поднимаются туда хоронить своих близких. Как-то давным-давно целое племя взбунтовалось и забралось на скалу; они жили на крохотной площадке, отбивая все атаки до тех пор, пока голод не принудил их сдаться. Солдаты сбросили мятежников с тысячеметровой высоты в пропасть.

Деревьев попадалось мало. Дело в том, что малагасийцы веками сводили леса на острове, и эрозия уничтожила почву, оголив скальные породы. Редкие деревца торчали из каменистой земли, словно кости отощавшего животного. В последние десятилетия предпринимаются упорные попытки рекультивировать опустошенные земли, но структура почв изменилась настолько, что местные виды деревьев уже не могут там расти, и лесоводам пришлось сажать завезенные из Австралии эвкалипты. Только они в состоянии прижиться на этой оскудевшей земле, и теперь аккуратные ряды эвкалиптов выглядят жалкой заменой богатейших малагасийских джунглей.

На третий день пути исчезли даже эвкалипты: мы въехали в южную часть острова, где на выжженных песках могут выжить лишь растения, приспособившиеся к пустыне.

Местами участки были засажены рядами сизаля; его кусты имеют довольно устрашающий вид и по форме напоминают розетку из огромных толстых колючек, в центре которой торчит длинная мачта с отростками, усеянными цветами. Но по большей части на песчаных дюнах сумели прижиться лишь опунция да безлистные колючие кустарники.

И вдруг декорация переменялась. По обе стороны дороги выросли тонкие, без единой ветки стволы высотой десять метров; каждый ствол ошетинился броней из шипов и был опутан гирляндами светло-зеленых листочков размером с шестипенсовую монету. Они поднимались спиральями от земли. Некоторые стволы заканчивались кисточкой из высохших коричневых цветов. Хотя эти странного вида растения напоминают кактусы, они не имеют с ними ничего общего, а принадлежат к группе дидиерей, не встречающейся нигде в мире, кроме южной части Мадагаскара.

Именно в эти леса мы и ехали. Жорж сказал, что здесь водятся сифаки — лемуры, наиболее похожие на обезьян. Они должны были стать первыми героями нашего фильма.

Жорж предложил остановиться на ночевку в деревне, которую он назвал Футак. Уже приученные к особенностям малагасийского произношения, мы несколько не удивились, когда оказалось, что на карте это место к северу от города Амбувумбе называлось Ифотака. Селение расположилось среди зарослей ди-

диерей — десяток прямоугольных деревянных хижин, окруженных тамариндовыми деревьями. Мы подъехали к нему уже в сумерках, и вышедший навстречу староста проводил нас в дом для гостей. Строение было похоже на коробку под соломенной кровлей. По цементному полу самоуверенно разгуливали пауки. Приезжие, по-видимому, появлялись здесь не часто.

Ночь выдалась беспокойной. Москиты надсадно зудели в душном, пыльном помещении. Не успел я заснуть, как тут же был разбужен громкими скребущими звуками. Во тьме было видно, как полог моей москитной сетки болтается из стороны в сторону. Я нащупал фонарь. В луче света возникла крупная коричневая крыса, метавшаяся, словно заводная игрушка, вверх и вниз по сетке в нескольких сантиметрах от моего лица. Она укоризненно посмотрела на меня, плюхнулась на пол и затрусилась к Джефу, который громко сопел, до обидного безучастный к моим невзгодам. К сожалению, крыса миновала его сетку и скрылась в дыре в углу комнаты.

Я лежал в темноте, не в силах заснуть, как вдруг до меня донеслись глухие удары барабанов. Несколько минут я прислушивался, потом надел сандалии и вышел из дома. Жорж тоже проснулся, и мы пошли на другой конец деревни, откуда неслись звуки.

Сидя на земле, мужчина и женщина били в два огромных барабана. Перед ними горел костер, и в его отблесках мелькала фигура танцующей полуголой женщины. Она была среднего возраста, худая, с лицом, покрытым слоем белой глины. Вокруг нее кружилось человек тридцать — сорок. Мужчины были стройные, мускулистые, негроидного типа, в забав-

ных вязаных шапочках, похожих на желуди, и набедренных повязках, оставлявших неприкрытыми ягодицы. Они с силой ударяли пятками оземь, резко поднимая и опуская руки при каждом повороте. Люди были полностью поглощены танцем, при этом их лица оставались совершенно безучастными и напоминали маски.

Зрелище, кажется, несколько смутило Жоржа. Образованный малагасиец, столичный житель к тому же, он испытывал неловкость из-за того, что гость стал свидетелем «дикарского» обряда. Кстати, подобная реакция типична для интеллигенции страны, недавно завоевавшей политическую независимость.

— Эта женщина нездорова, — сказал он извиняющимся тоном, — и они надеются танцем вылечить ее. Знаете, они антандройцы — самое нецивилизованное племя у нас в стране. Это даже не настоящие мальгашаши, они — африканцы.

Утром, спозаранку, мы отправились на поиски сифака. Работать в здешнем лесу оказалось не так просто. Шипы стволов дидиерей и растущие между ними колючие кусты рвали одежду, больно царапали тело. Во многих местах путь преграждали упавшие стволы — они намертво сцепились между собой, так что не удавалось ни перешагнуть через них, ни проползти под ними. Одолеть чащобу можно было, только прорубая дорогу мачете, но делать этого не хотелось: стук непременно распугал бы всех лесных обитателей от мала до велика. Приходилось обходить бурелом, иногда делая большой крюк, и мы часто теряли направление.

Дело осложнялось еще тем, что мы были сильно нагружены. Джеф нес камеру, Жорж тащил тяжелый штатив, а я бережно прижимал к себе почти метровый телеобъектив. Было раннее утро, но жара стояла такая, что соленый пот лил градом и, попадая в царапины на руках и ногах, вызывал ошутимое жжение.

Уже час мы продирались сквозь плотный, неприступный лес. Наконец в зарослях дидиерей появился просвет. Мы ринулись туда в надежде передохнуть и подкрепиться на прогалине.

Я тихонько отвел кончиком мачете тонкую ветку и уже собирался шагнуть вперед, как вдруг заметил посреди солнечной полянки три маленькие белые фигурки, стоявшие у низкого цветущего кустика. Они деловито срывали лепестки и обеими лапами запихивали их в рот. Я застыл как вкопанный. С полминуты зверьки продолжали кормиться. Затем сзади подошел Жорж и, ни о чем не подозревая, наступил на ветку. Та хрустнула. Три зверька тотчас оглянулись и кинулись прочь большими прыжками. Они отталкивались от земли длинными задними лапами, а короткие передние держали перед собой, словно на соревнованиях по бегу в мешках. За несколько секунд они проскочили полянку и исчезли в зарослях дидиерей.

Джеф молча сопел у меня за спиной. Какое-то время мы оба не произнесли ни слова, боясь развеять очарование увиденного.

Жорж расплылся в счастливой улыбке:

— Сифаки! Я вам говорил, они должны быть здесь. Не беспокойтесь, мы их еще встретим, они не могли уйти далеко.

Мы быстро прикрепили камеру к штативу, насадили длинный объектив и двинулись вслед за зверьками в кустарник. В собранном виде камера была не только тяжелой, но и жутко неудобной: когда мы волокли ее сквозь заросли, ножки штатива беспрерывно цеплялись за сплетения ветвей.

К счастью, далеко тащить не пришлось: через несколько минут шедший в авангарде Жорж поднял руку. Мы почти беззвучно подкрались к нему. Проводник указал пальцем вперед, где среди раскачивающихся стволов дидиерей виднелся комок белого меха. Затаив дыхание, мы стали раздвигать кусты, чтобы пропустить Джефа с камерой. Операция оказалась не из простых: колючки не желали расставаться со штативом.

Наконец удобное место с относительно хорошим обзором было найдено. Сифака сидела на верхушке лидиереи, вцепившись в ствол; она явно видела нас, но не проявляла особенного беспокойства. Возможно, зверек чувствовал себя недосягаемым: одно дело на земле, а другое — на десятиметровой высоте.

Шаг за шагом мы передвигали камеру ближе к объекту, пока телеобъектив не позволил Джефу снимать зверька крупным планом. Густая шелковистая шерсть сифаки была белоснежной, только на макушке торчал рыжевато-коричневый вихор. Длинный пушистый хвост был свернут кольцом между ног. Лицо — голое, без шерсти, и черное как смоль — действительно немного походило на обезьянье, хотя вообще сифака ни на кого не похожа. Передние лапы зверька значительно короче задних, оттого он передвигается по земле в вертикальном положении. Поглядев на нас

своими горящими топазовыми глазами, сифака изда-ла смешной, хрюкающий звук, нечто вроде «шиифак». Отсюда, естественно, и наименование животного. Европейские зоологи произносят его в три слога — «сифака», но малагасийцы по обыкновению опускают последнее «а», и название зверька, слетающее у них с языка, действительно очень напоминает издаваемый им звук.

К волнению и радости у меня примешивалась толика тщеславия: сифаки плохо выживают в неволе, и мало кому из натуралистов доводилось наблюдать их в естественной среде. Поэтому сведения об их привычках и повадках весьма скудны, хотя подробные морфологические описания этих животных существуют уже давно.

Все специалисты отмечают, что сифака обладает феноменальной прыгучестью. Некоторые морфологи утверждали, что во время прыжка сифака планирует, натягивая, словно парус, кожаную складку между верхними конечностями и грудью. Это позволяет ей совершать гигантские скачки.

Сейчас нам представлялась возможность проверить это утверждение: сифака сидела как раз на верхушке дерева, и при отступлении ей придется спрыгнуть вниз на другую ветку или перескочить на соседнюю дидиерею, а до нее метров шесть, не меньше. Мне думалось, она предпочтет второй вариант, если, конечно, расстояние не покажется ей слишком большим. Мы отодвинули камеры чуть в сторону, заняв самую выгодную позицию для съемок, и Жорж решительным шагом направился к зверьку.

Сифака взглянула на него широко раскрытыми глазами, прокричала три-четыре раза, после чего мужество оставило ее. Она подобралась и, резко оттолкнувшись могучими задними лапами, взмыла в воздух. В полете она выбросила вперед все четыре лапы, приготовившись вцепиться в вертикальный ствол соседней дидиереи. Тело зверька летело в вертикальном положении, хвост развевался сзади. Послышался отчетливый шлепок: сифака достигла цели и обхватила передними лапами ствол. Тот закачался от удара, и акробат победно оглянулся на нас через плечо. Сомнений быть не могло: феноменальный прыжок производился только за счет силы толчка задних лап, ни о каком планировании не было и речи. Ну что ж, кое-что начало уже проясняться...

Местные жители многое рассказывали о сифаках, но отличить факты от выдумки было не так просто. Уверяли, например, что животные знают секреты врачевания: раненая сифака якобы кладет на раны какие-то листики, способствующие быстрому заживлению, — потрясающая деталь, если только она соответствует действительности.

Из другого рассказа явствовало, что самка-сифака, перед тем как родить, выдергивает у себя на груди шерсть, которой выстилает люльку, затем вешает ее на дерево, предварительно уложив на дно несколько камней, чтобы колыбель не снесло ветром. Доля истины в этом определенно есть, поскольку в ряде описаний указывается, что в период рождения детенышей у самок появляются пролысины на груди и предплечьях. Однако, как мы обнаружили позже, детеныши сифаки, подобно обезьянам, очень рано при-

цепляются к телу матери, и та носит их повсюду, так что устроенное ценой стольких мучений гнездо служит очень короткое время.

Одна трогательная история про сифак запомнилась мне особенно. Мы не раз наблюдали, как зверьки забираются ранним утром на самое высокое дерево и сидят там, подняв передние лапы, лицом к востоку в ожидании первых ласковых лучей солнца. Местные жители уверяли, что сифаки — набожные создания и поклоняются солнцу. Возможно, поэтому они считаются *фади* — табу, и, конечно, в прежние времена никто не отваживался причинять им вред. К несчастью для животных, старые поверья быстро отмирают даже в таких заброшенных уголках Мадагаскара. Однажды вечером к нам пришел человек из деревни и предложил поймать нескольких сифак. Мы отказались, а Жорж, как мог, пытался убедить крестьянина в том, что его действия противозаконны. Слова не произвели никакого впечатления. Уверен, предложи я ему пару франков, он притащил бы нам сколько угодно сифак, живых или мертвых.

По правде говоря, поимка зверьков не представляет особого труда, поскольку сифаки очень доверчивы: когда они сидят на ветке, к ним можно подойти вплотную, если не делать резких движений.

День за днем мы снимали их на пленку. Обычно утро сифаки проводили в «спальне» — на верхушках качающихся дидиерей, греясь на солнце и срывая листочки. В самое жаркое время дня они спускались пониже в тень и дремали, лениво развалиясь на ветках в замысловатых позах; иногда мы всерьез опасались за них: случалось, сифаки просто приваливались к ство-

лу, оставляя лапы болтаться в воздухе, или сворачивались клубочком; иногда — это, пожалуй, было самое комичное — они вытягивались на ветке во всю длину, свесив вниз передние и задние лапы.

Каждый день, около четырех часов, семейство из пяти сифак подбиралось к деревне полакомиться плодами тамариндовых деревьев, похожими на бобы. Они резво прыгали с ветки на ветку, карабкались по ним, словно матросы по вантам, частенько отваживаясь забираться на тонкий прутик, чтобы сорвать особенно приглянувшийся фрукт. Больше часа сифаки носились, удовлетворенно чавкая, у нас над головой. Их белоснежная шерстка в лучах заходящего солнца становилась золотисто-медовой. С наступлением темноты они возвращались в свою надежную крепость — заросли дидиерей.

Как-то вечером парочка сифак замешкалась. Самка уселась на горизонтальной ветке, болтая ногами и расчесывая зубами шерсть. Сзади к ней подкрался самец. Она делала вид, будто не замечает его. Неожиданно он прыгнул на нее, чуть не сбив с ветки борцовским приемом полунельсон. Она повернулась, выскользнула из цепких объятий ухажера и зажала его голову под мышкой. Он начал извиваться, потом обхватил ее вокруг талии двумя лапами и крепко прижал. Она широко раскрыла рот, не издав ни звука. Могу поклясться, она смеялась! Веселая потасовка длилась минут пять. Потом они вдруг расцепились и, сидя друг против друга, уставились на зрителей, стоявших, задрвав головы, метрах в двенадцати под ними. Мы не шевелились. Через секунду самка неожиданно схватила

пальцами левой ноги переднюю лапу самца и начала второй раунд вольной борьбы.

Это не было настоящей схваткой, и, хотя иногда сифаки прихватывали зубами руку или ногу партнера, они не кусали друг друга. Это была игра.

Животные часто играют в детстве, приобретая навыки, которые им понадобятся во взрослой жизни. Щенок трясет башмак точно так же, как позже он будет трясти крысу; котенок прыгает на моток шерсти, оттачивая движения, необходимые при ловле мышей. Взрослые звери, живя в неволе, тоже предаются играм, ища выход нерастроченной энергии. Но вид живущих в естественной среде взрослых животных, играющих просто ради забавы, — большая редкость. В безжалостном мире дикой природы у них редко выдается время для развлечений.

Однако у сифаков, похоже, нет тех проблем, которые заботят большинство животных. Им не приходится добывать пищу: плоды манго, индийские финики, лепестки цветов и сочные зеленые побеги — все это имеется в изобилии и легкодоступно. Их не преследует постоянный страх, им не нужно все время прятаться, поскольку на острове у них нет естественных врагов. И еще один, пожалуй, наиважнейший фактор — они живут семьями.

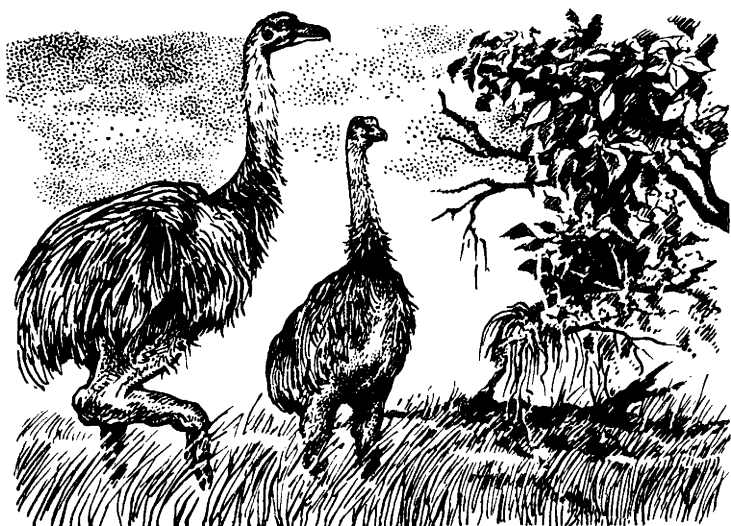
Если вы понаблюдаете за стадом обезьян, то скоро убедитесь, что структура их сообщества строится по жесткому иерархическому принципу. Каждая обезьяна знает свое место. Она раболепствует перед старшим и безжалостно задирает младшего по рангу. В результате вы редко, а то и вовсе не увидите двух

взрослых обезьян, играющих друг с другом ради удовольствия.

Среди сифак мы не видели ничего подобного. Их семейная жизнь основана на привязанности. За долгие часы, что мы наблюдали зверьков, они никогда не дрались, зато мы многократно видели их играющими или ласкающими друг друга.

Мы не могли вдоволь налюбоваться трогательным зрелищем. Сифаки были неистощимы в выдумке. Только когда солнце начало наливаться краснотой, самка вырвалась из объятий дружка. Лево́й ногой она ловко сбросила с ветки хвост, словно дама викторианской эпохи, откидывающая назад длинный шлейф. Самец повторил ее жест, и они отправились по веткам к «спальне» среди дидиерей.

Глава 3 ПТИЦЫ-ВЕЛИКАНЫ

Покинув Ифотаку с ее причудливым лесом, мы отправились на запад, в еще более жаркое и засушливое место. Колеса часто вязли в песке, мотор то и дело глох. Приходилось идти на малой скорости, «ленд-ровер» буксовал, извергая струи песка из-под задних колес. Если мы прибавляли скорость, машину начало швырять из стороны в сторону. К счастью, вдоль дороги росли колючие кустарники; окажись там кювет, нам бы не поздоровилось. Но езда и без этого была крайне напряженной. Между песчаными колеями торчали крупные валуны. Мы осторожно подкатывали и в несколько прыжков с грохотом и треском переваливали через них.

Машине, естественно, не нравилось такое обращение, несообразное с ее возрастом и физическим состоянием. Добравшись до города Ампаниху, она отказалась двигаться дальше. Амортизатор отвалился от шасси, один болт срезало напрочь, к тому же из-за прокола пришлось поставить запасное колесо, резина которого состояла из сплошных заплат и голого корда.

Целый день мы проколдовали над машиной. Одаренность Джефа по части механики проявилась в полной мере, а я, перечисляя наши беды толпе любопытствующих зевак и советчиков, существенно пополнил свой словарь французских терминов в области автосервиса. Жорж, совершив набег на рынок и в лавки индийцев, вернулся с кучей ржавых гаек, болтов и допотопных свечей зажигания. Часть этого добра была немедленно использована; несколько болтов заняли надлежащие места в моторе и ходовой части, а остальное мы отложили про запас.

Наконец, с грехом пополам оживив «лендровер», мы продолжили путь на юго-запад острова. Лагерь разбили в нескольких милях от берега, в месте, где на карте проходила голубая линия под названием «река Линта». Мы рассчитывали увидеть реку, но обнаружили лишь русло шириной в полмили, наполненное сухим, горячим песком.

В эти пустынные просторы мы прибыли с единственной целью — найти крупнейшие в мире птичьи яйца, породившие, по всей видимости, легенду о птице Рух.

В арабских сказках часто фигурируют фантастические, диковинные существа. В средние века кресто-

носцы, возвращаясь из походов, привозили с собой в Европу восточные легенды. Наибольшую известность получили сказки «Тысячи и одной ночи». Герой саги о Синдбаде-мореходе нашел яйцо величиной с дом. Один из спутников Синдбада разбил его. Это оказалось яйцо волшебной птицы Рух; разгневанная, она взвилась над кораблем, заслонив крыльями солнце, и начала швырять вниз обломки скал, пока не потопила судно.

Для Марко Поло, путешествовавшего в XIII веке, птица Рух была вполне реальным существом. В своем описании он приводит такие подробности: «Ее можно полагать похожей на орла, только во много раз больше; птица столь велика, что ее крылья покрывают в размахе тридцать десятин, а перья по двенадцать десятин и толсты весьма. И силы у нее так много, что может схватить когтями слона и вознести его в поднебесье и бросить наземь, где он разбивается на куски; убив его, птица устремляется вниз и поедает от него сколько захочет».

Итальянский путешественник не утверждал, что сам видел это фантастическое создание, но в доказательство его реальности описывал перо, присланное в дар завоевателю Китая Хубилай-хану. Перо имело девяносто пядей в длину, а обхватить его ствол можно было лишь двумя ладонями. Впечатляющий предмет был, по всей видимости, сухой пальмовой ветвью — несомненной редкостью в Пекине XIII века. И далее Марко Поло приводит свидетельства «достойных доверия очевидцев», побывавших в краях, где сам он не был. Согласно их рассказам, птица Рух обитала на островах, расположенных «к югу от Мадагаскара».

На первый взгляд кажется, что в этом сообщении нет никакого смысла, поскольку к югу от Мадагаскара на сотни миль тянется океан. Однако на самом деле оно не столь абсурдно, как представляется. Поло пишет, что в «стране Мадагаскар» много верблюдов и что там идет богатая торговля «слоновьиими зубами». Эти детали не имеют никакого отношения к острову, ныне носящему название Мадагаскар. Вероятнее всего, собеседники Марко Поло рассказывали о городе Могадिशо, на восточном побережье Африки, где действительно есть верблюды и велась торговля слоновьей костью. Если так, то тогда островами «к югу от Могадिशо» должны быть Мадагаскар и соседние с ним Реюньон и Маврикий. Более того, у информаторов Марко Поло были веские основания считать, что птица Рух обитала именно там; три века спустя в этом убедился и европейский ученый мир.

В 1658 году сьер Этьен де Флакур, назначенный королем главой Французской Ост-Индской компании и губернатором Мадагаскара, опубликовал первую книгу об острове. Эта изобилующая интереснейшими подробностями работа содержит описание местных растений, минералов, рыб, насекомых, млекопитающих и птиц. Среди прочего мы находим там следующее сообщение: «*Вурон патра* — гигантская птица, живет в краю ампатров (на юге Мадагаскара), откладывает яйца, похожие на страусиные; сама птица из породы страусов; обитает в безлюдных местах, чтобы ее не могли поймать».

Сообщение это не вызвало сенсации и вскоре забылось: в те времена каждый путешественник привозил домой целый ворох историй о всяческих чудесах и

открытиях. Но в 1832 году другой француз, Виктор Сганзен, увидел на Мадагаскаре яйцо *вурон патра*. Местные жители использовали его как сосуд для воды. Яйцо было поразительных размеров — тридцать сантиметров в длину. В шесть раз больше страусиного!

Сганзену удалось купить это диво и отправить в Париж на купеческом судне. К несчастью, корабль потерпел крушение и затонул возле Ла-Рошели. Лишь в 1850 году в Европу попали три яйца-великана. Их привез во Францию шкипер Абади.

Несколько лет в ученых кругах велись горячие споры о том, что же за птица откладывает столь необычные яйца. Одни авторитеты решительно заявляли, что таинственное существо — орел типа описанного в книге Марко Поло. Другие полагали, что это огромный пингвин или гигантский петушок. В конце концов вопрос решился, когда из болота в центральной части Мадагаскара удалось извлечь птичьи кости гигантской величины. Стало ясно, что птица была действительно похожа на страуса и не могла летать. Ученые назвали ее эпиорнисом.

При реконструкции оказалось, что рост птицы достигал трех метров. Это не рекорд: вымершие к середине XIX века новозеландские моа были еще крупнее; но эпиорнис обладал на редкость плотным телосложением и, безусловно, был тяжеловесом в мире пернатых. Его вес достигал, по некоторым подсчетам, четырехсот пятидесяти килограммов.

Флакур был прав: птица принадлежала к семейству страусов. Если учесть, что губернатор не видел ее костей и не имел представления о сравнительной анатомии, то становится очевидным, что информаторы

Флакура описывали ему это существо с натуры, то есть видели его живым. Сейчас, как ни печально, птица принадлежит к вымершему виду пернатых. Как ни огромен Мадагаскар, на нем не осталось уголков, не исследованных настолько, чтобы там могли скрываться такие крупные птицы. Тем не менее я лелеял надежду отыскать в песках возле пересохшей реки Линта если уж не целое яйцо эпиорниса, то по крайней мере его обломки.

Мы разбили палатку под молочайным деревом, недалеко от десятиметрового колодца — единственного на многие мили кругом. Люди приходят сюда из далеких селений; вытягивая воду ведром, пьют сами, поят пригнанный скот. Животных держат поодаль, в тени кустарниковых зарослей, метрах в ста от водопоя, и по нескольку подводят к колодцу; возле него сделаны три цементных желоба, куда наливают воду для животных. В основном это зебу — тощие создания с изъеденной слепнями шкурой и широко расставленными рогами. Кроме них мы видели коз с удивительно тонкой белой шерстью. Такое шелковистое руно высоко ценится у арабских торговцев. Они называют эту шерсть *мухайяр* — «отборная», а мы трансформировали это слово в «мохер».

Внешне местные жители походили на типичных африканцев; мужчины коротко стригли курчавые волосы, а женщины заплетали их в двадцать — тридцать тоненьких косичек. Я внимательно наблюдал за приходившими к колодцу: ведь сто лет назад Виктор Сганзен видел, что здешние люди носят воду в скор-

лупе от огромных яиц. Может, этот способ и сейчас в ходу?

Каждый — мужчина, женщина, ребенок — имел при себе какую-либо тару: железное ведро, консервную банку, металлическую флягу, высушенную тыкву, разрезанную пополам канистру из-под машинного масла с приделанными к ней веревочными ручками, но ни у кого не было ничего даже отдаленно напоминавшего яйцо. Надежды на то, что удача сама приплывет к нам в руки, становились все более призрачными...

Жоржу очень хотелось найти для коллекции института необычных, похожих на кукушку птиц, обитавших, по некоторым предположениям, в здешних кустарниках. Он отправился на рекогносцировку, а мы с Джефом решили начать активные поиски выеденного яйца — в полном смысле слова. Неужто не найдем хоть кусочек, хоть часть скорлупки!

Солнце палило нещадно, на небо нельзя было взглянуть, а в дюнах припекало, как на сковородке. Поверхность песка раскалилась так, что ходить по нему босиком было пыткой. Даже отраженный свет больно бил в глаза, приходилось щуриться. При каждом шаге песок оседал под ногами, и это делало ходьбу вдвойне изнурительной. Время тянулось медленно.

Какой бы мертвой ни казалась пустыня, в ней всегда можно найти признаки жизни. Вот и нам попадались различные следы: здесь, извиваясь, проползла змея, здесь пробежала ящерица, чей хвост провел между отпечатками лап тоненький волнистый желобок, а эти цепочки следов, похожих на стрелы с коротким древком, оставили на песке маленькие птички.

Пауки оплели ветки низкорослых колючих кустарников паутиной, ухитрившись каким-то непостижимым образом подвесить к ней грузики — пустые раковины улиток, в результате шелковистая сеть была все время туго натянута. Под одним кустом мы обнаружили прелестную черепаху полуметровой длины с выпуклым шоколадным панцирем, исчерченным расходящимися желтыми линиями. Мы знали, что многие племена почитают этих животных. Если человеку попадается на пути такая черепаха, он кладет ей на панцирь что-нибудь в дар и, довольный, продолжает свой путь: встреча с ней — добрый знак. Нам эта нечаянная встреча особой удачи не принесла: мы брели обратно в лагерь с пустыми руками, изнывая от зноя, вконец измученные.

Когда жара чуть спала, мы совершили еще одну вылазку, и, представьте, два часа спустя я нашел кое-что — три скорлупки размером с монету в полкроны и вдвое толще ее. Поверхность их с одной стороны была матовая, а с другой — бледно-желтая с выраженной структурой. Никаких сомнений — то были фрагменты гигантского яйца!

Мы уселись в призрачной тени зеленого кустика и стали разглядывать найденное, поплеывая на осколки, чтобы очистить поверхность. Мимо гнал к колодезю стадо коз невысокий лохматый мальчуган, голый, если не считать ожерелья из голубых бусинок и набедренной повязки. Я подозвал его и показал найденную драгоценность.

— Я ишу большое яйцо, — сказал я по-французски. — Эти маленькие кусочки — нехорошо. Надо большие куски.

Мальчик взглянул на меня недоверчиво, явно ожидая какого-то подвоха.

— Яйцо, — повторил я со всем чистосердечием, на которое был способен. — Большое яйцо.

Его лицо оставалось безучастным. Я знал, что плохо говорю по-французски, но, боюсь, тут не помог бы и чистокровный француз, а местный малагасийский диалект, к сожалению, был мне совершенно неведом. Я сделал еще одну попытку: сложив руки кольцом, начал сводить и разводять их, наглядно изображая форму и размер нужного мне предмета. Никакой реакции. Мальчик на меня и не смотрел. Заметив, что его стадо разбрелось, он запустил камнем и бросился собирать коз.

Ну что ж, мы радовались и найденным малым скорлупкам. Вернувшись в лагерь, я с гордостью показал их Жоржу. Скромности ради я не стал хвалиться, но про себя отметил: до чего же у меня поразительно зоркий глаз, если я смог различить эти крошечные осколки в необозримом море песка!

Когда на следующее утро я проснулся, перед входом в палатку, завернувшись в покрывало, стояла высокая худощавая женщина и терпеливо смотрела на меня сквозь москитную сетку. На голове она держала большую корзину. Увидев, что я зашевелился, гостья в знак приветствия поднесла на арабский манер правую руку ко лбу и к сердцу. Я поскорее выбрался из спального мешка, одновременно освежая в памяти свой скудный запас французских слов — он должен был понадобиться мне весь; я уже привык, что цель визита смутно вырисовывается только к концу долгого разговора на ломаном языке. Но объясняться нам не

пришлось. Женщина просто сняла с головы корзину и высыпала на землю груду осколков волшебного яйца.

Я смотрел на них, оцепенев, словно в столбняке. Было ясно, что вчерашний пастушонок абсолютно точно понял, зачем мы рыскали по пустыне, и передал весть в деревню; не менее очевидным был и тот факт, что представление о зоркости моего глаза оказалось сильно преувеличенным. Поистине и слепой сумел бы выудить из песка три кусочка скорлупы, если женщина на том же месте за пару часов собрала, по самым скромным подсчетам, пятьсот обломков!

Я рассыпался в благодарностях и вручил ей подарок. Она снова коснулась лба в знак признательности и грациозно зашагала прочь. Такая походка, такая поразительная стройность бывает только у тех, кто с детства привык носить тяжести на голове.

Жорж и Джеф тоже успели проснуться и вылезти из палатки. Полюбовавшись грудой сокровищ и еще раз потрогав скорлупки, дабы убедиться, что это не мираж, мы занялись приготовлением кофе. Но не успел вскипеть чайник, как явилась вторая женщина. И тоже принесла полную корзину осколков.

— Слава Богу, паренек не понял твоего французского, — сказал Джеф. — Ты ведь готов был предложить ему пять франков за каждую скорлупку, и сейчас мы были бы уже полными банкротами.

В самом деле, местность оказалась куда урожайней, чем я предполагал. Теперь мы пытались объяснить деревенским жителям, что осколки нам больше не нужны, но остановить поток было уже невозможно. Что ни час, прибывала свежая порция, и к концу дня груды под молочайным деревом выросли до полу-

метра. Это само по себе служило неоспоримым доказательством того, сколь многочисленны были эпиорнисы в прошлом. Скорлупа птичьих яиц состоит из извести, но, как правило, она не толще бумаги и легко крошится, превращаясь в пыль. У яиц эпиорнисов скорлупа очень толстая и ломается с трудом. Поколения птенцов эпиорнисов, вылупляясь, разбивали яйца и оставили огромное число их осколков по всей округе.

Поначалу я мечтал найти хотя бы один-два кусочка. Это казалось невероятно трудной задачей. Теперь, когда их было полным-полно, мне захотелось большего. Конечно, я понимал, что шансов найти яйцо с неповрежденной скорлупой слишком мало — ведь целыми оставались лишь редкие бесплодные или испорченные яйца, да и те за несколько веков вряд ли могли уцелеть. Но женщины приносили нам относительно маленькие кусочки, а мне хотелось заполучить по-настоящему крупный обломок, по изгибу которого можно было хотя бы приблизительно судить о размерах «исходного» яйца.

На следующий день мы с Джефом решили вести поиски порознь, чтобы охватить большую территорию. Теперь мы уже точно знали, что надо искать. И действительно, осколки попадались часто. В лагерь я возвращался с отвисшими карманами; правда, все скорлупки были крошечные. Недалеко от нашего становища я увидел Джефа: он сидел на дне свежерытой глубокой ямы — только макушка маячила над бруствером выброшенного из нее песка. Он здраво рассудил, что, коль скоро не удалось найти вожаемый крупный кусок на поверхности, надо заняться интен-

сивными поисками в каком-нибудь одном многообещающем месте, а затем сложить дюжину осколков. Если они были частью одного яйца, их можно подогнать друг к другу. Идея оказалась блестящей: Джеф с гордостью продемонстрировал мне четырнадцать кусочков, обнаруженных в радиусе примерно одного метра. Мы отмыли их, забрались в палатку и начали складывать. Только два подходили друг к другу...

Мы занимались поисками третьего подходящего фрагмента, когда появился мой старый знакомый — полуголый пастушок. Все с тем же безучастным видом он тащил на спине пыльный узел. У палатки мальчик свалил свою ношу наземь и развязал узел. Там лежало штук двадцать обломков: одни — довольно маленькие, другие — размером с блюдце, раза в два больше тех, что попадались нам раньше. Жоржа в лагере не было, он выискивал своих птиц, поэтому я попытался расспросить мальчика сам. Где он собрал эти осколки — в разных местах или в одном? Ответа не последовало. Я щедро заплатил пареньку, и он, не произнеся ни слова, не улыбнувшись, зашагал к своим козам, оставленным у колодца.

Мы разложили скорлупки на песке лицевой стороной кверху и стали изучать их. Это напоминало игру головоломку. Правда, когда собираешь настоящую головоломку, то, по крайней мере, знаешь, что все лежащие перед тобой кусочки должны пойти в дело и от тебя требуется только правильно сложить их. Наша задача была потруднее, но зато гораздо увлекательнее. Что представляли собой лежащие перед нами кусочки — фрагменты одного яйца или нескольких? Достаточно ли их, чтобы сложить нечто целое?

Мы начали действовать методом проб и ошибок. Через несколько минут я отобрал два куска с совпадающими острыми краями. Совместив осколки, мы крепили их клейкой лентой. Затем нашли другую пару и пятый кусок, подходивший к двум первым. Час спустя у нас уже были готовы две половинки яйца. Я осторожно соединил их. Половинки сошлись идеально, не хватало лишь нескольких мелких фрагментов!..

Целое яйцо оказалось поразительных размеров: тридцать сантиметров в длину и шестьдесят восемь с половиной сантиметров в обхвате. Самые мелкие осколки были с одного боку, причем линии стыков расходились от центральной точки, словно спицы у колеса. Очевидно, именно в это место пришелся удар, от которого яйцо треснуло и раскололось, причем случилось это сравнительно недавно. А возможен и другой, более романтичный вариант: в эту точку колотил клювом юный эпиорнис, прокладывая себе дорогу в мир, на белый свет. Птенец, кстати, должен был обладать недюжинной физической силой.

Кое-где поверхность скорлупы была истертая, рябая — результат эрозии: ветер бомбардировал ее песчинками. Но куски, лежавшие в песке, сохранились лучше и выглядели совсем свежими. Судя по описаниям Флакура, эпиорнисы в его времена еще встречались здесь, так что нашему яйцу могло быть всего лет триста. Однако с тем же успехом эпиорнис мог отложить его и несколько тысяч лет назад. Датировать его на месте не представлялось возможным.

Почему же вымерли эти феноменальные птицы? На сей счет существует немало предположений. Согласно одной из гипотез, на мой взгляд наименее

обоснованной, эпиорнисы задохнулись от ядовитых газов при вулканических извержениях, следы которых остались во многих частях острова. Другая версия аналогична той, которой объясняют исчезновение новозеландских моа: поскольку в Новой Зеландии не было крупных млекопитающих, маори охотились в основном на гигантских птиц и в конце концов всех уничтожили. Однако если уж страус или казуар способен ударом когтистой лапы вспороть человеку живот, то что говорить об эпиорнисах, весивших вдвое больше? Поистине крепкий орешек для малагасийских охотников!.. Да и зачем им было истреблять этих великанов ради мяса, когда на острове полно другой, абсолютно доступной живности, например лемуров?

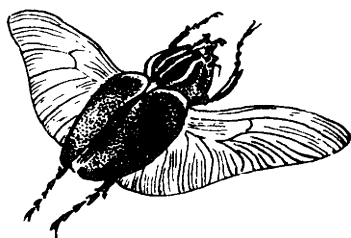
Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что птицы вымерли в результате изменения климата, который на Мадагаскаре с течением веков становился все суше и суше. Безводное русло широкой реки Линта служит ярким доказательством этих перемен. Огромный вес эпиорнисов и пропорции их скелета навели ряд ученых на мысль о том, что птицы-гиганты обитали в болотах. Когда болота пересохли, птицы потеряли места привычного обитания и погибли.

Что было вначале — яйцо или птица? Легенда о птице Рух или знакомство с фантастических размеров яйцами?

Возможно, арабы, ходившие в Мозамбикский пролив на своих доу, видели в лодках рыбаков с мадагаскарского берега скорлупу, используемую в качестве емкостей для воды; отсюда и родилась легенда. Но не исключено, что легенда возникла в арабском мире

самостоятельно, разнеслась по свету и позднее Марко Поло, пытаясь найти ей объяснение, связал ее с рассказами о Мадагаскаре. Так это или не так, судить не берусь.

Реальный эпиорнис бередил мое воображение ничуть не меньше, чем фантастическая птица Рух. С волнением и восторгом держал я в руках сложенное из осколков яйцо и легко представлял себе времена, когда Линта была полноводной, вокруг расстились темные болота и огромные, трехметровые птицы величественно шагали через топи.

Глава 4 ФЛАМИНГО, ТЕНРЕКИ И МЫШИНЫЕ ЛЕМУРЫ

Всю дорогу, пока мы, подскакивая на ухабах, с грохотом ехали от реки Линта через каменистые холмы и дидиерейные леса, я бережно держал драгоценное яйцо на коленях; наш путь лежал на север, к Ампаниху, затем, уже по приличным дорогам, мы двинулись на запад, к бухте Святого Августина и городу Тулиара.

Во время рождественских каникул туда обычно съезжается масса народу. Широкие, залитые солнцем пляжи, улицы с приземистыми пальмами, похожими на огромные страусиные перья, воткнутые в тротуар, и сапфировое море навевают французам приятные воспоминания о шикарных курортах Лазурного бере-

га. Состоятельные жители Антананариву стекаются в Тулиару, спасаясь от дождей, обрушивающихся на столицу в это время года; ливни превращают ее улицы в стремительные ручьи, и влага настолько пропитывает воздух, что на туфлях в стенном шкафу через два-три дня выступает плесень.

Мы прибыли в Тулиару за два месяца до появления первых отрядов курортников. Улицы были полупустыми, а асфальт таким горячим, что припекало пятки сквозь тонкие сандалии. Около главной гостиницы под безжалостным солнцем сидела группа женщин, разложив перед собой аккуратными рядами на плетеных циновках дары моря: конусообразные раковины, блестящие каури, розовые тропические шлемы с кроваво-малиновыми ртами и кусочки белых, обесцвеченных кораллов. Продавцы настолько смирились с отсутствием туристов, что даже не потрудились окликнуть нас при входе в отель.

Мы провели в городке несколько дней. У Жоржа там жили близкие родственники, которых он не видел уже около полугода, да и мы радовались короткой передышке после суровой лагерной жизни. Приятно было вкушать немного блага цивилизации. В гостиничном баре по вечерам собирались местные жители. Все знали друг друга давным-давно, заведение было подобием клуба, так что появление новых лиц вызвало живейший интерес. К моему рассказу о яйцах размером с футбольный мяч большинство посетителей бара отнеслось с недоверием, пропорциональным количеству пропущенных рюмок. Единственный, кто воспринял нашу историю всерьез, — это толстый круглоголовый человек в тельняшке. Он сказал, что

прожил на Мадагаскаре тридцать лет и за это время навиделся всякого. Что там гигантские яйца — сушая ерунда! Он знает, например, абсолютно точно, что в джунглях колючих кустарников на южном побережье живет племя карликов — ростом чуть более метра. Всякие там заумные профессора, утверждающие, что им все известно, никогда и не слышали об этих человечках, а между тем они и есть первые обитатели острова, поселившиеся на нем задолго до прихода нынешних малагасийских племен, не говоря уж о европейцах.

— Почему же мальгаши никогда не рассказывают о них? — спросил кто-то.

— Да потому, — мрачно ответил человек в тельняшке, — что мальгаши охотятся на этих карликов, убивают их и едят.

Конечно, рядом с этой жуткой тайной наши истории сразу померкли, и даже само яйцо, которое я продемонстрировал в качестве доказательства, не произвело ожидаемого впечатления. Мне стало немного обидно за находку. Что касается людоедской тайны, то это обычная выдумка из серии рассказов про дикарей, которую можно услышать в любом месте к югу от тропика Рака.

На побережье, недалеко от Тулиары, находятся соленые озера, где, как нам говорили в Антананариву, обитают фламинго. Первое озеро, к которому мы отправились, лежало к югу от города и носило непривычное название — Циманомпецоа. Чтобы добраться до него, пришлось переправляться на пароме через реку Онилаха, а затем ехать целый день по бес-

конечным дюнам. Машину заносило на песке, как на льду.

Озеро протянулось на милю в длину, вода в нем была молочного цвета и едко горькая на вкус. Посредине озера, за пределами досягаемости нашей камеры, мы увидели стаю фламинго — тонких угловатых птиц, тихо подрагивавших в перегретом воздухе. В стае насчитывалось не менее сотни птиц. Как жаль, что к ним нельзя было подобраться ближе. К тому же размер стаи до обидного мал по сравнению с огромными, в сотни тысяч, скоплениями фламинго на соленых озерах Восточной Африки.

Мы поговорили с жителями маленькой деревушки, приютившейся на берегу; хотелось выяснить, устраивают ли фламинго здесь гнезда. Снимать птиц сейчас не имело смысла, но, если позднее они начнут гнездиться, мы могли бы вернуться сюда, захватив надувные лодки и болотные сапоги для защиты от разъедающей щелочной воды, и попытаться запечатлеть их: фламинго очень картинно стоят у своих маленьких, сооруженных из ила гнезд. Один из старожилов сказал, что в былые годы фламинго гнездились на соленой отмели в северной части озера, но вот уже много лет, как они перестали это делать. Неизвестно, стоило ли полагаться на эту информацию. Люди зачастую из самых лучших побуждений или из вежливости говорят вещи, которые не всегда соответствуют действительности; они просто не желают огорчать вас.

Мы решили обследовать другое крупное озеро — Ихотри, расположенное к северу от Тулиары. Переправа прошла без приключений, но дальше дорога к озеру оказалась тяжелой. Миля за милей мы кружили,

огибая песчаные холмы вдоль побережья, затем свернули в глубь острова и двинулись через долины, усеянные коричневыми коническими термитниками, напоминавшими бетонные надолбы на рубеже противотанковой обороны.

По мере продвижения к северу растительность становилась все гуще. Вскоре мы оказались среди величественных баобабов, каких мне не доводилось видеть в Африке: здесь они были выше и раскидистей. Их огромные цилиндрические стволы поднимались на десять — двадцать метров, а плоская крона являла собой пучок тоненьких веточек, до смешного крохотных в сравнении с могучим, гигантским стволом. Баобабы выглядели как на детском рисунке, где все пропорции смещены, но зато передано впечатление. В Африке нелепый вид баобабов породил такую легенду: при сотворении мира первый баобаб оскорбил Бога, тот в наказание вырвал его из земли и воткнул вершиной вниз, оставив корни болтаться в воздухе.

Издали истинные размеры баобаба оценить трудно; дело в том, что глаз, словно отказываясь признать существование дерева такой немислимой величины, искусственно приближает его к наблюдателю, тем самым уменьшая размеры и делая их более приемлемыми для воображения. Лишь когда мы натолкнулись на ствол, безжизненно распростертый у дороги, я смог в полной мере оценить эту громадину. Рядом с серо-стальным стволом наш «лендровер» казался карликом; таким он выглядел бы, вероятно, в соседстве с необъятным котлом океанского лайнера, который возят на верфь через город ночью, так как он занимает всю ширину улицы.

Вокруг озера Ихотри баобабы стояли частоколом. В просвете между ними вдруг замелькало что-то розовое. Мы рванулись туда и увидели птиц, величественно расхаживающих по озеру. По моим прикидкам, в стае насчитывалось тысяч десять фламинго, но с таким же успехом их могло быть и в два раза больше.

Мы разбили лагерь недалеко от рыбацкого поселка. На топком берегу соорудили прямоугольный навес, натянув на четыре жерди мешковину. Под ним установили камеры. Каждый день с утра мы забирались в это убежище, быстро превращавшееся на солнце в филиал адского пекла, и оттуда наблюдали за птицами, барахтавшимися в теплой воде. В стае выделялись две разновидности: обыкновенные, полуметровые фламинго белого цвета, с редкими розовыми прожилками на крыльях и малые фламинго — пониже ростом, с тяжелыми черными клювами; у последних розовыми были не только крылья, но почти все оперение.

В столь огромном скоплении живых существ всегда есть что-то волнующее. От красоты зрелища перехватывает дыхание, от бесчисленности птиц кружится голова. Но кроме того, почти физически ощущаешь ступок витальной силы, неудержимую любовь к жизни. Можно, разумеется, свести ее к сумме биологических факторов, обуславливающих поведение птиц, можно даже точно установить численность стаи и измерить параметры отдельных особей популяции, и все же завораживающая притягательность картины останется до конца непостижимой.

По утрам птицы равномерно распределялись вдоль южного берега озера. Глубина здесь не превы-

шала тридцати сантиметров, и фламинго с достоинством расхаживали по отмели, высоко задирая розовые ноги, наклоняя длинные шеи и погружая в воду изогнутые клювы.

Действуя глоткой, словно насосом, они пропускали воду через пластинки внутри клюва, отфильтровывая частички пищи, а воду выбрасывали через боковые щели. У обоих видов фламинго механизм фильтрации одинаков, но воду они зачерпывают на разном уровне; малые фламинго выскивают микроскопические водоросли на глубине пяти-шести сантиметров, а обыкновенные фламинго опускают клюв глубже, собирая мелких ракообразных и другую крохотную живность.

Птицы питались обычно до полудня. К этому времени тепловое излучение с поверхности озера достигало такой интенсивности, что воздух колыхался и изображения фламинго, переступавших всего в нескольких метрах от камеры, начинали расплываться и дрожать. Съёмки становились невозможными, мы с облегчением покидали раскаленное убежище и ретировались в лагерь. Но и там не удавалось укрыться от зноя. Иногда сквозь частокол безлистных деревьев пробивалось слабое дуновение ветерка, хотя оно тоже не приносило облегчения — воздух обдавал горячим, сухим жаром, словно из духовки. Даже птицам, похоже, становилось невмоготу. Большинство птиц прекращали кормиться и застывали возле своего отражения в зеркальной глади.

К трем часам пополудни температура падала, и мы снова могли снимать — изображение получалось четким. Тент пылал горячим гостеприимством. Увы, пти-

цы к этому времени начинали покидать места кормления. Фламинго взлетали партиями, расправляя крылья и являя во всей красе их черно-красное оперение; по озерной глади скользили бесформенные нежно-розовые пятна. Фламинго пролетали небольшое расстояние и приземлялись в чуть более глубоком месте в северной части водоема. Там одни выстраивались в длинную очередь, по три-четыре птицы в ряд, образуя змеевидную линию длиной несколько сотен метров. Другие сбивались в плотные кучки и стояли высоко задрав головы, тесня и толкая друг друга. Мы находились довольно далеко, и на таком расстоянии их тонкие ноги были неразличимы, отчего плотно сомкнутые тела казались неподвижным розовым облаком, висевшим в полуметре над поверхностью озера.

Что они делали? Может быть, готовились к перелету? Или это была процедура ухаживания и подготовка к спариванию? Чем больше мы наблюдали за ними, тем яснее понимали, как мало нам известно об этих дивных птицах. Кто они — случайные гости, залетевшие на Мадагаскар с другой стороны Мозамбикского пролива? Если да, то чем их так привлекло это озеро, что они пустились в дальний путь, в несколько сотен миль над морем? Если же они не из Африки, то где они гнездятся? Есть ли вообще на Мадагаскаре места гнездования фламинго?

Мы отправились в деревушку к рыбакам в надежде найти ответ хотя бы на часть вопросов. Селение насквозь пропиталось едким запахом разложившей повсюду на циновках сушившейся рыбы. Среди мусора на земле я заметил вымазанные в грязи розовые перья. Это доказывало, что птиц отлавливают и едят.

Жорж уже бывал раньше на озере, и жители деревни знали, что он — официальное лицо. Знали они и о том, что закон запрещает уничтожать птиц.

Может быть, поэтому они отнеслись с подозрением к нашим расспросам о фламинго. Неудивительно, что мы не получили ответа на многие вопросы. Лишь в двух вещах рыбаки были твердо уверены. Во-первых, с месяц назад на озере было больше птиц, а во-вторых, насколько им известно, птицы никогда не устраивали гнезд на соленых отмелях озера.

Когда солнце повисло на горизонте за баобабами и его багровеющие лучи уже не так опаляли землю, розовый цвет стал растворяться в пламенном сиянии, озарявшем небо и озеро. Крупные коричневые сарычи и белоплечие вороны, облюбовавшие верхушки деревьев, чистили перышки и прихорашивались. На час-другой опускалась прохлада. В это время мы отправлялись с деревенскими жителями к озеру набрать воды из ям, вырытых примерно в метре от берега. Вода, пройдя сквозь почву, была менее горькой, чем в самом озере, но все равно оставалась грязной и противной на вкус. Ничего не поделаешь, это единственный источник воды; пить ее приходилось много, чтобы восполнить потерю жидкости в результате обильного потоотделения. Из гигиенических соображений мы несколько раз кипятили воду, хлорировали ее с помощью специальных таблеток и, пытаясь избавиться от дурного вкуса, добавляли в кастрюлю молотый кофе или фруктовый экстракт. В итоге она походила на что угодно, только не на воду, однако жажду утоляла, а это было главным.

Во время этих приятнейших вечеров мы отключались от фламинго. Бродя среди баобабов и колючих кустарников, мы заглядывали в дупла деревьев, раздвигали ветви в поисках гнезд, переворачивали подгнившие бревна в надежде найти еще какую-нибудь живность.

Нам попадались разные птицы — чечевицы, жаворонки, удоды, хохлатые цесарки и стаи маленьких мадагаскарских неразлучников с серенькими головками и зеленым туловищем, но в целом пернатых было мало. Даже на самом озере помимо фламинго мы увидели лишь пару белых цапель, компанию красноклювых уток и стайку элегантных длиннокрылых маскаренских крачек Берга, появлявшихся под вечер. Нам не попалось ни змей, ни млекопитающих. Только один раз, откатив ногой бревно, я увидел свернувшегося клубком крошечного колючего тенрека, спавшего в уютном логове, выстланном сухими, бурыми листьями.

Зверек был сантиметров пятнадцать в длину, с вытянутой мордочкой, булабочными глазками и влажным острым носом, обрамленным длинными усами, а спина густо покрыта короткими иголками, отчего он выглядел в точности как миниатюрный ежик; если бы я не знал, что ежи на Мадагаскаре не водятся, я бы наверняка принял его за такового.

По анатомическому строению тенреки существенно отличаются от ежей, и, хотя они тоже принадлежат к огромному отряду насекомоядных, у них есть ряд черт, характерных для сумчатых. Некоторые зоологи считают тенреков одним из примитивных видов млекопитающих. Подобно многим другим представи-

гелям фауны Мадагаскара, тенреки не обитают больше нигде в мире; к их сородичам относятся лишь выдровая землеройка, живущая в лесах Западной Африки, и необычный зверь под названием щелезуб, встречающийся только на Кубе и Гаити.

На Мадагаскаре водится несколько видов тенреков, и все скрывают свое истинное лицо под колючей мантией. Одни — маленькие, пушистые, черного цвета с желтыми прожилками, другие похожи на кротов, третьи — на землероек; есть и такие, что прорывают ходы в дамбах рисовых полей и плавают в каналах и на затопленных участках, словно водяные крысы. У одной группы тенреков имеется любопытная отличительная особенность: в хвосте у них сорок семь позвонков — больше, чем у любого другого млекопитающего. Самые крупные тенреки достигают размеров кролика, их иногда называют бесхвостыми — совершенно нелогичное наименование, поскольку хвост отсутствует у многих тенреков. Бесхвостые покрыты плотным жестким мехом с редкими маленькими иголками, торчащими на загривке.

Позднее, когда нам удалось поймать еще нескольких тенреков, представлявших разные виды, мы убедились, что ведут они себя в зависимости от «доспехов», которыми их наградила природа. Наш маленький колючий тенрек сворачивался в клубок, и, хотя это получалось у него не столь идеально, как у ежа, он вполне мог защитить себя от собак и других любителей свежатины, получавших вместо мясного блюда полный рот иголок. В таком положении он проводил весь день, а вечером разворачивался и суетливо трусил по загону, приняв хвостом к знакомым предме-

там и пытаюсь сориентироваться в обстановке, справедливо не полагаясь в этом вопросе на свои крохотные глазки. Когда мы дотрагивались до него, он дергал телом, явно пытаясь кольнуть наши пальцы. Если мы не отставали, он иногда шелкал игрушечными челюстями, грозя укусить, но чаще сворачивался, пряча голову между задними лапами, и ощетинивал все свои колючки, занимая круговую оборону.

Такой способ защиты породил целое поверье: ни один уважающий себя малагасиец не станет есть мясо тенреков, боясь потерять мужество и заразиться трусостью; почему-то считается, что зверек проявляет трусость, когда вместо активных действий просто сворачивается в клубок. Как бы то ни было, человеческие фантазии облегчили существование данного вида.

Увы, этого нельзя сказать о судьбе бесхвостого тенрека. Он не окружен никакими табу и считается вполне безопасной пищей для всех, в том числе и для малагасийских воинов, не рискующих, отведав его мяса, потерять храбрость. Этот тенрек норовил укусить нас при малейшей возможности. Укус его весьма болезненный, и, как ни парадоксально, именно это качество породило весьма неблагоприятное для зверьков суеверие. Дело в том, что нижняя челюсть тенрека усеяна множеством острейших белых зубов, их у него больше, чем у значительной части млекопитающих. Женщины охотно вешают эти зубы в виде ожерелья детям на шею, свято веря, что ребенок вырастет с хорошими, здоровыми зубами. В результате за ними охотятся на Мадагаскаре повсюду.

Мы поймали еще пять симпатичных колючих тенреков и поместили их всей компанией в высланный

соломой ящик, затянутый спереди проволочной сеткой. Естественная пища тенреков — насекомые и земляные черви; мы обеспечили их и тем и другим. Кроме того, мы давали им немного сырого мяса. Зверьки с жадностью накидывались на него по вечерам и чувствовали себя прекрасно, они хорошели на глазах.

Мы с восторгом наблюдали за тенреками, и местные жители не раз заставляли нас за этим занятием. Они частенько приходили в лагерь просто посидеть и посмотреть на странные вещи, которыми мы пользовались, — газовую плитку, магнитофон, камеру. С собой они уносили пустые консервные банки и бутылки; вскоре эти предметы появлялись у колодца в виде емкостей для воды, чашек или украшений на шее у детей, если им не удавалось найти другого применения.

Однажды в лагерь пришли трое мужчин с ответным подарком — они принесли что-то шевелящееся, завернутое в рубашку. Развязав рукава, я заглянул внутрь и увидел кучу маленьких пушистых существ с круглыми яркими глазами и длинными хвостами. О лучшем подарке нельзя было и мечтать! Это были самые маленькие представители лемурувого клана — мышинные лемуры, или микроцебусы.

Когда нам с трудом удалось посадить их в клетку и пересчитать, выяснилось, что мы стали обладателями двадцати двух микроцебусов. Забившись в глубь ящика, они нервно моргали. Принесшие рассказали, что нашли зверьков в дупле. Известно, что они ночные существа и не выносят дневного света. Мы распорол мешок и завесили им переднюю сетку, дав зверькам возможность прийти в себя и освоиться. Ночью мы любовались ими во всей красе, когда лемуры резвились в лунном свете.

Они очень напоминали детенышей африканских лесных животных, хотя были меньше любого из них. Мышиные лемуры — самый крошечный вид отряда приматов, длина тела у них без пушистого хвоста составляет всего двенадцать сантиметров. Их огромные, чуть выпученные глаза днем становятся желтыми, а ночью — темно-коричневыми; при этом зрачки сильно расширяются, увеличивая остроту зрения. Их тонкие, словно бумага, большие уши напоминают уши ушана и беспрестанно двигаются, подрагивая при малейшем звуке.

Микроцебусы на вид симпатичные и обаятельные, хотя на самом деле это свирепые маленькие существа. Когда мы по вечерам запускали в клетку кузнечиков и жуков, они набрасывались на них, тоненько попискивая от удовольствия, хватали насекомых своими крошечными лапками и с восторгом вгрызались в брюшко, хрустя, словно дети, жующие кукурузные хлопья.

У нас было разрешение на отлов мышиных лемуров; это единственный вид, которому не грозит вымирание. Местные жители не охотятся на них. Кстати сказать, в народе микроцебусов вообще относят не к семейству лемуров, а считают разновидностью мышей. Поэтому мы не только не нарушали эмбарго на отлов лемуров, но могли утешать себя тем, что не подаем дурного примера. Вместе с тенреками они составили ядро маленькой коллекции животных, которую мы увезли потом в Лондон.

Почти месяц уже провели мы на юге острова, значительно дольше, чем предполагалось по плану. Пора было отправляться дальше, чтобы успеть выполнить программу. Мы свернули лагерь и двинулись через баобабы назад, к Тулиаре.

Глава 5 ДУШИ УСОПШИХ

Во всех частях Мадагаскара люди чтут мертвых. Хотя здесь почти столетие активно насаждалось христианство — процесс, нередко приводивший к кровавым столкновениям, — культ предков и поныне остается важным элементом традиционных верований, особенно в сельских районах. Из поколения в поколение переходило глубокое убеждение в том, что от благорасположения умерших зависит здоровье, богатство и плодородие. Если прогневить или расстроить предков, они перестают печься о потомках, и на семью обрушиваются бедность, бесплодие и болезни. Немудрено, что мертвые окружены здесь подчеркнутой заботой и вниманием. Формы поклонения весьма различны. Двигаясь на северо-восток, от Тулиары к

Антананариву, мы сделали первую остановку на территории, где обитает народ махафали. Здесь в безлюдном месте, посреди суровой пустыни, стоят величественные обители мертвых.

Каждая гробница представляет собой квадрат, окруженный каменной полуметровой стеной. В ней покоятся все члены семьи. У самой примечательной из тех, что мы видели, сторона квадрата равнялась десяти метрам. Сверху гробница засыпана слоем камней, над которыми возвышаются ровными рядами деревянные резные столбики. Резьба и орнамент имеют четкую геометрическую форму — ромбов, квадратов или кругов, а венчают столбики фигурки длиннорогих быков — символы богатства и благополучия. Вдоль каждой стены надгробия торчат рога животных, принесенных в жертву во время погребального ритуала; рога повернуты остриями наружу, как бы защищая тела в центре захоронения. Вокруг рогов лежат принесенные родственниками вещи, необходимые покойникам в потустороннем мире: зеркальца, эмалированные миски с отбитыми краями и металлические чемоданчики; все это успело покорежиться и растрескаться на палящем солнце.

Жорж рассказал нам о бесчисленных табу, которые строго соблюдаются при выборе места, сооружении и украшении этих впечатляющих памятников. Гробница должна быть воздвигнута в отдаленном месте. Это диктуется многими соображениями: ее вид вызывает печальные воспоминания; если тень от захоронения упадет на дом, дух смерти непременно начнет витать над жилищем. Кроме того, души усопших выходят по ночам из мертвых тел, и, если гроб-

ница будет рядом с деревней, они могут по привычке забрести домой и прихватить с собой на тот свет кого-нибудь из живых.

Столь же важно и расположение могилы. Малагасийские дома построены с таким расчетом, что вход всегда ориентирован строго на запад. Если расположить гробницу подобным образом, мертвецы могут спутать обитель упокоения с домом живых. Поэтому захоронения ориентируют по диагонали к сторонам света.

Сооружение могилы — дело сложное, требующее соблюдения множества правил и обрядов. Вначале режут жертвенных животных и их кровью окропляют огромные скальные плиты, которые будут служить дверями. Перетаскивание этих плит — поистине адов труд; если при укладке их на место кто-то поранится и его кровь смешается с кровью жертвенных коров, это рассматривается как знак того, что могила жаждет крови и вскоре затребует новых обитателей.

Табу сопровождают буквально каждый шаг. Их так много, что строительство гробниц превращается в груднейшую проблему для потомков. Но выхода нет. Если нарушить правила и проявить небрежность, захоронение может стать прожорливым монстром. Зато если все ритуалы скрупулезно соблюдены в соответствии с традицией, в доме мертвых будет царить покой и он станет призывать к себе только стариков, уставших от жизни.

На второй день пути мы добрались до совершенно обнаженных гор в самом сердце Мадагаскара, где обитает народ мерина, веками правивший островом.

Нам вновь бросилась в глаза резкая разница между этими невысокими светлокожими людьми с тонкими чертами лица и толстогубыми курчавыми, негроидного типа обитателями южных пустынь.

Нет сомнений, что мерина — относительно недавние жители острова, прибывшие сюда из Малайи и с Калимантана. Об этом свидетельствует не только их внешнее сходство с индонезийцами, имеется и множество других признаков, подтверждающих столь невероятное на первый взгляд происхождение. Во время долгой дороги мы с Жоржем развлекались, сравнивая малайские слова, выученные мной несколько лет назад в Индонезии, с малагасийскими. Большинство слов, которые я помнил, были совершенно незнакомы Жоржу, но некоторые имели определенное сходство. Например, «остров» по-малайски *нусо*, а по-малагасийски *нуси*, «глаз» по-малайски *масо*, а по-малагасийски *мата*. Несколько слов оказались совершенно идентичными в обоих языках: *анак* означает «ребенок», *масак* — «спелый», *они* — «это», *мати* — «мертвый».

Есть и другие элементы культуры мерина, уходящие корнями на Восток. В одной из деревень, где мы остановились пообедать, я увидел старика в мягкой фетровой шляпе, закутанного в белое покрывало. Он играл на *валухе* — бамбуковой трубке длиной около метра с пятнадцатью струнами, натянутыми между двумя надетыми на концы кольцами. Слегка перебирая струны, музыкант извлекал мягкие журчащие звуки, усиленные резонатором. Нигде в Африке вы не найдете инструмента, похожего на *валуху*, зато ее со-

братьев можно увидеть очень часто в Таиланде, Бирме и других странах Востока.

По дороге к столице нам несколько раз встречались небольшие процессии; во главе шел человек с флагом, а за ним несли подвешенный на жерди длинный деревянный ящик. На мой вопрос Жорж мрачно ответил, что они несут покойника.

Мы вернулись в горы в конце сухого сезона. Примерно через неделю должны полить дожди, и крестьяне начнут высаживать на полях рисовую рассаду. В это время ритуальные обряды соблюдаются особенно свято. Захороненных вдали от дома выкапывают из могил и несут в родные места. По всей территории, где живут мерина, открывают каменные двери семейных гробниц: начинается праздник *фамадихани* — возвращения мертвецов.

Мы оказались свидетелями одной такой церемонии на окраине деревушки, примерно в пятнадцати милях от Антананариву. Захоронение здесь было не такое внушительное и изысканное, как у махафали; оно представляло собой квадратное сооружение, сложенное из скрепленных цементом булыжников. Дверь была уже открыта, и в проеме зиял темный ход в подземелье. Пока туда еще никто не спустился.

Человек пятьдесят — шестьдесят сидели на траве в окружении мисок, тарелок, кастрюль и корзин с едой; им предстояло провести у гробницы два дня.

На женщинах были яркие ситцевые платья, некоторые держали над головой зонтики; одеяния мужчин отличались большим разнообразием — от полосатых балахонов, смахивавших на ночные рубашки, до строгих городских костюмов. Чуть в стороне под на-

скоро сколоченным навесом, крытым ветвями и листьями, расположился оркестр. Кларнеты, рожки и барабаны гремели так, что мог проснуться и мертвый. Собственно, музыка как раз и преследовала эту цель: если души мертвых отлучились из гробницы, их надо было вернуть призывными звуками обратно, чтобы они смогли полюбоваться торжеством, устроенным в их честь.

Время шло, но ничего особенного не происходило. Один-два человека поднимались и под равнодушными взглядами собравшихся начинали танцевать на месте, после чего снова садились.

Наконец в середине дня трое стариков в сопровождении старших членов семьи, которой принадлежала усыпальница, спустились в темную погребальную камеру с циновкой из пандануса. Из гробницы они вынесли на циновке обернутый в белую простыню труп. Очень буднично, без особого церемониала тело пронесли сквозь толпу сидящих гостей и уложили на специально сделанную подставку из ветвей. За первым последовало еще несколько тел, их уложили в ряд.

В поведении зрителей нельзя было заметить ни одной нотки скорби или печали. Они громко болтали и смеялись. Что бы люди ни чувствовали в глубине души, им нельзя в этот момент молчать и тем более плакать: покойники после долгих месяцев пребывания в тиши хотят слышать голоса живых и появление мертвецов из могилы должно сопровождаться весельем, иначе усопшие могут решить, что родные не радуются их возвращению.

Дневная жара немного спала, оркестр вышел из укрытия, музыканты расселись на траве и заиграли с

удвоенной энергией. Музыка была самой жизнерадостной, барабаны чеканили ритм, а завывающие кларнеты выводили мелодию. Танцы постепенно стали более чинными и изысканными. Почти все члены семьи приняли участие в медленной кадрили, выделявшаяся па между постаментом с трупами и раскрытой пастью могилы. В конце каждой фигуры танцующие поворачивались лицом к покойникам и выражали им свое почтение.

С наступлением темноты почти вся толпа разошлась по домам; только семья осталась нести вахту возле предков, лежавших на помосте в лунном сиянии.

Наутро мы вернулись к месту церемонии. Люди уже танцевали — правда, довольно беспорядочно. Веселье продолжалось до трех часов пополудни. Ровно в три оркестр смолк, и наступила мертвая тишина. Глава семьи молча показал толпе шелковое полотнище дивной красоты, с широкими красными, синими и желтыми полосами и набивным нежным узором. Это была *ламба мена*.

Ткани местного производства, по-малагасийски *ламба*, довольно дешевые, но специальные *ламба мена* безумно дороги. Они считаются священными, и никому в голову не придет использовать их для чего-либо иного, кроме церемонии возвращения усопших.

Все собираются вокруг помоста и по очереди снимают тела. Женщины усаживаются на траву и кладут мертвецов себе на колени. Нарочитое веселье, царившее до сих пор, стихает: женщины общаются с душами мертвых, ласкают и поглаживают их бранные останки. Некоторые разговаривают с ними, утешая и

убеждая ни о чем не беспокоиться. Многие откровенно плачут.

Тем временем мужчины начинают разрывать *ламба* на саваны: для столь важной цели не годится никакой другой материал. Женщины заворачивают тела в новые, яркие одеяния. Многие усопшие уже представляют собой прах, смешанный с остатками *ламба* от предыдущих церемоний. В воздухе явственно ощущается запах тления. Мужчины подключаются к работе, действуя без излишнего почтения.

Когда все покойники облачены в новые *ламба*, их возвращают на помост, и члены семьи вновь начинают танцевать величественную кадрили. Движения танцующих даже отдаленно не напоминают страстные, неистовые африканские танцы. Наоборот, плавность жестов, подрагивания пальцев и сдержанность поз заставляют вспомнить танцы Бали и Явы.

Празднество подходит к концу. Все присутствующие — дети, женщины и старики — собираются вокруг постамента и, танцуя, машут руками в знак последнего прощания. Затем останки по очереди поднимают на плечи и трижды обносят вокруг гробницы. После третьего круга мертвецов вручают стоящим у входа в могилу мужчинам, и те спускают их вновь в темноту.

У мерина проведение церемонии *фамадихани* считается вопросом чести. Только собачьи дети, говорят они, могут позволить своим предкам лежать в могиле забытыми и брошенными. Мертвые любят танцы и празднества, они хотят еще раз увидеть свои стада и поля, за которыми ухаживали при жизни. Но церемония стоит огромных денег: нужно ведь заготовить ку-

чу еды, приобрести дорогостоящие *ламба мена*, нанять оркестр. Многие семьи тратят почти весь свой доход на *фамадихани*, поэтому мало кто может себе позволить проводить этот ритуал ежегодно.

Обнищание или бесплодие, видение кого-нибудь из покойников во сне, помещение новых тел в гробницу — каждое событие требует проведения обряда вне зависимости от того, когда его совершали в последний раз. Если семья в течение пяти лет не «возвращает» своих умерших предков, это считается не просто бесчестьем и позором, но и большой глупостью. Ведь церемония имеет четкий логический смысл. Коль скоро души усопших продолжают распрягаться судьбами живых, как можно не платить им долг и не воздавать почести?

Впрочем, это не единственная причина; обряд уходит своими корнями в глубокую древность. Ритуал совершается, как правило, в конце сухого сезона, когда рисовые поля после долгого периода бесплодия вновь начинают наполняться жизнью. С этого момента основной заботой людей становятся плодородие и урожай. Согласно древним описаниям праздника, бездетные женщины уносили кусочки савана как талисман, призванный излечить их от бесплодия.

Вполне возможно, что эта церемония сродни тем обрядам, которые когда-то соблюдались весной по всей Европе, да и поныне распространены во многих уголках мира. Животные и боги приносятся в жертву, а затем символически воскрешаются могуществом волшебных сил в надежде, что семена, от которых зависит благосостояние общины, дадут всходы — но-

вую жизнь после мертвых зимних месяцев — и уберегут от голода.

В Антананариву мы сдали в гараж дышащий на ладан «лендровер». Осмотр и починка должны занять не меньше недели. Жоржу пора было возвращаться на работу в институт. Оставшись одни, мы с Джефом решили слетать в Анцеранану, на севере острова. Там было немало интересного, но больше всего хотелось увидеть одно священное озеро; по рассказам, оно является местом самого удивительного культа предков на всем Мадагаскаре.

Порт Анцеранана (раньше — Диего-Суарес) расположен на побережье залива, который врезается в северо-восточную оконечность острова, образуя одну из обширнейших в мире гаваней. Эту замечательную бухту обнаружил в 1500 году португальский мореплаватель Б. Диаш, первый европеец, посетивший Мадагаскар. Сорок три года спустя туда попал другой португальский мореплаватель — Диего Суарес, чьим именем впоследствии был назван залив и возникший на его берегу город. Огромную гавань запирает узкий проход; выгоды этой стратегической позиции привлекли пиратов, и с конца XVII века в бухте обосновались джентльмены удачи. Их предводителями были француз Миссон и англичанин Том Тью. Отсюда они выходили на промысел. Пираты грабили возвращавшиеся из Индии купеческие суда, набитые серебром, шелком, драгоценными камнями, пряностями и золотом.

Миссон был помимо прочего поборником равноправия, поэтому он основал на берегах залива поселе-

ние, названное международной республикой Либерталией; туда принимались все, независимо от цвета кожи и национальности. К сожалению, пираты не сумели наладить отношений с населением глубинных районов острова, и это обрекло республику на гибель.

Как уже упоминалось, в XIX веке Франция заключила договор с королевой Мадагаскара. Среди других уступок французы получили право оккупировать залив. В дальнейшем они превратили порт в крупную военно-морскую базу. Во время Второй мировой войны французские власти на острове заявили о своей верности правительству Виши, поэтому в 1942 году эскадра из сорока британских судов вошла ночью, преодолев мелководье, в соседнюю бухту, где высадила десант, который взял штурмом крепость Диего. Защитники ее считали себя вне опасности и были застигнуты врасплох. Им оставалось лишь подивиться виртуозному навигационному искусству англичан.

О британских войсках здесь помнят до сих пор. Когда мы познакомились с Жоржем, все его познания в английском заключались в двух чудовищно непристойных фразах, которым он обучился в детстве, механически повторяя солдатские выражения. Воспоминания о щедрости, а точнее говоря, о наивности оккупантов сохранились у местных жителей. Если, скажем, торговец на рынке в Анцеранане запрашивает за свой товар бешеную цену, он вполне может получить в ответ: «Что я тебе, англичанин?!»

Улицы города забиты машинами и людьми, но в целом ощущается атмосфера праздности. Когда мы приехали, огромная гавань, где может уместиться целый флот, была совершенно пуста. Лавочники-ин-

дийцы дремали на пороге своих магазинчиков; сквозь дверные проемы виднелись стеллажи, на которых громоздились рулоны яркой материи и батареи напитков местного производства. Кто это покупает, непонятно: толпа лениво текла мимо. Арабы в круглых шапочках и длинных белых *галабях*, малагасийцы и европейцы придавали этому городу многонациональный колорит и казались досужими туристами — никто никуда не торопился.

В пятидесяти милях к югу от Анцерананы лежит священное озеро Анивурану — небольшой тихий водоем, окруженный лесистыми холмами. Вода в нем свинцового цвета. Легенда гласит, что некогда на его берегах стояла богатая деревня. Но жители ее славились своей жадностью. Однажды мимо проходил колдун из соседнего селения. Было жарко, он изнывал от жажды и попросил напиться. Никто не дал ему воды. Только одна старуха сжалилась над колдуном и вынесла кувшин. Кудесник утолил жажду, поблагодарил ее и велел немедленно уходить из деревни, взяв детей и пожитки. Ни один человек, добавил он, не должен об этом знать.

Старуха ушла, а колдун, встав посреди деревни, проклял ее жителей. За то, что им было жалко воды, которой вокруг сколько хочешь, деревня опустится на дно озера, а ее обитатели превратятся в водяных чудищ, изрек колдун и исчез. Кара не заставила себя долго ждать: деревня действительно погрузилась в озеро, а люди превратились в крокодилов.

Потомки той старухи живут теперь в деревне Анивурану, что в миле от озера. В тяжелые времена, когда им грозит нищета или хворь, крестьяне идут к озеру и

приносят дары своим предкам — крокодилам, подобно тому как члены народа мерина открывают семейные гробницы и убажуют своих покойников.

Мы разыскали почтмейстера, который, как нам сказали, пользовался большим уважением в деревне. За рабочим столом сидел крупный мужчина в прекрасном расположении духа. Он охотно отвечал на наши вопросы, касающиеся церемонии поклонения предкам. По его сведениям, через два дня женщины должны были устроить «праздник», чтобы помочь одной из них, страдавшей бесплодием. Он обещал поговорить с проводящей обряд семьей и попытаться убедить ее позволить нам присутствовать на церемонии. Естественно, подразумевалось, что взамен от нас ожидается существенный материальный вклад. Церемония — дело накладное. В жертву будет принесена корова, а они, как известно, недешевы. Кроме того, придется много петь, а это вызывает жажду. Не могли бы мы захватить два-три десятка бутылок лимонада и, скажем, бутылочку рома для поднятия духа? Учитывая, какой оборот принял здесь однажды недальновидный отказ в глотке воды, я заверил почтмейстера, что питье будет доставлено.

Поток туристов с прибывающих в Анцеранану судов давно убедил жителей Анивурану в том, что их озеро и его легенда имеют коммерческую ценность, поэтому, когда два дня спустя мы прибыли с Джефом в деревню, наши кинокамеры не вызвали особого удивления.

Почтмейстер в окружении нескольких мужчин стоял на берегу озера возле привязанной к дереву тощей коровы. Поодаль сидела группа женщин в ярких

одеждах, закутав голову на арабский манер. Мы выставили привезенные бутылки. Женщинам достался лимонад, а почтмейстер прибрал к рукам ром.

С несчастной коровой разделались быстро и деловито. Один из мужчин собрал кровь в эмалированную посудину, спустился к озеру и вылил кровь в воду.

Женщины затянули унылую песню, ритмично прихлопывая в ладоши. Через несколько секунд метрах в пятидесяти от берега на поверхности озера появился черный бугорок.

— Смотрите, кайман! — восторженно воскликнул почтмейстер.

С терминологией, касающейся этих рептилий, получается вечная путаница. Строго говоря, кайманы обитают только в Южной Америке. В озере, я знал это наверняка, водятся крокодилы того же вида, что живут в Восточной Африке. Но наш знакомый был не виноват. Французский — не родной его язык, а название «кайман» он услышал от европейцев. Любопытно отметить в этой связи, что жители Южной Америки с полной убежденностью называют своих кайманов крокодилами. Между тем существует простой способ отличить представителей этих двух семейств — взглянуть на расположение их зубов. Но думается, момент для дискуссии на эту тему был не самый подходящий. Да и какой педант станет при каждой встрече с крокодилом-кайманом заглядывать ему в пасть?

Женщины запели громче. Одна из них откинула назад голову и испустила, вибрируя языком, истошный, похожий на улюлюканье вопль. Мужчина спустился к озеру и осторожно положил у края воды здоровый кусок мяса. Крокодил плавно двинулся вперед.

Позади него широким клином расходилась волна. Неожиданно справа от него появилась еще одна желтоватая голова, поменьше.

В воду плюхнулся второй кусок мяса. Через несколько минут крокодил, тот, что покрупнее, выполз на берег, оставив длинный хвост в озере. Чешуйчатая спина его блестела от воды.

Я решил, что нам следует подойти поближе и снять гостя во всей красе, но почтмейстер удержал меня.

— Женщинам это не понравится, — сказал он.

— Зато крокодил будет доволен, — отозвался Джеф, отрываясь от тяжелой камеры и прикидывая шансы к быстрому отступлению.

Тем временем второй крокодил тоже вылез на илистый берег и улегся рядом с первым; оба выжидательно смотрели на нас.

— Иногда, — сказал почтмейстер, — они выходят за мясом на берег, но за последний месяц у нас было три праздника, так что они, наверное, не очень голодны.

Большой крокодил рванулся вперед, схватил кусок мяса величиной с полруки и соскользнул обратно в воду, где чувствовал себя в большей безопасности. Он задрал голову, обнажив устрашающие челюсти с двумя рядами белых конических зубов, и, трижды конвульсивно щелкнув ими, проглотил мясо.

Все крокодилы, равно как и кайманы, едят таким образом. Кожный лоскут на задней стенке глотки, закрывающий вход в пищевод, позволяет им открывать рот и под водой. Поэтому они способны схватить жертву в воде, но, будучи лишенными губ, не могут плотно закрыть рот. В результате, чтобы проглотить

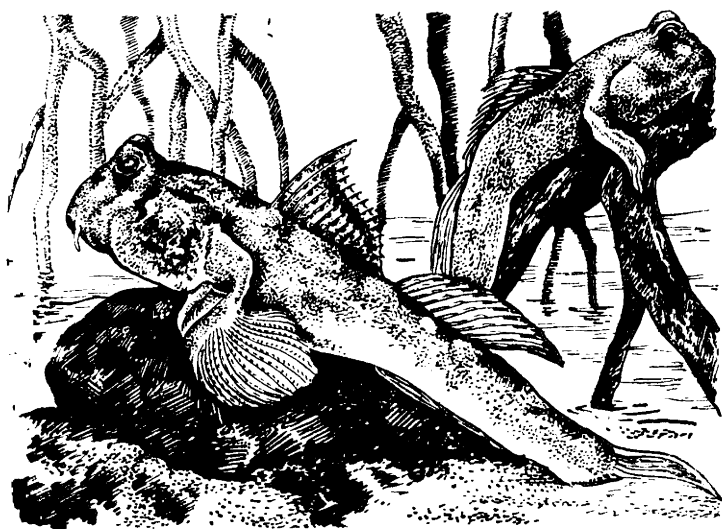
пищу и при этом не нахлебаться воды, им приходится выныривать и задира́ть голову.

Женщины поощрительно закричали. Желтый крокодил, вдохновленный примером старшего собрата, урвал свою долю. Животным бросили еще несколько кусков мяса и коровью шкуру. Несколько кусков приманки упали довольно далеко от воды: люди явно хотели побудить крокодилов выползти подальше на берег. Но животным было достаточно того, что упало у кромки. Через полчаса, наевшись досыта, крокодилы погрузились в воду и медленно поплыли к середине озера.

Для зоологов вся церемония не представляла особого интереса, она лишний раз доказывала, что крокодилов можно приучать отзываться на определенные звуки и вылезать из воды в ожидании пищи. В качестве подлинно народной малагасийской традиции зрелище тоже не имело особой ценности, будучи низведено почти до уровня туристского аттракциона.

Несомненно, когда-то это был волнующий обряд. Повсюду на острове крокодилы, каждый год уносящие человеческие жизни, вызывают страх и ненависть. Естественно, на них безжалостно охотятся, и только здесь их берегут и подкармливают. А это значит, что в основе подобного отношения лежит глубоко укоренившееся верование.

Сейчас, я думаю, о них заботятся потому, что они сделались немаловажным источником дохода, хотя для многих в Анивурану крокодилы, должно быть, по-прежнему сохраняют ореол сверхъестественности, всегда окружающий живые воплощения душ усопших.

Глава 6 ХОДЯЧАЯ РЫБА

Побеленные стены агентства авиакомпании в Анцеранане были увешаны рекламными плакатами с изображениями красавиц кофейного цвета в саронгах, раскинувшихся в неге под пальмами на фоне лазурного неба. Надписи под ними скромно гласили: «Нуси-Бе (Райский остров)». Мы купили билеты и отправились на этот многообещающий остров не из соблазна вкусить прелестей райского курорта, а потому, что были приглашены в построенную там Научно-исследовательским институтом лабораторию подводных изысканий.

Нуси-Бе представляет собой вершину потухшего вулкана, выступающую над морем в нескольких милях от северо-западного побережья Мадагаскара. По-

лет из Анцерананы занял меньше часа. Название главного города — Эльвиль — для англичан выглядело несколько пугающе (Hellville по-английски Адский город) и, пожалуй, скорее подошло бы для колонии преступников, чем для райского местечка. На самом деле это случайное совпадение; город назван в честь губернатора острова Реюньон адмирала де Эля, который в свое время заключил договор с малагасийцами и сделал Нуси-Бе французским владением. Плодородная почва острова позволила разбить на нем обширные плантации сахарного тростника, ванили и перца. На южном берегу построены корпуса лаборатории, где ученые занимаются исследованием морских обитателей. Однако нас влекли сюда главным образом обитатели суши — все те же лемуры, на сей раз черные.

Эти зверьки принадлежат к подсемейству так называемых обыкновенных лемуров; никакой особой нагрузки прилагательное не несет, оно лишь призвано выделить указанную группу внутри огромного семейства лемуров. Подсемейство, в свою очередь, подразделяется на несколько видов: бурые, черные, рыжебрюхие, катта и некоторые другие. Все они примерно размером с кошку, имеют вытянутую лисью мордочку и одинаковой длины конечности, в результате чего передвигаются в основном на четырех лапах. Заснять черных лемуров (*Lemur macaco*) очень хотелось по двум причинам. Во-первых, никто из обыкновенных лемуров нам еще не попадался, а во-вторых, этот вид наделен редко встречающейся среди млекопитающих особенностью: самки и самцы у них разного цвета.

Самцы совершенно черные, а самки коричнево-рыжие, с белым брюшком.

Из рассказов явствовало, что зверьки стали на Нуси-Бе курортной достопримечательностью: лемуры спускаются прямо на пляжи, бегают среди отдыхающих и, становясь на задние лапки возле корзинок с едой, кланчат лакомство. Нас уверяли, что лучшего места для киносъемок не найти; можно часами снимать диких лемуров с близкого расстояния прямо на берегу. Более того, от них даже не будет спасения: не успеешь установить камеру, как зверьки облепят ее. Звучало весьма заманчиво. До сих пор мы всегда бежали за животными. Неужто сейчас роли поменяются?

Выяснилось, что лемуры живут не на самом Нуси-Бе, а на крохотном коническом островке прямо против лаборатории; спутник Райского острова тоже представляет собой вершину потухшего вулкана и отделен от него узким проливом. Издали эта полоска воды даже незаметна. Мы отправились в гости к лемурам в сопровождении лодочника-малагасийца, числившегося в штате института.

Берег почти в точности походил на рекламные картинки — изогнувшийся дугой дивный коралловый пляж, окаймленный рядами серебристых кокосовых пальм. Только девушек в саронгах не оказалось: мы приехали за несколько месяцев до начала курортного сезона, и пляж был совершенно пуст. Усевшись в тени пальмы, мы зарядили камеры, вытащили еду и приготовились к приему гостей.

Добрый час мы поглощали свои запасы в полном одиночестве. Наконец появился первый визитер. Им оказался не лемур, а человек — приземистый молодой

малагасиец, шагавший к нам вдоль берега; на нем были плавки нездешнего покроя, должно быть когда-то украшавшие бедра одного из туристов.

Мы спросили его, куда подевались лемуры. Вопрос, казалось, поразил его своей глупостью.

— Сейчас не время, — недоуменно ответил он.

Оказалось, лемуры пасутся на пляже в строго определенное время года. Они обрабатывают его точно так же, как манговое дерево: когда плоды созревают, лакомятся ими досыта и больше не появляются до следующего сезона. Сейчас им нечего было делать на пляже, поскольку на острове можно было найти пищу и получше. Прочесав кокосовую рошу и заросли кустарника у берега, мы, естественно, никого не нашли. Лемуров не было и в помине.

На следующий день решили поискать лемуров на другой стороне острова. Для этого надо было обогнуть его на шлюпке и подобраться к той части, где деревья спускались прямо к морю. Мы осторожно подплыли к берегу, но подойти вплотную не позволяли грозно торчавшие рифы. Ничего не оставалось, как тащиться до пляжа вброд. Шлюпка под присмотром лодочника осталась на глубине, где ей не грозили острые края кораллов. Если удастся отыскать удобное место для съемок, лодку можно будет провести по мелководью между выступами поближе и выгрузить аппаратуру.

Мы с Джефом двинулись вперед, бесшумно ступая по мягкому песку. Не прошли и сотни метров, как неожиданно впереди качнулась ветка, и мы увидели на дереве пять лемуров — двух черных самцов и двух рыжевато-коричневых самок, одна из которых тащила на спине детеныша. Они вынырнули из листвы,

беззаботно прошагали по толстой ветке, уселись на конце и начали есть. У зверьков были пушистые хвосты и длинная, не очень густая шерсть на шее; они сидели, флегматично жуя листочки, и задумчиво разглядывали нас круглыми желтыми глазами. Мы стали осторожно пятиться назад. Отойдя, как мне казалось, достаточно далеко, чтобы не спугнуть животных, я помахал лодочнику.

Шлюпка болталась на якоре метрах в двадцати от берега, возле коралловых рифов. Лодочник, растянувшись на корме и надвинув на лицо шляпу, крепко спал. Сколько ни маши, разбудить его не было никакой надежды, а если закричать, можно спугнуть лему-ров. Пытаться доплыть до нее через кораллы? Дело долгое и небезопасное. Я решил рискнуть и крикнул. Крик, к счастью, не потревожил лему-ров. Правда, и на лодочника не произвел ни малейшего впечатления. Я снова крикнул, на сей раз громче. Лодочник зашевелился, приподнялся на локте и сдвинул шляпу на затылок.

— Иду!! — завопил он в ответ, словно протрубив в охотничий рог.

Лему-ров как ветром сдуло, только мы их и видели...

Коралловые рифы всегда бурлят жизнью, и окружающие Райский остров не были исключением. Количество и многообразие роящихся там существ столь велико, что эти участки тропических морей можно смело квалифицировать как самую густонаселенную среду обитания в мире.

Среди причудливо ветвящихся кораллов лежат морские ежи пурпурного цвета со сверкающими пятнышками в середине и невероятно длинными тонки-

ми колючками; изумительная ярко-красная морская звезда не менее двенадцати сантиметров в поперечнике с жесткими бородавчатыми выступами медленно движется по песчаному дну заводи; куда ни глянь, повсюду разбросаны похожие на черные завитки голотурии — если их поднять, они выпускают тонкую струйку воды и продолжают шевелить свисающими вниз клейкими полупрозрачными нитями. Под каждым камнем затаились краб или каури — их бесподобные раковины покрыты толстой, опадающей пышными складками мантией. А то вдруг из-под скалы выскакивает морская змея и так же быстро исчезает, оставив на память о себе песчаное облако. Но самыми любопытными, на мой взгляд, были маленькие илистые прыгуны, в огромном числе копошившиеся возле камней у самой кромки прибоя.

Несмотря на то что большую часть жизни он проводит не в воде, илистый прыгун — самая настоящая рыба. Его тонкое, усеянное пятнами туловище длиной около пятнадцати сантиметров увенчано непропорционально крупной головой. Глаза расположены на макушке, а огромный рот — квадратный: он напоминает удивленного миниатюрного гиппопотама. Передние плавники рыбы трансформировались в конечности, с помощью которых она выбирается из воды, орудуя ими как веслами. После каждой серии махов илистый прыгун закрепляется на суше, где проводит основную часть времени, присасываясь к ней второй парой брюшных плавников. Дышит он через влажную кожу, абсорбируя кислород примерно таким же образом, что и лягушка. Если кожа у прыгуна полностью высыхает, он, как и лягушка, начинает зады-

хаться. По этой причине он не отваживается удаляться от воды больше чем на несколько метров, чтобы в случае опасности тут же нырнуть в нее.

Я наблюдал илистых прыгунов во многих частях света — в Западной Африке, Северной Австралии, в Индонезии — и всегда отмечал, что они ведут себя в полном соответствии со своим именем, то есть прыгают в иле. И только здесь я увидел, как они взбираются на скалы. Мне было, конечно, известно, что они выбираются из воды в поисках пищи — прыгуны едят мелких ракообразных и насекомых, но никогда не доводилось видеть, как они это делают. И вот наконец мы стали свидетелями этого любопытного процесса.

Вокруг большой заводи сидело десятка полтора илистых прыгунов. Как только мы подошли, они спрыгнули с подножия скалы в воду и спрятались за камнями на дне. Мы уселись на корточки и приготовили камеры, ожидая их появления. Вскоре на поверхности одна за другой стали появляться головы. Рыбы застывали на мгновение, а затем, рывками загребая воду, выпрыгивали на привычные места на скалах. Посреди заводи торчал большой камень, который облюбовал самый крупный илистый прыгун. Его я и выбрал для наблюдения.

Он сидел на камне, как монарх на троне, вращая во все стороны глазами яблоками. Было ясно, что если уж кому и повезет с добычей, то, конечно, ему. Прыгун не суетился, разве что небрежно взмахнул пару раз плавниками, словно похлопывая себя по бокам. Казалось, он ожидал, что обед ему вынесут на блюде. К своему удивлению, я увидел еще одного илистого прыгуна, поменьше, усердно взбиравшегося

на тот же камень под бочок к первому. Я ожидал, что владыка сердито сбросит бесцеремонного гостя со своего возвышения, но ничего подобного...

С минуту обе рыбы лежали рядом. Затем неожиданно большой самец распустил длинный прямоугольный плавник, проходивший у него по всей спине, почти до хвоста. Плавник был потрясающего желто-синего цвета и переливался, как павлиний хвост. Вздвигнув спинной плавник, он изогнул тело. Маленький прыгун, остававшийся до сих пор безразличным, вдруг тоже поднял в ответ плавник. Только тут мы сообразили, что они не собирались кормиться; мы застали рыб за более интересным занятием: они находились в разгаре ухаживания. Минут десять прыгуны флиртовали, в экстазе размахивая плавниками и бросая друг на друга нежные взоры. К сожалению, я сделал неосторожное движение, и парочка, недовольно дергая хвостами, заторопилась обратно в воду.

Удивительная способность вылезать из воды появилась у илестых прыгунов не так давно; дело в том, что эти рыбы принадлежат к эволюционной группе, развившейся в сравнительно недавнем геологическом периоде. Превращение плавников в подобие конечностей было этапом пути, пройденным древнейшими рыбами миллионы лет назад. Постепенно они обрели способность дышать воздухом и ходить по земле; их потомки уже меньше зависели от воды, возвращаясь туда только для размножения. Они стали первыми земноводными и первыми позвоночными, заселившими сушу. Именно от них произошли рептилии, птицы, млекопитающие и в конечном счете сам человек. Одной из таких необычайных первобытных рыб,

анимающих место у самых корней эволюционного дерева позвоночных, является целакант, его изучают в лаборатории на острове Нуси-Бе.

С давних пор палеонтологи находили среди древних скальных пород Девона, Гренландии и многих других частей света ископаемые останки доисторических рыб. Они назвали их «целакантообразными». Их плавники представляют собой плотные, мясистые лопасти, внутри которых проходит кость, а хвост, в отличие от большинства современных рыб, у которых он напоминает флаг, — конусообразный обрубок, окаймленный плавниковыми лучами. Подсчитано, что возраст пород, где были впервые обнаружены целаканты, составляет примерно триста пятьдесят миллионов лет. Никаких следов амфибий, рептилий или млекопитающих рядом с ними не найдено. Первые амфибии произошли от одной из ветвей потомков целакантов; другая ветвь с поразительным упорством сохранила свою форму, игнорируя эволюцию.

Прошли миллионы лет, мир изменился невероятным образом, а целакант оставался таким, как был. Его история прослеживается по ископаемым останкам в геологических слоях разного возраста. И хотя отдельные детали различались, основное строение оставалось неизменным. Одни экземпляры были размером пять — десять сантиметров, другие достигали полутора метров. Одни жили в пресной или солоноватой воде, другие — в море. В некоторых местах их останки находили в значительном количестве. Так, при закладке фундамента библиотеки Принстонского университета в Америке обнаружили сотни прекрасно сохранившихся окаменелых целакантов; они ле-

жали в глинистых сланцах триасового периода, то есть их возраст — примерно сто девяносто миллионов лет. Рептилии тогда только-только появились на свет. Родословная целакантов не прерывалась до мелового периода, когда из илистых наносов на дне кристально чистого тропического моря стали расти меловые утесы Дувра. Затем, примерно пятьдесят миллионов лет назад, родословная неожиданно обрывалась, и у ученых сложилось мнение, что к этому периоду целаканты вымерли.

Но вот однажды утром 22 декабря 1938 года хранительнице музея маленького городка Ист-Лондон в Южной Африке мисс Кортни-Латимер позвонили по телефону; ее попросили прийти в док и осмотреть странную рыбу, найденную на глубине примерно сорока морских саженей¹. Рыбу доставил траулер, только что вернувшийся с промысла в устье реки Халумна.

Ничего подобного мисс Латимер никогда не видела: рыба была длиной полтора метра, с бахромчатым хвостовым плавником, плотными выступами на брюшном и спинном плавниках и крупными шероховатыми черными чешуйками. Она уже начинала разлагаться, и два дня спустя внутренние органы пришлось выбросить. Рыбу неустановленного происхождения в конце концов показали крупнейшему специалисту по восточноафриканским рыбам профессору Грэмстаунского университета Дж.Л.Б. Смиту. Тот назвал ее латимерией в честь хранительницы музея и заявил, что это — целакант. Сообщение стало мировой сенсацией.

¹ Морская сажень приблизительно равна 1,8 м.

Тот факт, что рыба, единодушно считавшаяся вымершей пятьдесят миллионов лет назад, неожиданно появилась в сетях южноафриканского траулера, был совершенно ошеломляющим. Но для ученого мира к радости открытия примешивалась еще и горечь. Годами палеонтологи строили догадки об анатомических особенностях внутренних органов вымерших целакантов, поскольку по костным останкам (за редким исключением) практически невозможно судить о мягких частях тела животного. И вот теперь, когда появилась возможность проверить и уточнить предположения, материал буквально выскользнул из рук: внутренности оказались на городской свалке Ист-Лондона!

Профессор Смит взялся за поиски. Внутренние органы той самой рыбы уже давно сгнили. Ну что ж, надо поймать другую. Но где они обитают? Считать ли воды близ Ист-Лондона привычным ареалом этой рыбы или она заблудилась, случайно попав сюда из другой части Индийского океана? Многие ученые были уверены, что рыба поднялась из абиссальных глубин океана, но у профессора Смита не было сомнений, что она жила либо в прибрежных водах, либо на средних глубинах — порядка двухсот морских саженей. Год спустя поиски рыбы пришлось прервать: началась Вторая мировая война.

В 1945 году Смит возобновил охоту за целакантом. Профессор выпустил брошюру на трех языках — португальском, английском и французском — с фотографией первой найденной рыбы, предлагая награду в сто фунтов тому, кто поймает такую же особь и сообщит о находке. Сам он активно вел поиски у побере-

жья Восточной Африки. Не раз и не два проделал он путь от мыса Доброй Надежды до экватора и обратно, но безрезультатно. Год шел за годом. Но вот 24 декабря 1952 года, через четырнадцать лет после появления первого целаканта, он получил телеграмму из Дзаудзи, тогдашней столицы Коморских островов, крошечного архипелага, лежащего на полпути между северной оконечностью Мадагаскара и восточным побережьем Африки. В те времена острова находились под юрисдикцией Мадагаскара. Телеграмма была послана капитаном маленькой шхуны Эриком Хантом, которого профессор Смит встретил за несколько месяцев до того на Занзибаре и которому тогда же передал пачку своих брошюр, впрочем так и не попавших на Коморы.

В телеграмме Хант сообщал, что поймал рыбу и ввел ей формалин. Указанные размеры — около полутора метров — соответствовали параметрам первого целаканта. Было ясно, что при таких габаритах для предохранения плоти от гниения требуется большое количество консерванта при учете тропической жары на Коморах. У Ханта не было нужных препаратов. Неужели и во второй раз шанс получить уникальнейший экземпляр живого ископаемого уплывет от науки? Ученому необходимо было срочно добраться до Коморских островов. Можно, конечно, попытаться договориться по радио с французскими властями, но время поджимало. После четырнадцати лет неустанных поисков профессор Смит воспринял рыбу как свою собственность; сама мысль, что кто-то другой займется делом, о котором он так долго и страстно мечтал, казалась ему невыносимой. Но шансов до-

браться до места вовремя было мало. В отчаянии он позвонил тогдашнему премьер-министру Южной Африки и убедил его отправить на Коморы самолет.

29 декабря Смит прибыл в Дзаудзи, забрал целаканта и счастливый вернулся в Южную Африку. По своему внешнему виду рыба несколько отличалась от первой, но при внимательном осмотре оказалось, что различия вызваны нанесенными рыбе повреждениями: сначала — когда ее убивали, затем — когда разрешили спину вдоль позвоночного столба, чтобы ввести поглубже формалин.

С тех пор французские специалисты из Научно-исследовательского института в Антананариву, возглавляемого профессором Мийо, приняли эстафету и занялись изучением целакантов. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что коморские рыбаки хорошо знают целаканта. Они называют его *комбесса*. Эта рыба попадает довольно регулярно — раза два-три за сезон, как правило, в конце года, когда циклоны и подводные течения взбаламучивают глубинные воды. Рыбаки используют удочки с длинной лесой, а в качестве наживки — эсколара; комбесса ловится на глубине от пятидесяти до ста пятидесяти морских саженей. Прежде рыба ценилась невысоко: местные жители говорили, что ее жирное мясо не особенно вкусно. Стоящими считались плотные шероховатые чешуйки: ими удобно зачищать велосипедные камеры, когда накладываешь заплатку на место прокола.

Французы предложили существенное вознаграждение за рыбу и распорядились, чтобы всех пойманных целакантов в обязательном порядке показывали сотрудникам института.

В дальнейшем исследовательская работа с этими рыбами велась в Париже, Антананариву и лабораториях Нуси-Бе. Некоторые догадки палеонтологов подтвердились, другие оказались ошибочными. В кишечнике рыбы обнаружен спиральный клапан — приспособление, с помощью которого замедляется процесс передвижения пищи по кишечному тракту, в результате чего она дольше подвергается воздействию пищеварительных соков. Наличие клапана характерно для хрящевых рыб — акул и скатовых рыб; у позвоночных рыб он встречается крайне редко, лишь у некоторых древнейших видов. Ученые предсказывали, что у целаканта должен быть такой клапан. И действительно, так оно и оказалось.

Многие эксперты предполагали наличие у целаканта внутренних носовых отверстий, но их не обнаружили. Сердце у рыбы имеет форму, характерную для наиболее примитивных позвоночных, — вытянутый тяж, представляющий собой артерию, утолщенную за счет мышечного слоя, который и дает ей возможность пульсировать. Далее выяснилось, что у целаканта имеются большие легкие. Восьмого по счету целаканта удалось сохранить живым: его везли семнадцать часов в лодке, наполненной водой. Наблюдение за его поведением не оставило сомнений в том, что рыба использует свои толстые плавники для «хождения».

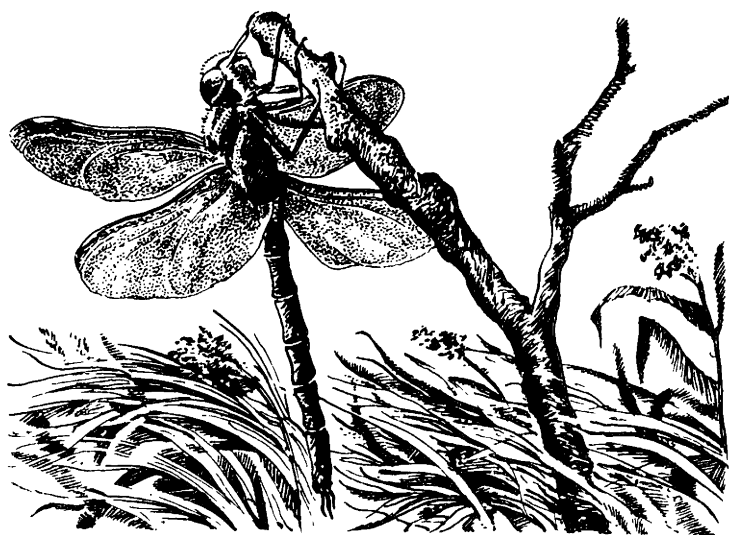
В библиотеке Нуси-Бе имелась вся опубликованная литература, касающаяся анатомии и поведения этой рыбы, но увидеть ее мы смогли, лишь вернувшись в столицу. Там, в институте, нам любезно позволили подробно осмотреть и даже потрогать хранящиеся образцы. Их несколько штук, все они лежат в спе-

циальных цинковых ванночках, заполненных консервантом. Из рта одной рыбы все еще торчит крючок с куском лески.

Хотя их чешуя покрылась белым налетом от формалина, а огромные глаза потускнели и затуманились, нетрудно было представить, как эти монстры в сумраке морского дна, на глубине ста пятидесяти саженей, поджидают добычу, раскрыв полную страшных зубов пасть, или неуклюже карабкаются по скалам на своих ходячих плавниках. Перед нами лежало существо, жившее не только задолго до млекопитающих, но и задолго до появления на Земле первого динозавра. Оно переносило нас на триста пятьдесят миллионов лет назад, во времена, когда подобные создания представляли собой вершину эволюции. В ванночке с консервантом покоился родоначальник всех населяющих сушу позвоночных.

Проведя на острове несколько месяцев и уже повидав немало первобытных животных, мы восприняли как вполне естественную закономерность тот факт, что древнейшие на свете рыбы оказались именно у берегов Мадагаскара.

Глава 7 МОТЫЛЬКИ, ОСЫ И МУРАВЬИНЫЕ ЛЬВЫ

Сотрудники Научно-исследовательского института в Антананариву познакомили нас с месье Вье, владельцем фирмы, торгующей импортными красками и стройматериалами, а в душе страстным любителем бабочек. Это был молодой круглолицый человек крепкого телосложения, с лица которого не сходила восторженная улыбка. Половину его дома занимали коллекции бабочек. В каждом углу стояли шкафчики с бабочками, полки были забиты книгами о них же, а стены увешаны застекленными стендами, где крылья бабочек переливались всеми цветами, словно драгоценные камни. На деревянных дощечках были распяты на булавках десятки недавно добытых экземпляров.

Больше всего поражали своим великолепием даже не бабочки, а мотыльки. В Европе мы привыкли считать, что мотыльки — это ночные насекомые грязновато-серого цвета, однако многие тропические виды совершенно не похожи на них: они летают днем и имеют дивную расцветку. Отличить их от бабочек можно только обследовав усики и убедившись, что на них отсутствуют характерные для бабочек концевые выпуклости, или зацепки. Коллекция Вье включала насекомых Бразилии и Индонезии, Новой Гвинеи и Конго, но самым ослепительным был дневной мотылек, пойманный в нескольких милях от Антананариву. Под ним стояла аккуратная надпись: *Chrisidia Madagascariensis* (хризиды мадагаскарская). Его бархатные черные крылья с толстыми прожилками усеяны ярко-зелеными крапинками и окаймлены широкой полосой цвета расплавленного золота. Задняя кромка крыльев зубчатая и украшена бахромой из тонюсеньких белоснежных ворсинок. Интересно, что внутренние поверхности крыльев у других видов, как правило, блеклые; у этого они были даже ярче, чем наружные, и окрашены в те же шелковистые цвета, только другого рисунка.

У хризиды нет сородичей по соседству — на Африканском континенте; близкие ему виды обитают в лесах Южной Америки, но их окраска беднее. Это еще один любопытный факт, с которым следует считаться в попытке определить происхождение фауны острова.

Многие специалисты по чешуекрылым сходятся на том, что сказочный мотылек является самым красивым среди всех видов бабочек. Он пользуется поистине мировой славой, о хризиде знают даже те, кто не проявляет особого интереса к мотылькам: он изоб-

ражен на одной из мадагаскарских марок. Я надеялся увидеть его живьем в лесах вокруг Антананариву, но Вье сказал, что, к сожалению, в это время года они не летают. Только через четыре месяца эти дивные мотыльки вылезут из своих коконов.

— Не огорчайтесь! — весело добавил он. — На Мадагаскаре полно других, тоже очень красивых. Один из них как раз начал летать в этом месяце.

Он показал нам гигантское насекомое, лежавшее в специальной коробке. По яркости оно, конечно, не могло идти в сравнение с хризидой, но по элегантности, пожалуй, даже превосходило его. Вытянутые зеленовато-желтые задние крылышки мотылька достигали пятнадцати сантиметров в длину. Это была аргема (*Argema Mittrei*), малагасийская комета.

Конечно, было бы неплохо поснимать их, но где их найти?

Улыбка месье Вье стала еще шире.

— Пошли!

На подставке у стены дома стояло пятнадцать ящиков, затянутых спереди сеткой. В каждом висело по пятьдесят серебристо-белых коконов.

— Аргема, — гордо произнес хозяин.

Эти коконы доставляли ему помощники-малагасийцы. Когда из коконов вылупятся насекомые, Вье разместит их по ящикам и разошлет по почте коллекционерам во все концы света в обмен на другие экземпляры, которых нет в его собрании. Я в восторге смотрел на ящики: нам выпал редкий шанс не просто заснять живых насекомых, но и запечатлеть на пленке волшебный миг их жизни, когда они превращаются из червячков в дивных полнокрылых взрослых мотыльков.

Вье уточнил, что, как правило, «вылупление» происходит где-то от полуночи до рассвета. Точный момент их появления на свет непредсказуем и зависит от погоды. Бывает, что за ночь «вылупляется» несколько мотыльков, а потом целую неделю ничего не происходит. Если мы готовы дежурить несколько ночей подряд, у нас есть шанс застать этот момент. Мы тут же согласились и договорились прийти к нему попозже со всем оборудованием.

В тот день мы были приглашены в гости. В гостиницу вернулись очень поздно, взяли свои кофры, сумки и треноги и отправились к добрейшему месяе Вье. Он, как обычно, улыбался, но лицо его было бледно, и под глазами чернели круги. Оказалось, что через несколько часов после нашего ухода кометы неожиданно начали «вылупляться» из коконов. Он помчался на машине разыскивать нас, побывал в гостинице, объездил городские рестораны, но все напрасно. В полночь он вернулся домой и обнаружил, что три мотылька уже «вылупились», а четверо других были на подходе. Вье еще раз попытался отыскать нас, исколесив полгорода, но во втором часу ночи сдался. Перед лицом такого самопожертвования мне стало ужасно неловко за то, что мы не удосужились оставить в гостинице записку с адресом знакомых.

Но Вье, похоже, не знал, что такое уныние.

— Следующей ночью, — уверенно заявил он, — вам непременно повезет!

Мы заступили на дежурство в девять вечера и каждые десять минут подходили к клеткам. Коконны уже сами по себе являли замечательное зрелище: серебряные нити, из которых они были скручены, отливали

тусклым металлическим блеском в свете ручного фонаря. Они висели рядами, не проявляя никаких признаков жизни, словно непроросшие семена.

Около одиннадцати я заметил, что один из них зашевелился. Я быстро снял его с крюка, двумя прыжками пересек двор и повесил кокон на заранее приготовленную проволоку, освещенную всеми приборами и лампами, какие только удалось раздобыть. Джеф нацелил объектив и, едва коричневая головка высунулась из дырочки в верхушке кокона, нажал кнопку мотора. Мотылек с трудом прокладывал себе путь наружу, отчаянно работая лапками; наконец после резкого толчка показался кусочек пухлого желтенького брюшка. Насекомое, подрагивая, застыло в таком положении на несколько секунд, словно выдохшись после тяжелых усилий, затем в несколько рывков вылезло полностью. Крылышки мотылька были скомканы и напоминали поверхность ядра грецкого ореха. Он начал заглатывать воздух, спазматически дергаясь телом. При этом брюшко надувалось, перекачивая содержавшуюся в нем жидкость в жилки, расположенные на крылышках, и те начали расправляться прямо на глазах. Бесформенное коричневое пятно в центре каждого крыла постепенно превращалось в похожее на зрачок кольцо.

Насекомое вздрогнуло и засучило лапками. Неотрывно следя за мотыльком, я не заметил, насколько увеличилось в размере крылья, но, отойдя и вернувшись через минуту с новой кассетой, я сразу уловил разницу. За десять минут передние крылья полностью расправились; их красоту, правда, еще трудно было оценить, поскольку они были сложены вместе наподобие двух книжных страниц. Постепенно начали

расправляться и задние крылья; свисавшие с их нижнего края влажные коричневые складки стали медленно удлиняться. Они все росли и росли.

Час спустя трансформация закончилась. Мотылек величественно расправил крылья, как бы демонстрируя им свое фантастическое величие. Ширина крыльев составила пятнадцать сантиметров, а длина от верхнего края до нижней бахромы — около двадцати трех.

Происшедшая у нас на глазах метаморфоза оставляет неизгладимое впечатление. Но самые удивительные и загадочные превращения происходят раньше, когда тело гусеницы распадается на клеточные компоненты и дряблый коротконогий червячок превращается в почку, которая за короткое время становится взрослым мотыльком. Но это чудо мы не могли заснять, потому что творится оно в темном тайнике кокона.

Далее наш маршрут пролегал по северо-западной части острова, где обитают уникальные лемуры, ящерицы¹ и другие существа, не встречающиеся нигде больше в мире. Идеальным местом представлялись леса вокруг Анкарафанцики, маленького селения в семидесяти милях от порта Махадзанги. К нашей радости, Жорж смог принять участие в поездке: директор института поручил ему отловить для коллекции нескольких мелких лесных пресмыкающихся. Таким образом, проведя всего неделю в столице, мы вновь тронулись в путь, загрузив продуктами и пленкой подновленный «лендровер».

¹ Настоящие ящерицы на Мадагаскаре отсутствуют, но хорошо представлены гекконы, реликтовые игуаны, сцинки. — *Примеч. ред.*

Поездка и на сей раз не обошлась без приключений. В первый же день, доехав в сумерках до перевала, мы увидели внизу, в долине, оранжевые языки пламени. Зрелище вызывало в памяти образ ярко иллюминированного приморского города, но все было куда прозаичнее. Жители деревни в преддверии сезона дождей выжигали траву и кустарники на болотах, чтобы скоту было легче находить молодые, сочные побеги. В результате весь склон опалился и почернел. В ряде мест пламя добралось до дороги, и нам приходилось прорываться сквозь огонь; языки взметались в воздух на пять метров и выше, от чудовищного треска закладывало уши, а удушливый чад проникал в кабину.

В Анкарафанцику мы попали на второй день. Жорж провез нас через селение по лесной дороге к маленькой хижине. Одни мы никогда бы не нашли ее в глубине леса. Внутри жилье оказалось довольно просторным, хотя снаружи выглядело невзрачно: стены покосились, соломенная крыша облезла, а стропила оголились.

Половину дома занимал молодой лесник-малагасиец с женой и ребенком, а мы с его разрешения разместились в большой пустовавшей комнате в другой половине.

Хозяева оказались людьми очень отзывчивыми. Главной обязанностью лесника была охрана леса от пожаров; занятие это, судя по всему, отнимало не много времени, так что большую часть дня он качал на коленях своего шестимесячного сына. По-французски он говорил еще хуже, чем я, но мы быстро нашли общий язык. Произошло это так. Утром я готовил завтрак и начал рассеянно насвистывать мелодию валлийского гимна. Неожиданно из-за стены кто-то

очень ловко стал вторить мне. Я смолк. За стеной тоже замолчали. Я снова начал насвистывать и опять услышал, что кто-то мне вторит. Наверное, ночью прибыл еще один европеец, решил я и пошел посмотреть, кто бы это мог быть.

— Я, — сказал лесник, гордо ударив себя в грудь, — миссионерское общество, Лондон.

Каждое утро мы отправлялись к маленькому озеру недалеко от дома. Из небольшого родника в нескольких метрах от берега набирали питьевую воду, а мылись в самом озере. После той ночи, когда мы стали свидетелями появления на свет мотылька-кометы, мой интерес к мадагаскарским насекомым сильно возрос, а здесь, у озера, их было великое множество. Стайки бабочек собирались на водопой возле источника; потом, разбившись на группы штук по сто в каждой и сложив свои яркие крылья, они тыкали в грязь длинными, похожими на ниточки хоботками.

Умывались мы в одном и том же месте — у камышей, на мелководье; самый высокий стебель облюбовала крупная красавица стрекоза с голубыми пятнами на дымчатых крыльях. Она обзревала с высоты свои охотничьи угодья, потом срывалась с места и неслась над желтоватой поверхностью озера, сложив лапки над головой в форме корзиночки, куда и попадали крохотные насекомые, тучами роившиеся над водой. Часть добычи она съедала прямо на лету, но частенько тихими вечерами я наблюдал, как она возвращалась на свой сторожевой камыш, усаживалась там и с хрустом съедала муху.

Иногда я видел, как она пьет: спускается, вертикально кружась, словно водяное колесо, зачерпывает с поверхности капельку воды, взлетает вверх, совершает круг и снова несется вниз, касаясь воды в том же самом месте. Этот искусный трюк высшего пилотажа вызывал восхищение. Удивительно было то, что стрекоза делала не просто «мертвую петлю» — фигура была еще сложнее; тело стрекозы оставалось в горизонтальном положении, а голова все время была обращена в одну сторону, так что полкруга она летела «задним ходом». Причем он включался без перехода, без снижения скорости; подобный маневр требует фантастической слаженности в работе крыльев, и ни один из созданных человеком летательных аппаратов не обладает такими свойствами.

Во время умывания нас регулярно посещала еще одна гостья — огромная разноцветная оса. Она прилетала набрать немного тины, которую пережевывала, активно работая челюстями, смешивала со слюной и превращала в шарик. Прижав его к груди, она неслась, жужжа, к нашей хижине и прилепляла его к стене прямо над моей кроватью. Оса сооружала гнездо. Она усердно месила челюстями пузырящуюся пасту, проверяя усиками толщину стенки. Ей пришлось слетать к озеру минимум раз тридцать, чтобы набрать достаточно материала для постройки, но оса трудилась с таким прилежанием, что гнездо длиной почти пять сантиметров было закончено за три часа.

Сооружение служило одновременно колыбелью для потомства и местом для хранения добычи. Перед концом строительства оса улетела и отсутствовала дольше обычного. Вернулась она, таща здорового желтого паука со сложенными, как у краба, лапками.

Паук не шевелился, но был жив: она просто парализовала его жалом. Подлетев к домику, оса протиснулась с ношей внутрь и с минуту не появлялась. Я знал, что она откладывала яйцо — прямо на неподвижное тело паука. Выбравшись из домика, она помчалась стрелой к озеру и очень скоро вернулась, прижимая к себе последний шарик. Им она наглухо законопатила вход.

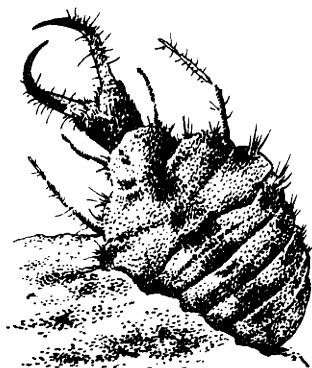
В ближайшие недели, когда из яйца вылупится личинка, она найдет рядом с собой свежее, живое мясо. Личинка начнет питаться, расти и толстеть до тех пор, пока паук не превратится в тоненькую пленку. Затем личинка окуклится и в положенный срок вылетит из домика уже в виде взрослой, сформировавшейся осы, после чего весь цикл повторится сначала.

Оса была не единственным постояльцем нашей хижины. Сухая, пыльная стена под тростниковой крышей была усеяна сотнями аккуратненьких конических ямочек. То были ловушки, построенные крошечными созданиями, носящими грозное звание муравьиных львов. Они сидели, зарывшись в песок на дне ямки, и ничем не выдавали своего присутствия, ожидая, пока какой-нибудь муравей по ошибке не заползет туда. В ту же секунду затаившийся охотник высовывал голову из песка. Иногда муравьиные львы кусали жертву, но чаще они вызывали миниатюрные оползни, увлекавшие муравья на дно ямки. Там его уже ожидал муравьиный лев, готовый схватить добычу, утащить ее в подземелье и высосать.

Иногда я раскапывал эти искусные засады, чтобы взглянуть на охотника. Муравьиные львы — жирные, уродливые создания длиной не больше сантиметра. Это не взрослые насекомые, а личинки, которые по-

знее превратятся в подобие стрекозы. Когда я бросал их на землю, они тут же начинали рыть себе ямки, разбрасывая головой песок в разные стороны. За поразительно короткий срок они сооружали новые ловушки. Мы частенько дразнили их, подкидывая в ямку крохотные щепочки. Муравьиные львы незамедлительно реагировали, втягивая добычу вниз.

Мы повсюду наталкивались на множество насекомых; они колонизировали каждый уголок леса, кустарники, землю и нашу хижину. Днем на деревьях стрекотали цикады, по траве прыгали, перебирая лапками, кузнечики, а по вечерам в комнате вокруг свечей стайками порхали мотыльки; в брачном полете залетали термиты, по дороге сбрасывали на пол крылышки и поспешали на поиски супругов. Ночью нас мучили москиты, а днем не давали житья слепни. Но тех, ради кого мы сюда приехали, мы еще не видели, хотя лемуры, по свидетельству знающих людей, должны были водиться в Анкарафанцике в большом количестве.

Глава 8 ХАМЕЛЕОНЫ, ЦАПЛИ И ЛЕМУРЫ

Мадагаскар — родина хамелеонов. Здесь они появились на свет, отсюда распространились по Африке и другим континентам. Еще и сегодня на острове насчитывается больше видов хамелеонов, чем во всем остальном мире. Здесь водятся самые крупные и самые маленькие, самые яркие и самые причудливые представители этого необыкновенного семейства рептилий. Один вид, *Brownia*, не превышает в длину четырех сантиметров.

Эти крошечные создания — самые мелкие из всех пресмыкающихся. Хамелеоны другого вида достигают шестидесяти сантиметров; гиганты питаются не только насекомыми, составляющими основу рациона их собратьев более скромного размера, но также мы-

шатами и неоперившимися птенцами. Остальные виды располагаются между этими двумя. Природа наделила хамелеонов экстравагантной внешностью; каждый вид носит на голове какое-нибудь украшение — островерхий шлем, петушиный гребень или наросты, как у легендарного единорога; на шее у них болтаются кожные складки, а на носу красуются двойные чешуйчатые пластинки.

Жорж заверил нас, что в лесу вокруг хижины должны водиться хамелеоны, и не одного вида. Возможно, так оно и было, но высмотреть их оказалось делом нелегким. Все, разумеется, знают о знаменитой, вошедшей в поговорку способности этих существ менять окраску под цвет фона. В данном случае трудность усугублялась еще привычкой хамелеонов сидеть совершенно неподвижно среди спутанных ветвей, где их силуэт сливается с листвой. Что касается их цвета, то он меняется не столько в зависимости от фона, сколько от эмоционального состояния зверька и интенсивности освещения. Возьмите в руки хамелеона, и он от возмущения станет черным; начните дразнить пятнисто-зеленого, и он в гневе может неожиданно покрыться желтыми или оранжевыми полосами. Как правило, чем сильнее светит солнце, тем ярче их окраска; ночью же или в закрытой клетке большинство хамелеонов становятся почти белыми.

Эти поразительные изменения цвета обусловлены наличием в их бородавчатой коже особых пигментных клеток. Когда клетки находятся в сокращенном состоянии, они невидимы — именно это и происходит в темноте; зато под действием света или возбуждения одна или несколько групп клеток расширяют-

ся, и их пигмент — красный, черный, оранжевый, зеленый, желтый — неожиданно становится видимым.

Если вам удалось заметить хамелеона, то поймать его не составляет особого труда: зверьки не способны быстро двигаться. Вам надо просто взять палку, поднести ее к ветке, по которой вышагивает хамелеон, и он ничтоже сумняшеся покинет свое безопасное убежище на дереве, любезно перейдя на вашу палку. Таким образом вы легко спустите зверька на землю, даже не прикоснувшись к нему. Этот прием особенно удобен в случае, когда хамелеоны сидят высоко на тоненьких веточках, до которых не дотянешься рукой.

Но затем наступает более сложный этап: зверька надо оторвать от палки и посадить в клетку. Вот это уже сделать не так просто: едва вы возьмете его за загривок, как он начинает злобно шипеть, широко раскрыв рот и показывая желтый зев; при этом он засасывает воздух с такой силой, что его тело раздувается до внушительных размеров. Он выглядит устрашающе, однако следует помнить, что хамелеоны не представляют опасности для человека. Они, правда, норовят цапнуть за руку, но только самые крупные особи могут прокусить кожу.

Наибольшее впечатление производят не челюсти хамелеона, а его глаза. Они сильно выпучены, при этом каждый глаз почти целиком закрыт чешуйчатыми веками, как правило яркой окраски, лишь в середине остается узенькая шелка. В результате глаз напоминает линзу микроскопа. Глазные яблоки способны вращаться в любом направлении, так что нередко оказывается, что мордочка хамелеона повернута в

противоположную сторону, а он внимательно наблюдает за вами... «затылком». Поначалу это приводит в полное замешательство. Но самое поразительное то, что оба глаза рептилии двигаются независимо друг от друга: один может глядеть на вас, а другой — на дверцу клетки, в которую вы пытаетесь поместить его. Совершенно невозможно представить, каким образом он умудряется сопоставлять в мозгу постоянно меняющиеся образы, воспринимаемые вращающимися в разные стороны глазами!

Два дня спустя мы наловчились различать хамелеонов на ветвях деревьев и вскоре собрали целую коллекцию — больше десятка особей. Если верно, что нет худа без добра, то доля истины есть и в противоположном. Обилие хамелеонов породило проблему их кормления и размещения, причем с каждым новым постояльцем она усложнялась все больше. Я долго бился над ее разрешением и в конце концов изобрел способ, призванный, как мне казалось, разом ликвидировать все трудности.

В хижине валялась старая оцинкованная ванна. Я вытащил ее, отмыл и пристроил в середине высокую сухую ветку, обложив ее у основания камнями так, чтобы она прочно стояла в вертикальном положении. От ветки отходило несколько прутиков, на которые я нанизал кусочки сырого мяса, а саму ванну заполнил водой.

Пока я занимался этим творчеством, Джеф умывался на озере. Когда он вернулся, все уже было готово. Мое произведение стояло перед хижинкой, напоминая экстравагантную японскую икебану. Джеф, ес-

тественно, удивился, и мне пришлось растолковать ему хитроумный замысел этого сооружения.

— В подходе к проблеме хамелеонов следует учитывать два обстоятельства, — снисходительно начал я. — Во-первых, они питаются мухами, а во-вторых, не умеют плавать. Посадив их на ветку, можно быть уверенным, что они никуда не денутся, поскольку улизнуть можно только через воду. Таким образом, мы получаем вместительную и надежную клетку, которую смело можно считать произведением искусства. Мысль о бегстве отсюда даже не придет им в голову — ведь это просто рай для хамелеонов! Рои мух слетятся на мясо, обеспечив бесперебойное поступление пищи и тем самым избавив нас от утомительных ежеутренних поисков кузнечиков.

Джеф оценил изобретение по достоинству. Вдвоем мы извлекли хамелеонов из разнокалиберных клеток и живописно разместили их на ветке. Зверьки вцепились в прутики, сердито пуча друг на друга глаза, а мы гордо наблюдали со стороны, как они обживают свой уютный новый дом.

Один из них, самый отважный, спустился по ветке вниз, обследовал воду и в испуге отпрянул. Пока все шло так, как я и предсказывал. К сожалению, я недолго наслаждался собственной выдумкой. Хамелеоны почему-то собрались наверху и расселись в ряд на толстом горизонтальном сучке, выступавшем примерно на полметра над краем ванны. Один за другим они стали слетать наземь, как прыгуны с трамплина в бассейне. Я был потрясен. Никогда раньше мне не доводилось видеть, чтобы хамелеоны хоть как-то проявляли склонность к прыжкам. Зверьки с глухим стуком

шмякались о землю и пытались удрать с видом оскорбленного достоинства, при этом лапы их нелепо болтались в воздухе, а туловище моталось из стороны в сторону — хамелеоны старались двигаться с непривычной для них скоростью.

Мы ловили их и возвращали на ветку в неволю, но уже было ясно, что в качестве клетки моя элегантная конструкция никуда не годится. Да и в качестве кормушки она провалилась столь же блистательным образом. Я никогда раньше не задумывался, почему мухи летят на мясо; мне казалось, что, если кусок мяса оставить на виду, через несколько секунд мухи облепят его. Но тут висящий на ветке аппетитный кусочек не привлек ни одно насекомое!

— Наверное, солнце припекает и высушивает мясо, — сказал Джеф. — Надо бы передвинуть твою штуку в тень.

Пыхтя, мы перетащили ванну на новое место, под дерево. Мухи и не думали появляться.

— Слишком ветрено, — предположил Жорж, — они не летают при ветре.

Мы задвинули сооружение под стену хижины, где была тень и не чувствовалось ни малейшего дуновения. Никакого эффекта. Меня вдруг осенило, и я смазал мясо медом. Когда и это не помогло, пришлось сдаться. Мы вернули хамелеонов в клетки и с утра отправились ловить для них кузнечиков и сверчков, ползая по лугу у озера.

Это было нудное и утомительное занятие, правда вознаграждавшее нас сторицей: смотреть, как питаются хамелеоны, — одно удовольствие. Мы клали сверчка сантиметрах в сорока от хамелеона. Тот пово-

рачивал один глаз и делал вид, что не замечает добычу. Но стоило насекомому шевельнуть лапкой или усиком, как хамелеон настораживался и начинал медленно двигаться в ту сторону, покачиваясь взад и вперед. Эти нетвердые движения помогают ему определить расстояние до жертвы, что очень важно. Когда добыча оказывается в пределах досягаемости — примерно в двадцати — тридцати сантиметрах, он вытягивает голову, медленно открывает рот и выстреливает длинным языком. Липкая подушечка на кончике языка прихлопывает насекомое, и язык мгновенно втягивается назад. После этого, со вкусом почавкав, он проглатывает жертву.

Язык хамелеона — поразительное устройство. По форме он напоминает трубочку; в обычном состоянии она втянута и имеет вид жирового кольца в задней части глотки. Когда владелец решает пустить его в ход, он резко сокращает кольцевые мышцы трубочки, и в долю секунды из короткого обрубка язык превращается в длинную тонкую стрелу. Хамелеон выбрасывает язык с удивительной точностью. Мы видели, правда, что ему случалось и промахиваться, если, например, кузнечик в критический момент менял положение, но ни разу не было, чтобы язык не дотянулся до жертвы или пронесся мимо.

Язык действует с исключительной эффективностью как дальнобойное орудие, когда жертва находится на некотором расстоянии, но на близкой дистанции возможности хамелеона ограничены. Однажды мы увидели, что к верхней губе одного из наших самых крупных хамелеонов прилип кусочек недоеденного кузнечика. Это невероятно раздражало его; ми-

нут пять он ворочал своим огромным языком, стараясь загнуть его и слизнуть кусочек. Все усилия были до смешного безрезультатны. В конце концов он потерял всякую надежду отправить в рот лакомый кусочек и смахнул его, потершись мордой о ветку.

Каждое утро мы исправно кормили хамелеонов. Наш хозяин, его жена и заходившие к нам деревенские жители наблюдали за этим процессом с нескрываемым ужасом. Они поражались нашей глупости: ведь всем известно, что хамелеоны — ядовитые животные, к тому же жутко злые. Прикасаться к ним — чистое безумие! Переубедить их не было никакой возможности. Однако вскоре это распространенное поверье пригодилось и нам.

На обратном пути из Анкарафанцики нам пришлось остановиться на несколько дней в маленьком городке в центре Мадагаскара. Однажды утром, выйдя из гостиницы, мы обнаружили, что нашу машину обокрали. Не сумев открыть дверь, злоумышленники разбили окно. К счастью, они не тронули самые ценные для нас вещи — камеры, пленки и магнитофоны, а взяли только консервы и сильно поношенные замшевые туфли, в которых я проходил всю экспедицию и к которым испытывал глубокую привязанность. Вставить стекло не удалось, и машина оставалась практически открытой. Дело решилось просто. Каждый вечер мы вынимали из клетки самого крупного хамелеона «ядовитого» цвета и водружали его на кучу вещей, громоздившихся на заднем сиденье. Он сидел вцепившись в кинокамеру, злобно вращая глазами во все стороны. Машину обходили за версту.

Деревья вокруг нашей хижины были не местных пород, их завезли на Мадагаскар из чужих краев благодаря стараниям работников лесного ведомства. Посадки состояли по большей части из эвкалиптов; их полосатые стволы встречались уже нам в других частях острова. Кроме них был капок — индийское хлопковое дерево, вполне оправдывавшее свое название: ветви капока усеивали длинные стручки, из которых торчали белые волокна. Но особенный интерес вызывали росшие по соседству с ними очень высокие деревья, тоже завезенные из Азии. Они были усыпаны плодами, по форме напоминавшими очищенные апельсины. Эти деревья размножаются весьма оригинальным способом. Их плоды по мере созревания твердеют и сморщиваются на солнце наподобие печеного яблока. Наконец давление внутри плода возрастает настолько, что он разрывается с грохотом пушечного выстрела, раскидывая семена далеко в стороны.

Завезенные на Мадагаскар деревья оказались чужеродными для местной фауны: животные не едят ни их листьев, ни плодов. Лесопосадки поэтому не радуют натуралиста таким разнообразием фауны, как естественные леса острова. Однако они далеко не безжизненны. В частности, почти всех наших хамелеонов мы отловили на ветвях деревьев-«чужестранцев». Их стволы послужили охотничьими угодьями и на ящериц, которыми Жорж должен был пополнить коллекцию института. Это были серые существа, длиной двенадцать — пятнадцать сантиметров, с черным воротничком и толстым колючим хвостом. Ловить их труднее, чем хамелеонов, — ящерицы очень юркие, и

схватить их рукой практически невозможно, как бы осторожно вы ни подкрадывались. Реакция у ящериц молниеносная, однако Жорж все же сумел перехитрить их.

Он использовал простой, но действенный метод. Сначала он изготовил мини-аркан — тонкий гибкий прут с маленькой петлей из волокон жесткой травы на конце. Вооружившись этим бесхитростным орудием, он тихонько подкрадывался к дереву. Заметив человека, ящерица, с шуршанием возившаяся в палых листьях у подножия, стремглав уносилась вверх по стволу. Жорж подходил вплотную. Ящерица, оказавшись вне пределов досягаемости, успокаивалась и поудобнее устраивалась на ветке. Жорж поднимал прут и подносил петлю к голове рептилии. Надо сказать, сделать это не совсем просто, как может показаться на первый взгляд: малейшее дуновение ветерка относило петлю в сторону. Тут требовалась немалая ловкость, но Жорж успел набить руку. Как ни странно, ящерица спокойно реагировала на петлю, даже когда та касалась ее носа. Улучив момент, Жорж накидывал на шею петлю, дернув прут, затягивал ее и снимал удивленную ящерицу с дерева. Этот поразительный трюк не уступал по занимательности ярмарочному зрелищу.

В лесопосадках водилось также много птиц: голуби, черные попугаи и белоглазки размером с наших воробьев, дивные шурки с длинными хвостами и роскошным сине-зеленым оперением, по земле гуськом бегали крошечные трехперстки — с такой скоростью, что вся шеренга издали сливалась в одну извилистую линию. Были здесь и мадагаскарские ку-

кали, которых редко доводилось видеть, но чье характерное «ку-ку-ку» мы слышали постоянно, и похожие на черных дроздов дронго с торчащим у основания клюва пучком жестких перьев. Помимо музыкальных талантов, эти птицы еще обладают даром имитировать голоса других пернатых. Жорж называл их, пользуясь международной терминологией. Забавно, что мы легко находили общий язык, говоря о таких экзотических созданиях, как питтоподобные сизоворонки, но чтобы спросить, куда он положил отвертку, мне приходилось несколько минут лихорадочно листать словарь.

Нашей особой симпатией пользовалась пара удо- дов, чье семейство расположилось в дупле дерева прямо напротив хижины. Они принадлежат к подвиду, который водится только на Мадагаскаре, и по красоте ничуть не уступают своим европейским собратьям: у них оранжевые грудки, черно-белые крылья и прелестные, увенчанные черно-желтым хохолком головки. Отец и мать без усталы работали, добывая пищу птенцам; по большей части они выстукивали серповидными клювиками кору деревьев, вытаскивая оттуда насекомых. Каждые десять минут удоды возвращались в гнездо, неся в клюве добычу; садясь на сучок, они распускали хохолки и не сводили с нас настороженных глаз. Только в полдень, когда жара становилась невыносимой, родители прекращали на время свои хлопоты. Мы тоже, кстати, если была возможность, устраивали перерыв на сон, подчиняясь тропическому распорядку.

Уже за пределами леса дорога на Махадзангу пролегла между мелкими озерами и рисовыми полями,

где водилось немало птиц: белые и другие виды цапель, красноклювые утки, чирки, ибисы, ходулочки, яканы. Больше всего было цапель. Мы медленно ехали по шоссе, пытаясь определить в бинокль, кто есть кто. Неожиданно я заметил стайку тeneвых цапель, которые вели себя довольно странно. Они брели по колeно в илистой воде, потом вдруг вздымали над головой крылья и погружались в воду, так что на поверхности оставался лишь пучок черных перьев, издали похожий на купол. Пробыв в таком положении несколько минут, они столь же резко поднимались, складывали крылья, оглядывались вокруг, словно желая удостовериться, что ничего не стряслось, и шли дальше. Сделав несколько шагов, они опять ныряли.

Было ясно, что птицы кормились. Крылья они поднимали либо для того, чтобы напугать неожиданной тенью рыбешек, либо чтобы уменьшить отражение с поверхности и разглядеть, что делается под водой.

— Мы называем их *ломба комба*, — сказал Жорж. — Это означает «едащий в домике».

Сидя в машине, мы с Джефом как замороженные следили за взмахивавшей крылами стаей. Конечно, их непременно надо было заснять, но тут впервые за время путешествия мы разошлись во мнениях, как лучше это сделать. Я предложил взять длинный телеобъектив — тот, который Жорж прозвал «базукой», — и снимать их прямо с дороги. Птицы привыкли к движению машин, убеждал я, и не обратят на нас внимания. Если же мы попытаемся приблизиться, они напугаются и улетят.

Джеф с не меньшей страстью доказывал, что на поверхности воды такие сильные блики, что снимать телевиком бесполезно: все кадры будут испорчены. Если мы хотим получить приличное изображение, надо подкрасться к птицам поближе.

— Давай рискнем и снимем их отсюда, — настаивал я. — Если окажется, что блики слишком яркие, попробуем подойти ближе.

Но Джеф был непреклонен.

— Хорошо, — буркнул я. — Пусть будет по-твоему. Пока мы тут препираемся, они, чего доброго, возьмут и улетят. Не век же им кормиться...

Джеф взял камеру, вылез из машины и начал тихонько спускаться по склону, отделявшему дорогу от рисовых полей. Я с интересом наблюдал за ним. Когда он был на полпути, цапли замерли и уставились на него. Джеф благоразумно остановился. Потом сделал еще несколько шагов. Птицы не шелохнулись. Еще шагов пять, и он окажется на приемлемом расстоянии. Но едва Джеф поднял ногу, как вся стая словно по команде поднялась в воздух и перелетела в центр поля, метров на двадцать дальше.

Не желая накалять обстановку в группе, я решил не произносить обычную в таких случаях фразу: «Говорил я тебе!» Но мой благой порыв не понадобился: Джеф не собирался сдаваться. Он спустился по склону, сделал три шага по рисовому полю и, насколько я мог судить, начал тонуть. Теперь-то уж ему придется вернуться, подумал я. Но это у Джефа не получалось: как только он пытался вытащить правую ногу, левая погружалась еще глубже. Он явно увяз. Я выскочил из машины и поспешил вниз. К тому моменту, когда я

приблизился к нему, Джеф был уже почти по пояс в воде; нашу бесценную камеру он держал над головой, словно желая передать эстафету потомкам, перед тем как сгинуть навеки.

Он игнорировал меня, уставясь с каменным выражением лица в другую сторону.

— Я был бы весьма признателен вам, — с ледяной вежливостью процедил он сквозь стиснутые зубы, — если бы вы взяли у меня камеру.

Я не решился засмеяться и молча выполнил просьбу. По-прежнему игнорируя протянутую руку, утопающий рванулся вперед, пытаясь добраться до берега. Когда ему удалось в конце концов вылезти на твердь, он был с головы до ног покрыт синеватой, вязкой, вонючей жижей.

С несчастным видом он уселся рядом со мной в машину, подстелив под себя кусок газеты, и мы поехали обратно в лагерь. Никто не произнес ни слова.

Прошел добрый час, прежде чем мы смогли всласть посмеяться над приключением. Ни разу больше черные цапли не попадались нам так близко от дороги, как в то утро. Шанс запечатлеть их оригинальный способ ловли рыбы «в домике» был упущен...

За высаженными рядами эвкалиптов и капока начинался настоящий дикий лес. Густое переплетение ветвей делало его подлинной чашобой. Именно туда мы отправились на поиски бурых лемурув, ради которых, собственно, и приехали в Анкарафанцику. Считалось, что их здесь много, но по иронии судьбы первым нам попался куда более редкий представитель ле-

мурового клана. Я натолкнулся на него совершенно случайно.

Увидев в трех-четырех метрах от себя пушистое существо, я замер от неожиданности. С губ у меня едва не сорвался вопрос: «Ты кто такой?» Это была сифака. Она сидела на развилке дерева, свесив похожий на шнурок от колокольчика хвост, сложив на коленях передние лапки, а задние лениво вытянув вдоль загибавшейся кверху ветки, так что ее огромные ступни торчали на уровне груди. Я замер. Зверек, сонно мигая, взглянул на меня через плечо, полуоткрыв свои золотистые глаза. Окраской он был совсем не похож на тех сифак, которых мы снимали на юге острова, в зарослях дидиерей. Грудную клетку сверху окаймляла яркая оранжево-рыжая полоса, а на бедрах красовались пятна того же цвета. Правда, на голове у него не было коричневой шапочки, как у «южан», все тело покрывала шерстка ровного кремowego цвета. На научном языке зверек именуется сифакой Кокреля.

Поглазев на меня с минуту, она лениво поджала ноги и неожиданно, не выказав ни тени испуга или неудовольствия от моего присутствия, буквально взвилась в фантастическом прыжке. Приземлившись на дереве в нескольких метрах дальше, она оттолкнулась от него задними лапами и исчезла.

Что касается бурых лемурув, то их оказалось меньше, чем мы ожидали; углубившись дальше в лес, мы поняли, что на это имелись веские причины. В одном месте деревья были вырублены, в центре образовавшейся поляны в землю вбит столб. От него, словно спицы гигантского колеса, тянулись параллельно

земле три шеста, концами упиравшиеся в деревья, росшие по краю поляны. К центральному столбу были привязаны три тоненьких упругих деревца, которые были наклонены таким образом, что свисавшие с них петли болтались над каждым шестом. Все ясно: это ловушка с простейшим спусковым механизмом. Бурые лемуры в основном живут на деревьях и очень неохотно спускаются на землю. Бродя по лесу и оказавшись перед полянкой, они не станут пересекать ее понизу, а побегут по горизонтальному шесту. Тут-то их и ждет петля. Как только они просунут голову в петлю и дернут ее, вступит в действие спусковой механизм — склоненное деревце распрямится, и лемур повиснет в воздухе. Он так и будет болтаться, пока охотник не достанет его.

На Мадагаскаре все лемуры охраняются законом. Ловушка была построена нелегально, и мы охотно помогли Жоржу сломать ее. Но само наличие ловушки говорило о том, что браконьеры, кто бы они ни были, изучили повадки лемуров и хорошо знали, где они появятся. Имело смысл подождать зверьков в этом месте. Мы зарядили камеру и уселись под деревьями.

Долго ждать не пришлось. Примерно через час я уловил шорох и, взглянув вверх, сквозь переплетение ветвей увидел маленькое существо с черной мордочкой и янтарного цвета туловищем. Оно разглядывало нас, возмущенно мотая хвостом. Размером и формой тела зверек напоминал черного хорька, но был, пожалуй, покрупнее. Вскоре на ветках собралось с десяток лемуров; все они смотрели на нас с явным подозрени-

ем. Мы старались не двигаться, только Джеф поменял объектив, чтобы снимать крупным планом.

Минут через десять они потеряли к нам всякий интерес и двинулись по своим делам, семена по веткам с проворством белок. Правда, прыжки их были не столь легкими и грациозными, чувствовалось, что они стоят им немалых усилий. Прыгали они недалеко и приземлялись на четыре лапы. Некоторые самки тащили на спине детенышей, а это требовало дополнительных усилий. Стая держалась кучно, никто не отставал. Когда они убегали, один примерно годовалый лемур попытался забраться на спину взрослого, хотя до этого разгуливал самостоятельно. Самка, которую он захотел оседлать, резко воспротивилась попытке проехаться на дармовщину и, повернувшись, залепила ему затрещину. Минуту-другую они скандалили. Никто из членов группы не ввязался в ссору. Не обращая внимания на конфликт матери и ребенка, они обходили их стороной. Самка, опасаясь отстать, прекратила выяснять отношения и повернулась к молоденькому лемуру спиной. В ту же секунду он обхватил ее вокруг груди и оседлал; в таком виде они и исчезли в листве.

Но ушли они недалеко: мы слышали шуршание и треск, доносившиеся с соседних деревьев. Джеф снял камеру со штатива и последовал за ними. Мы решили, что ему лучше идти одному — так меньше шансов спугнуть зверьков. Минут через десять он вернулся. Взглянув на него, я решил, что Джефа поразила жесточайший приступ лихорадки. Его трясло, лицо было белое как мел. Он совершенно не мог взять в толк, что с ним случилось, но Жорж все по-

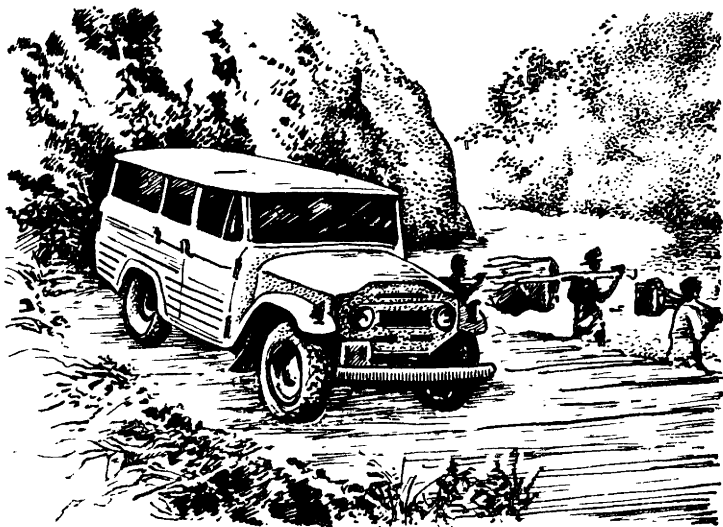
нял, не спрашивая: Джеф наткнулся на куст, покрытый ядовитыми жалящими шипами. Жорж потащил Джефа к ручью и помог ему вымыться. Только через час он пришел в себя... Перед тем как отправиться дальше, мы втроем вернулись на это недоброй памяти место и отыскивали ядовитый куст, чтобы запомнить, как он выглядит. Ничем не примечательный, вполне невинный с виду кустик. Теперь мы будем обходить его стороной: контакт с ним весьма нежелателен.

Установив местопребывание лемуру, мы приступили к регулярным съемкам. Бурые лемуры оказались существами любознательными, а поскольку мы держались в рамках и не навязывали слишком близкого знакомства, они любезно позволяли наблюдать за собой. Это было увлекательнейшее занятие, и мы предавались ему часами. Длинное гибкое туловище этих лемуров и способ передвижения на четырех лапах делают их похожими на куньих или же на мангуст или циветт. Только строение кистей и стоп напоминает об их тесной связи с обезьянами.

Лемуры шумно резвились на деревьях, пронзительно взвизгивая и размахивая от возбуждения хвостами; казалось, они никого не боятся. Ватагу блуждающих по лесу лемуров вполне можно было принять за банду пиратов-головорезов, готовых разнести в пух и прах робких обитателей древесного царства. Но в действительности эти зверьки — убежденные вегетарианцы. Их основные продукты питания — листья, цветы, зеленая кора молодых веточек и плоды. Лишь однажды я видел, как один лемур, зарывшись по уши в свисавшее с ветки пчелиное гнездо, энергично поедал

мед, после чего, лениво развалясь, стал облизывать липкие пальцы. Каждый день они приходили к высоко-
ченному дереву в самой гуще леса лакомиться сочными,
янтарными плодами манго. Под ним мы устроили
съемочную площадку; именно здесь были получены
самые живые и забавные кадры будущего фильма —
сцены пиршеств, перебранок и погони друг за другом.
Наблюдать за лемурами было одно наслаждение. Вот
почему, проверив кассеты и убедившись, что пленки
осталось всего на час съемок, мы искренне расстрои-
лись. Ничего не поделаешь, пора было приниматься
за другие сюжеты.

Глава 9 ДОЛГИЙ ПУТЬ К ФЛАМИНГО

После первой встречи на озере Ихотри фламинго не выходили у меня из головы. Очень важно было узнать, действительно ли они мигрируют через Мозамбикский пролив и гнездятся на соленых озерах Восточной Африки. Если нет, то следовало отыскать на острове место их гнездования. Заснять огромную розовую стаю среди островерхих илистых гнезд было бы фантастической удачей. Такие кадры украсят любой фильм.

Мы с Жоржем частенько беседовали на эту тему. Он считал, что если фламинго размножаются на Мадагаскаре, то это должно происходить сейчас: именно в это время года у большинства водоплавающих птиц появляется потомство. Мы внимательно изучали кар-

ту, пытаюсь угадать, где же они могут быть. Три крупных озера на юге, как мы выяснили, не пригодны для гнездования, а вот несколько озер в северо-западной части острова вполне могли бы пригнуться фламинго. Глухие места, соленая вода и дикая жара — все это как нельзя лучше подходит розовым птицам. Мы расспросили нашего хозяина-лесника о самом крупном из них — озере Кинкони, расположенном в пятидесяти милях к юго-западу от города Махадзанга. Сам он никогда не бывал на озере, но слышал, что там водятся фламинго; еще он добавил, что в это время года там можно увидеть огромное количество птиц. Чем больше мы говорили, тем больше я рвался на Кинкони — хотелось посмотреть самому на этот птичий рай. Но мы были так заняты съемками обитателей лесов Анкарафанцики, что выкроить время для поездки никак не удавалось.

За несколько дней до запланированного отъезда в Антананариву вдруг сломалась машина. Причем поломка была серьезной. Джеф поставил диагноз: сломалась полуось. О том, чтобы пускаться на таком автомобиле в дальний путь до столицы, не могло быть и речи. Дай Бог добраться до Махадзанги и там починить «лендровер». А раз так, почему бы не прихватить лишний день и не заехать на озеро? Если окажется, что фламинго вьют гнезда, мы их снимем. Ну а если нет — в тот же вечер вернемся в Махадзангу.

Моих спутников эта идея почему-то не привела в восторг.

— Дорога скверная, — предупредил Жорж. — На карте она обозначена цифрами шесть — десять, стало

быть, движение по ней возможно только с июня по октябрь. А сейчас ноябрь.

— Но ведь это означает, что дорогой можно пользоваться в сухой сезон, а дожди еще не начались, следовательно, она в полном порядке, — не унимался я.

— Застрянем, — обреченно вздохнул Жорж. — Машина сломается, и мы проторчим там неделю. А то и больше...

Мне это показалось малодушием. Джеф тоже сомневался, что машина выдержит путешествие по плохой дороге, особенно по такой скверной, как предсказывал Жорж.

— Но такого шанса больше не будет! — продолжал я уже с кислой миной. — Если не воспользоваться им сейчас, дома мы будем горько сожалеть, что так и не добрались до Кинкони. Такая возможность... Кто знает, что мы там увидим? В любом случае надо преодолеть семьдесят миль до Махадзанги, а уж коль скоро мы будем там, что стоит сгонять пятьдесят миль до озера и пятьдесят обратно? Лишний день езды, ерунда.

В конце концов мне удалось убедить спутников, и на следующий день мы отправились в Махадзангу. Я боялся, как бы они не передумали.

Город расположился на восточном берегу изрезанной протоками дельты реки Бецибука, которая в этом месте вливает свои бурые воды в море. Наносы, принесенные ею из глубины острова, образовали здесь множество причудливо изогнутых отмелей. Большинство зданий в городе — современные железобетонные постройки, но на окраине, у причалов, в арабском квартале все еще сохранились высокие побелен-

ные дома с крохотными окошками и искусной деревянной резьбой над дверными проемами. Несколько одномачтовых доу были пришвартованы к пирсу, на котором лежали тюки *рафии*. Как сообщил нам Жорж, это единственное малагасийское слово, вошедшее в английский язык. Мы нашли гараж, где, по счастью, сыскалась полуось. «Лендровер» обещали починить к вечеру.

Мы сняли номер в гостинице на берегу моря и начали расспрашивать, как проехать к озеру Кинкони. Собеседники лишь недоуменно причмокивали и разводили руками. Никто там никогда не был. Меня это ничуть не удивило и не расстроило. Огорчила другая, более неприятная новость: паром через Бецибуку стоял на ремонте, а заменявшее его суденышко явно не могло взять на борт машину. Чтобы попасть к озеру, следовало вернуться в глубь острова, к месту, где река поуже, и переправиться на другом пароме. Соответственно маршрут удлинялся с пятидесяти до добрых двухсот миль.

— За день никак не добраться туда и обратно, — твердо сказал Жорж.

— Ну что ж, проведем ночь в Мициндзу — на карте отмечено, что там есть дом для приезжих. А на заре отправимся на озеро, — отозвался я. — Если там нет фламинго, сразу же вернемся. Вся история займет пару дней. Овчинка стоит выделки.

Мы покинули Махадзангу на рассвете и примерно час катили по отличному шоссе обратно к Анкарафанцике, а затем свернули на восток. Отсюда начиналась проселочная дорога; на ней виднелись две колеи от тележных колес, но не было и намека на

следы автомобильных протекторов. Дорога проходила через рисовые поля, спускалась по крутым склонам в русла высохших рек, взбегала на шаткие мостики, сколоченные из хрупких на вид жердей. Указание на карте о непроходимости дороги во время сезона дождей полностью соответствовало действительности: будь реки полны водой, здесь было бы не проехать. У меня была лишь одна претензия к составителям карты: зачем они вообще поместили эту дорогу? Самое большее, чего она заслуживала, это пунктирная линия.

Люди почти не встречались, за все время попалося трое крестьян, ехавших на запряженных зебу телегах. Они останавливались и долго смотрели нам вслед с нескрываемым подозрением.

На болотах мы пару раз видели тeneвых цапель; они кормились, закрывая крыльями головы. К сожалению, птицы находились довольно далеко от дороги, поэтому мы не решались остановиться и подойти ближе — впереди был долгий путь. Кстати, особенно глазеть по сторонам не приходилось: водитель неотрывно следил за дорогой, чтобы вовремя объехать крупные камни и глубокие выбоины, а пассажирам тоже приходилось держаться настороже: чуть отвлечешься, как немедленно стукнешься головой о крышу или лбом о переднее стекло.

К середине дня добрались до берега Бецибуки; в этом месте ее ширина не превышала ста метров. Паром, естественно, был пришвартован к противоположному берегу. Ни отчаянные крики, ни автомобильные гудки не смогли прервать богатырского сна перевозчиков. Жорж сказал, что на переправе работа-

ют заключенные. Видимо, заставить людей трудиться в этом Богом забытом месте можно только по приговору суда. Как бы то ни было, им полагался перерыв на полуденный сон, и мы чувствовали себя не вправе нарушать режим содержания преступников. Ничего не оставалось, как ждать...

Наконец нарушители закона проснулись и перевезли нас на другой берег. Дорога (если ее можно так назвать) стала еще хуже. Колеса то и дело увязали в песке, приходилось подкладывать под них ветки и камни. Несколько раз путь раздваивался. Вокруг ни души, куда сворачивать — неясно; мы ехали наобум и лишь минут через двадцать, увязнув в трясине или увидев впереди развалившийся мост, понимали, что ошиблись направлением. Если же непреодолимых препятствий не появлялось, чувство облегчения омрачалось подозрением, что дорога приведет нас не к Мициндзу, а к черту на кулички. Больше всего настораживало, что нигде не было даже намека на следы от колес; видимо, кроме нас, никто не считал эту дорогу проезжей. Хорошо еще, что дело происходит на острове, мелькнуло у меня. Он все-таки со всех сторон окружен водой. А то можно ехать до второго пришествия, не ведая, куда тебя занесет.

Жорж все больше мрачнел и ворчал, что эта поездка — сущее безумие. Как только на небе появлялась туча, он первым замечал ее и тут же предрекал: если польет дождь, нам придется бросить машину и возвращаться в Махадзангу пешком. Я тоже нервничал. Тот факт, что отправились мы по моей инициативе, ничуть не помогал сохранять спокойствие. Было ясно одно: мы находились уже ближе к Мициндзу, чем к

Махадзанге, и ни о каком пути назад не могло быть и речи.

В пять часов обнаружили прибитую к дереву поблекшую дощечку, на которой проступала едва различимая надпись: *«Мициндзу — 3 километра — 1 паром»*.

На карте никакой паром не значился, но мы были так счастливы, что находимся на верном пути — всего в трех километрах от конечного пункта, — что неожиданно возникшая переправа не могла огорчить.

А вскоре мы увидели паром. Он лежал на берегу реки в перевернутом виде. В его днище зияла огромная дыра. По соседству стояло несколько крытых тростником хижин, но они были заброшены. Ни единой души, никого, кто бы мог сказать, как добраться до Мициндзу. И вообще возможно ли это?.. Поразмыслив и еще раз сверившись с картой, я решил, что мы строго следовали намеченному маршруту, а раз так, милях в пятнадцати вниз по течению должен быть мост. Дорога, похоже, вела в том направлении. Мы двинулись в путь. Потерпеть неудачу, когда стол и кров уже маячили впереди, казалось до невозможности обидным. Мы ехали молча. Стало темнеть, и пришлось включить фары.

Через час показался мост — роскошное сооружение из стальных ферм. Мы смотрели на него, не веря своим глазам. По мосту шла узкоколейка, а по обоим берегам реки раскинулись плантации сахарного тростника. Видимо, мост был построен сахарной компанией для своих нужд, и мы могли лишь горячо одобрить такую инициативу. Пятьдесят метров машина катила по гладкой поверхности моста — волшебное ощущение, забытое с утра, когда машина свернула с

шоссе. В восемь вечера, после четырнадцати часов безостановочной езды, экспедиция наконец-то въехала в Мициндзу.

Селение оказалось значительно большим, чем мы предполагали. Дом для приезжих стоял в самом центре. Мы подрулили прямо к веранде и, шатаясь от усталости, поднялись по ступенькам.

Побеленную стену холла украшала огромная, немело нарисованная, но зато ярко раскрашенная карта Мадагаскара. «МИЦИНДЗУ» на ней было выписано такими крупными буквами, что его смело можно было принять за столицу. В глубине виднелась длинная стойка бара, густо уставленная разнообразнейшими напитками. Стена над баром была искусно декорирована рыболовными сетями, в которых «запутались» несколько чучел маленьких крокодилов с красными пастями, крупные раковины и высушенная морская звезда. За стойкой, освещенной парафиновой лампой, сидел с огромным бокалом в руке маленький, похожий на гнома человек в надвинутом на глаза тропическом шлеме. Несмотря на морщинистое лицо и костлявые руки, ему вряд ли было больше тридцати. Когда мы подошли, он встал и пожал нам через стойку руки.

— Савва Гвинтонис, — представился он высоким, чуть хрипловатым голосом.

Мы тоже назвались. Наливая в кружки холодное пиво, он выяснил, что двое из нас — англичане.

— Bravo, — сказал он, — я говорю англиски.

Порывшись под стойкой, он вытащил замусоленную книжечку и начал торопливо листать страницы. Найдя нужный текст, он откашлялся, осветился сча-

стливой улыбкой, набрал побольше воздуха в грудь и четко произнес:

— Приветствую вас. Надеюсь, вы совершили приятную прогулку.

К счастью, смысл фразы не дошел до Жоржа, лицо которого и так было мрачнее тучи, поэтому я вежливо поблагодарил хозяина за заботу, заметив, что, по правде говоря, день оказался не столь приятным, как нам бы хотелось. Я объяснил, что мы приехали из Махадзанги и хотим посетить озеро Кинкони.

— Кстати, вы не видели там фламинго? — осведомился я.

Савва порылся в словарице.

— Очень сожалею, но боюсь, что нет. — И после паузы добавил с вдохновением: — Тише едешь — дальше будешь.

Похоже на то... Тем не менее, проделав весь этот кошмарный путь, обидно было возвращаться в Махадзангу, даже не взглянув на озеро. Мы договорились, что оплатим счет сегодня вечером, а завтра, до зари, отправимся на озеро. Времени было мало, учитывая большой крюк, который придется сделать по пути назад.

Наутро мы вновь оказались перед классической проблемой: куда ехать? Спросить дорогу на Кинкони было не у кого. В темноте двинулись наугад по направлению, почему-то показавшемуся нам самым верным. Когда солнце поднялось, мы увидели, что едем по холмистой равнине, где росли необычного вида пальмы — с длинными, свернутыми в трубочку листьями. Озера не было и в помине. Похоже, мы заехали не туда. Жорж жаловался на плохое самочувст-

вие, поэтому, оставив его в машине, мы пошли на разведку. Я залез на самое высокое дерево и оглядел в бинокль округу. Нигде не было даже намек на серебристое мерцание, которое выдавало бы присутствие воды.

Мы побрели назад к «лендрOVER», чтобы сообщить эту невеселую новость Жоржу. Тот сидел на земле с выражением мрачного торжества на лице.

— Я говорил, не надо было ехать! — воскликнул он, тыча пальцем под машину.

Стальная рама, на которой крепится кузов, треснула посередине. Наш «лендрOVER», вконец измученный вчерашней ездой, грозил вот-вот разломиться надвое... Положение становилось не просто печальным, а по-настоящему серьезным. Попытка проделать обратный путь через глубокие русла высохших рек неизбежно приведет к полному выходу автомобиля из строя. Хотя бы кое-как добраться до дома приезжих, но и это теперь казалось проблематичным.

Включив мотор, мы двинулись назад черепашьим шагом, с превеликой осторожностью переваливая через малейший бугорок и объезжая каждую выбоину. Я лихорадочно перебирал в голове варианты возвращения в Махадзангу. Идти пешком? Но одна аппаратура тянула пятьдесят килограммов. Единственно разумным казалось следующее: один из нас добирается по короткой дороге (восемьдесят километров) до Махадзанги, переправляется на пароме и уговаривает владельца аварийного грузовика приехать в Мициндзу, чтобы починить «лендрOVER» или взять его на буксир.

Савва сидел на веранде, потягивая виски.

— Замечательный денек, не правда ли? — вежливо заметил он.

По нашим лицам он, очевидно, понял, что мы не разделяем его оптимизма. Я указал ему на треснувшее шасси.

— Черт возьми! Какая жалость! Какой кошмар! Господи Боже мой! — запричитал он, выдавая весь свой запас подходящих английских слов и надеясь их количеством компенсировать недостаток выразительности.

Владелец бара твердо заявил, что ближайшее место, где можно найти сварочный агрегат для такого серьезного ремонта, — Махадзанга. Столь же категорично он подтвердил, что автомобиль развалится по дороге. Но он не ограничился мрачным пророчеством, а подал конструктивную идею. Сахарная компания, чей мост мы проехали вчера вечером, держала собственные баржи для перевозки сахара в Махадзангу. Если мы сумеем потихонечку доползти по приличной дороге всего пять миль до «рафинадного причала», можно будет попытаться уговорить тамошних работников погрузить машину на мешки с сахаром. Но сейчас идти туда бессмысленно, добавил Савва, потому что сегодня воскресенье и начальство, которое только и может дать такое разрешение, наверняка отпраздновало пикник.

— Кстати, как вам фламинго? — закончил он.

Мы признались, что не нашли даже озера.

— Пустяки, — решительно сказал он, — съездим туда на моей машине.

Его машина оказалась стареньким джипом, без ветрового стекла, без крыльев, без крыши и еще множества деталей, но зато на ходу. Савва загрузил туда два ружья, ящик пива и канистру с бензином.

— Вперед! — вскричал он, размахивая ружьем, тем, что покрупнее. — Если на озере есть хоть один фламинго, я его поймаю и преподнесу вам!

Он ринулся на бешеной скорости в направлении, прямо противоположном тому, по которому мы выехали утром. Десять минут спустя показалось озеро.

Перед нами меж крутых берегов лежало огромное голубое зеркало. Совершенно пустое — мы не увидели на нем никаких птиц. Примерно час катили мы вдоль берега, и за это время нам встретились одна цапля, маленькая флотилия чирков, которых Савва спугнул выстрелом из ружья, четыре якана и семейство полудиких свиней, стоявших по горло в воде и с жадностью заглатывавших плавучие растения с поверхности озера. Упомяну для полноты картины трех нервных колпиц, в испуге вспорхнувших, когда мы были от них еще метрах в ста. Никаких фламинго не было и в помине, даже перышка не попало. Если фламинго и выют гнезда на Мадагаскаре, никаких признаков того, что они делают это на озере Кинкони, нет — вот, пожалуй, и все орнитологическое заключение, которое мы смогли сделать в результате этой кошмарной поездки.

На следующий день члены экспедиции отправились к сахарному заводу. Процессию возглавлял Савва на своем скелетоподобном джипе, а мы тащились следом. Начальство отнеслось к нам сочувственно.

Действительно, их баржа отправлялась на следующий день в Махадзангу, и они согласились прихватить экспедицию в полном составе вместе с «лендрровером». У нас словно гора свалилась с плеч.

— Ура-а-а! Какая необыкновенная удача! — закричал Савва, вспомнив в приливе восторга подходящую английскую фразу без помощи словаря.

Перед отплытием под передние и задние оси машины продели тросы, и кран поднял ее в воздух. Она тут же прогнулась в середине. Все, подумал я, сейчас разломится пополам. Но нет, автомобиль благополучно приземлился на палубе. У меня вырвался вздох облегчения.

Савва, стоя на пристани, махал рукой. Он что-то прокричал, но, к сожалению, его последняя, наверняка пылкая фраза, почерпнутая из разговорника, потонула в шуме двигателя. Мы плавно двинулись в сторону моря вдоль мангровых зарослей.

Путешествие прошло спокойно, волнения улеглись. Уже стемнело, когда на горизонте показались огни Махадзанги. Наконец баржа стала на якорь. Ввиду позднего времени машину решили не выгружать; сами мы добрались до берега в маленькой шлюпке. Прямо на пирсе меня начала бить дрожь, все тело покрылось испариной. В гостинице выяснилось, что у меня высоченная температура.

Три дня я провалялся в номере, а Джеф с Жоржем заботливо пичкали меня лекарствами и сообщали подробности о ходе ремонта. В тот день, когда я встал на ноги, «лендрровер» тоже был готов двинуться в путь. К трещине приварили две пластины; оставалось надеяться, что они продержатся до столицы.

Путь до Антананариву был неблизкий. Мы выехали на рассвете. Джеф сидел за рулем. Когда Махадзанга скрылась из виду, он повернулся ко мне и очень серьезно сказал:

— Знаешь, меня почему-то больше не тянет на озеро Кинкони.

Я не откликнулся.

Подумав, Джеф добавил:

— Честно говоря, я мог бы прожить до конца дней, так никогда и не повидав его.

Глава 10 ПЕСЬЕГОЛОВЫЕ

В трактатах писателей-натуралистов XVI—XVII веков встречаются красочные описания всяких чудищ. Тут и *мантикоры* — существа с телом льва, хвостом скорпиона и головой человека, и гидры, и единороги. Особое место среди них занимают *киноцефалы* — песьеголовые. Их представляли в виде прямостоящих созданий в косматом одеянии, с огромными руками и ногами, без хвоста; пропорциями тела песьеголовый напоминал человека, но морда была вытянута, как у собаки, а изо рта торчали клыки.

Марко Поло утверждал, что такие существа живут на Андаманских островах (в Бенгальском заливе, у берегов Бирмы):

«Уверяю вас, что у всех людей на этом острове собачьи головы, зубы и глаза тоже собачьи. Лицом они сходны с мастифами¹».

Знаменитый итальянский энциклопедист начала XVII века Альдрованди приводит весьма любопытную подробность из жизни этих существ. Он пишет, что, по некоторым данным, песьеголовые любят купаться, а затем валяться в пыли. Эта процедура повторяется много раз, и в результате тело киноцефала покрывается толстой «кольчугой», наделенной к тому же волшебными свойствами: выпущенные врагами стрелы не только не причиняют ему никакого вреда, но отскакивают от него, летят обратно и разят нападающих.

Как ни странно, многие невероятные истории, рассказанные первыми натуралистами, имели под собой фактическую основу, и по мере познания окружающего мира следы причудливых монстров, порожденных фантазией минувших веков, приводили к реальным животным. Факт их существования подкрепляли свидетельства очевидцев, которые делали зарисовки с натуры, а шкуры и кости животных отсылали в европейские кунсткамеры. Так, невероятное существо под названием *камелеопард* с нелепо длинной шеей превратилось в жирафа; длинный рог, якобы подтверждавший существование единорога, как выяснилось, принадлежал нарвалу, а русалку, легенды о которой оказались наиболее живучи, спутали с морской короной. Нашлось объяснение и для киноцефала — его сочли бабуином.

¹ Мастиф — английский дог. — *Примеч. пер.*

На мой взгляд, тождество киноцефала и бабуина совершенно неверно. Голова бабуина действительно напоминает собачью, но даже самый ярый мизантроп вряд ли примет его приземистое туловище за человеческое. Обезьяна ходит на четырех лапах, у нее есть хвост (длинный или короткий в зависимости от вида), да и вообще бабуин имеет мало сходства с киноцефалом со старинных рисунков, где зверь всегда изображен стоящим на длинных ногах и без всякого хвоста.

Не исключено, что легенда о киноцефале была плодом воспаленного воображения, как в случае с циклопом или безголовыми людьми — считалось, что у этих монстров глаза и рот располагались на груди. Вряд ли можно со всей определенностью назвать животное, породившее широко распространенный миф о песьеголовых.

Сведения о них не раз упоминаются в рассказах арабских мореплавателей и в европейской литературе, но первоисточник теряется во тьме веков. Фактически же наибольшее сходство со старинными рисунками имеет один из мадагаскарских лемуров. Это индри — самый крупный вид семейства индризидов, сородич сифак и единственный лемур, у которого нет длинного хвоста.

Еще до отъезда из Лондона я попытался собрать максимум информации об этом примечательном звере. Данные об анатомическом строении индри выглядели следующим образом. Рост — около одного метра, короткая голая морда черного цвета, крупные уши и огромные ручки, длина которых вшестеро превышает ширину. Хотя на первый взгляд кажется, что у него нет хвоста, на самом деле все же имеется коро-

тенький обрубок, спрятанный в густой шелковистой шерсти и, как говорилось в одном описании, «обнаруживаемый только на ощупь». Окраска у индри бывает разная: одни авторы называют их черными, другие — черно-белыми, а третьи описывают покров этих лемурув в самых красочных выражениях — черная бархатная шерсть с белыми заплатами на ягодичках, заходящими треугольником за спину, желтоватые бедра и верхние лапы.

Такова внешность. Во всем же, что касалось привычек и поведения индри, сведения оказались весьма противоречивыми. Одни источники утверждали, что зверь ведет дневной образ жизни, другие полагали, что индри, «как и все остальные лемуры», существа ночные. Мы уже успели убедиться, что большинство лемурув кормятся днем, поэтому вторую версию отбросили сразу. Сообщалось также, что индри передвигаются по лесу огромными прыжками с дерева на дерево, отталкиваясь задними лапами. Но единственный выставленный в музее экземпляр, который мне удалось найти, изображал индри висящим, словно обезьяна, на дереве и ухватившимся передней лапой за ветку. Почти во всех книгах указывалось, что лемуры питаются только растительной пищей. Согласно же некоторым данным, местные жители приручают индри и натаскивают их для охоты на птиц — согласитесь, странное занятие для существа, живущего на диете из листиков и цветочков.

Кстати, ни одно из описаний не принадлежало перу очевидца. Это было вполне понятно, поскольку индри никогда не удавалось привезти в Англию живьем. Единственная попытка доставить их в Европу бы-

ла предпринята в тридцатых годах, когда десяток лемурув этого вида отправили в Париж; все они погибли в течение месяца — вероятнее всего, оттого, что в зоопарке им не смогли обеспечить приемлемой замены тех особых листьев, к которым они привыкли.

В конце концов я все же откопал свидетельство очевидца, наблюдавшего индри в естественной среде. Оно содержится в отчете, составленном в 1782 году французом по фамилии Соннера — первым европейцем, описавшим этого лемура. Индри, по его словам, имеют черную окраску, глаза у них белые, сверкающие, а призывный крик похож на плач ребенка. «Слово «индрис», — продолжает Соннера, — на мадагаскарском наречии означает «лесной человек». Это очень ласковое животное, в южных землях острова люди берут их молодыми в дом и научают охотиться, подобно тому как мы натаскиваем собак».

Ну вот, теперь ясно, откуда пошла гулять легенда об индри-охотниках. Дело в том, что описания Соннера частенько грешат против истины. Так, приехав на Новую Гвинею собирать семена пряных растений, он преспокойно подтвердил старую легенду о райских птицах, питающихся божественным нектаром. Его утверждение о том, что индри используют для охоты на птиц, тоже, мягко говоря, сомнительно; тем не менее эту версию принимали за истину около двухсот лет. Авторы десятков книг не удосуживались проверить этот факт или найти подтверждение в другом источнике. Кстати, даже имя, которым француз назвал животное, оказалось ошибочным. На самом деле слово «индрис» вовсе не означает «лесной человек». По малагасийски индри зовут *бабакото*. Скорее всего,

проводник Соннера указал ему на странное существо, сидевшее высоко на дереве, и сказал: «Индрис», что переводится как «посмотри на это». Соннера принял слово за местное название животного и записал его. С тех пор ученые, блюдя традицию приоритетов, называют этих животных индри...

Итак, информация, которую мне удалось собрать об образе жизни индри, была скудной, к тому же факты сплошь и рядом противоречили друг другу. Зато литература изобиловала легендами и местными поверьями, связанными с этими животными. Истории были захватывающие. Автор одной книги приводил услышанный им на Мадагаскаре рассказ об опасностях, поджидающих новорожденного индри. Чувствуя приближение родов, самка спускается с дерева и ищет на земле подходящее место; самец — отец семейства — ждет счастливого события на соседнем дереве. Едва родив, самка бросает детеныша самцу, тот ловит его и кидает обратно матери. Детеныша швыряют туда-сюда несколько раз. Если он выдерживает подобный баскетбол, мать в дальнейшем заботливо печется о дитяти; если же кто-то из родителей промахнется и уронит новорожденного, что ж, значит, не судьба — поднимать его не станут.

Другая легенда призвана служить предостережением тем, кто вздумает охотиться на индри. Если выпустите в него стрелу, зверь поймает ее в полете и с жуткой силой бросит обратно, причем непременно попадет в вас. Здесь мы находим интересную параллель с рассказом Альдрованда о песьеголовых.

Все авторы сходятся, пожалуй, в одном: местные жители относятся к индри с суеверным страхом и рас-

сказывают в подкрепление своих поверий кучу легенд. Одна из них чудесным образом укладывается в современные представления зоологов о месте индри в эволюции высших млекопитающих.

По лесу бродили мужчина и женщина. Шло время, и женщина нарожала много-много детей. Они выросли. Те, кто был от природы трудолюбив, стали расчищать лес и сажать рис. Другие кормились корнями и листьями диких растений. Какое-то время спустя в первой группе начались скандалы и драки. Это были предки людей. Вторые пришли в ужас и, спрятавшись высоко на деревьях, продолжали жить в мире. Это были первые индри. Вот и получается, что люди и индри произошли от одних общих предков. Никому и в голову не придет охотиться на индри. Люди не трогают их. А индри, в свою очередь, помня о родстве с человеком, нередко помогают людям. Однажды они воем предупредили жителей деревни о приближении грабителей.

Или вот другой рассказ. Мужчина забрался на дерево, чтобы собрать дикий мед, но налетевший пчелиный рой сильно искусал его. Ничего не видя от боли, он оступился, но огромный индри подхватил его, спустил наземь, а сам исчез в лесу.

По пути на Мадагаскар мы остановились в Кении, чтобы посоветоваться с одним уважаемым английским натуралистом, который провел почти семь лет на острове. Больше всего я расспрашивал его об индри; наш собеседник считал, что шансов заснять их в лесу весьма мало. За все время пребывания на Мадагаскаре ему лишь однажды удалось мельком увидеть

этих животных, прятавшихся высоко на дереве, в густой листве. Новость сильно огорчила нас. Правда, ученый не занимался специально поисками индри; его в основном интересовали странного вида грызуны, которые считались вымершими до тех пор, пока он не отправил в Лондон собранную коллекцию представителей этого вида. Но все же тот факт, что такому проницательному и опытному наблюдателю не удалось даже как следует разглядеть индри, не обещал нашей экспедиции легкой победы.

Тем не менее мы с Джеффом решили заняться поисками этих легендарных существ, затмивших в нашем сознании всех остальных лемурув.

До сих пор мы не могли их встретить по той причине, что они обитают только в лесах на востоке Мадагаскара, на территории, ограниченной с севера бухтой Антонжиль, а с юга — впадающей в море рекой Масора.

Столь четко определенный ареал сам по себе представляет любопытное явление. Голые, безлесные холмы центрального плато образуют естественный барьер, препятствующий распространению животных в западном направлении, но почему они не живут дальше к северу и югу, не совсем понятно. Дело в том, что леса восточного побережья тянутся, практически не меняясь, длинной полосой за пределы родовой территории индри примерно на сотню миль к северу и югу. Другие лемуры, такие, как сифаки и их ночные сородичи — мохнатые индри, обитают на всем пространстве этого лесного массива. Вполне возможно, что только в центральной части растут деревья, плодами и листьями которых пита-

ются короткохвостые индри; если это так, никто еще не выяснил, что это за деревья.

Добраться до владений короткохвостых индри довольно просто — по шоссе или железной дороге, связывающей Антананариву с крупным портом восточного побережья Тумасиной; дорога идет через леса, тянущиеся вдоль полотна почти на всем протяжении. Это однопутная дорога; лишь от полустанка Перине, примерно на половине пути, на расстоянии нескольких сотен метров видна вторая колея. В этом месте поезд, идущий из столицы на восток, и встречный поезд с побережья должны разъехаться. Потом они вновь выезжают на однопутку. Иногда разъезда приходится ждать довольно долго. Для удобства пассажиров железнодорожная компания заботливо выстроила огромную гостиницу, где, как нам сказали, полно свободных номеров. Действительно, откуда в этой немыслимой глуши взяться постояльцам? Мы решили сделать Перине своей штаб-квартирой и отсюда начать поиски короткохвостых индри.

Омоложенная стараниями механиков машина на приличной скорости несла нас из столицы к Тумасине по самому лучшему шоссе на всем острове. В течение первого часа мимо пронеслись округлые холмы центрального плато. Весенние дожди уже заполнили водой рисовые поля, и крестьяне повсюду были заняты посадкой. Примерно через сорок миль дорога зигзагами спустилась по крутому склону в долину. Плато кончилось, мы въехали в лес. Еще через три часа из-за деревьев вынырнула деревушка Перине.

Деревушка была крошечной, буквально десяток домиков, прилепившихся к железной дороге. Чуть в

стороне, спрятавшись в лесу, располагались бокситовый рудник и поселок лесорубов, где временно разместилась школа по подготовке работников лесного ведомства. Из самой деревушки они не просматривались, зато было отлично видно поднимавшееся над соломенными крышами кирпичное здание гостиницы с двускатной кровлей, явно построенное с претензией на швейцарское шале. Гостиница могла вместить не меньше сотни постояльцев; когда мы приехали, просторный холл был совершенно пуст, а натертый деревянный пол отражал наши удивленные физиономии.

Звук шагов отдавался гулким эхом. Мы кашлянули пару раз, заранее прося извинения за назойливость. Ни души. В нас уже начало закрадываться беспокойство, когда в дальнем конце коридора открылась дверь и оттуда, как видение, выплыла очаровательная девушка в шикарном шелковом халате, с трудом прикрывавшем ее пышные формы. Похоже, она только что проснулась, хотя время было не раннее — почти середина дня. Тем не менее вся необходимая косметика уже была на лице. Девушка мягко пошла к нам, покачиваясь на высоких каблуках, по дороге приводя в порядок растрепавшуюся прическу.

Как мы узнали позже, Жанин не всегда работала администратором гостиницы. Всего несколько месяцев назад она была манекенщицей и владелицей модного бара в Антананариву. Она намекнула, что ей пришлось покинуть столицу из-за громкого скандала. Так она оказалась в ссылке, в роли хозяйки гостиницы Перине. Дыру эту она ненавидит и находится в

полном отчаянии. Все время, пока мы жили в гостинице, она каждый вечер под коньячок выдавала нам подробности памятного скандала, иллюстрируя рассказ фотографиями из альбома. Судя по этому досье, не покинь она столицу, могла разразиться вселенская катастрофа.

Но все это мы узнали не сразу. В первый момент Жанин была слишком сонной для деловой беседы, и мы с трудом разъяснили ей, что не собираемся ехать сегодня ни в Антананариву, ни в Тумасину, а совсем наоборот, надеемся получить в ее отеле две комнаты и пробыть здесь — совершенно по доброй воле — недели две.

Наконец она нас поняла, мы выгрузили багаж и отправились к начальнику местного отделения лесного ведомства, который жил в доме неподалеку от школы. Это был пожилой человек с рябым лицом и коротко подстриженными на армейский манер волосами. Разговор получился не очень вразумительный, главным образом, потому, что его зубной протез был в починке у дантиста, и я не совсем понимал, что он говорит. С грехом пополам я уразумел, что он не совсем здоров и не сможет сам показать нам места, где обитают короткохвостые индри. Он порекомендовал обратиться к своему заместителю Мишелю, местному уроженцу, прекрасно знакомому с округой. О лучшем гиде нельзя было и мечтать. Правда, Мишеля на месте не оказалось: он отвечал за разведение рыб тилапий в искусственных озерах, созданных в полумиле от Перине.

Мы застали Мишеля за работой: он наблюдал за откачкой воды из запруды. Это оказался молодой, ве-

сельный человек в тропическом шлеме огромного размера, делавшем его похожим издали на гриб. Да, сказал он, бабакото здесь водятся, ему частенько доводилось слышать их пение, доносившееся из соседнего леса. Если мы хотим, можно прямо сейчас пойти и поискать их.

Мишель предоставил воде самой выливаться из пруда и повел нас по глинистому проселку к ближайшему лесу. Несколько месяцев назад бригада рабочих сделала просеку, чтобы начать вывозить из зарослей ценную древесину, но рубка еще не началась, и лес стоял нетронутый.

Под пологом леса было темно, словно неожиданно упали сумерки. Столь же мрачно стало и на душе у нас с Джефом: в таком месте нечего даже пытаться вести съемки. Тут сам черт сломит ногу. Неудивительно, что натуралисты так редко видели короткохвостых индри: до сих пор нам не доводилось бывать в столь непроглядной чащобе. Высокие кроны смыкались над головой, под этой крышей раскачивались, потрескивая, стволы бамбуков, махали гигантскими листьями склоненные папоротники, веером расходились ветви пальм. Растительность заполняла все пространство, так что хилые побеги внизу с невероятным трудом пробивались к свету. Орхидеи свисали с торчащих подобно стропилам сучьев и плющом обвивали стволы. Хитросплетения превращали лес в спутанный клубок. Да, для киносъемок место было самое неподходящее: зеленая крыша не пропускала свет, а сквозь завесу густой листвы ничего нельзя было различить на расстоянии пяти метров. Тут не заметишь и слона. Рассчитывать можно было только на удачу.

Самое обидное заключалось в том, что лес изобилдовал живностью. Из ручейка, струившегося между поросшими мхом камнями, доносилось громкое кваканье лягушек. Над подернутым ряской глубоким озерцом сновали желтоголовые птицы, строившие из перышек пальмовых листьев похожие на реторты гнезда. Высоко на деревьях пронзительно чирикали нектарницы, перепрыгивая с цветка на цветок. Среди многоголосия птичьего хора мы узнавали уже знакомые голоса, слышанные в других уголках Мадагаскара. Рядом с нами призывно свистели и ворковали невидимые дронго, белоглазки, славки, попугаи и голуби. Я остановился, пытаюсь уловить что-то в этом вавилонском смешении языков, как вдруг птичье пение потонуло в душераздирающем вое, от которого по коже пробежал мороз.

— Бабакото, — торжественно изрек Мишель.

Крик был оглушительный. Соннера был прав, сравнив его с детским плачем, но я никак не ожидал, что звук окажется столь пронзительным. Пожалуй, целое ясельное отделение из самых горластых детей не смогло бы исторгнуть и десятой доли подобного вопля. Несколько особей затеяли, по всей видимости, хоровую спевку, причем каждая норовила перекричать соседа, проходясь по всей гамме режущими слух вокализациями.

Судя по силе звука, животные находились совсем рядом, буквально в нескольких метрах. Мы отчаянно пытались разглядеть их сквозь частокол деревьев и густоту листвы, но увидеть не удавалось ровным счетом ничего. Хотя бы мелькнул крохотный кусочек черной шерсти, сверкнул глаз, качнулась ветка или затряс-

лись листья. Нет, ни малейшее движение не выдавало их присутствия. Вой прекратился так же неожиданно, как и начался. Словно в концертном зале, когда между частями симфонии поднимается шумок, вновь слышались голоса сверчков, лягушек, мухоловок и попугаев. Звуки были слабенькие по сравнению с только что оборвавшимся оглушительным воем.

Мы были в восторге. Теперь уже не оставалось сомнений, что короткохвостые индри действительно живут здесь. Мишель сделал кое-какие уточнения, еще более нас подбодрившие.

— Они всегда поют в одно и то же время, — сказал он на обратном пути к запрудам. — У них привычка являться каждый день на то же место в один и тот же час. Завтра они будут здесь. Приходите пораньше и приносите камеру. Возможно, вам повезет и вы увидите их. Если они не станут петь, попробуйте повить голосом индри — они частенько откликаются на зов.

Предложение казалось вполне разумным, и мы в радостном возбуждении вернулись в гостиницу. В тот вечер, потягивая коньяк в огромном, как сарай, ресторане гостиницы, мы наперебой рассказывали Жаннин о своей удаче. Она рассеянно улыбалась и быстро перевела разговор на волнующую ее тему о скандале в Антананариву, сдабривая запутанный рассказ смачными деталями, а под конец забросала нас вопросами о последних новинках парижской моды.

На следующее утро по совету Мишеля мы отправились в лес по той же дороге, захватив с собой аппаратуру. Но ни увидеть, ни услышать индри не удалось. Мы надрывались во всю силу легких, имитируя призывный вой, но в ответ не раздалось ни звука. Попыт-

ка обследовать ближайшие участки леса тоже не увенчалась успехом. Уже через пять минут мы убедились в полной бесперспективности поисков: кустарники росли слишком густо, и при нашем движении поднимался такой шум и треск, что пугливые индри должны были удрать без оглядки. Ничего не оставалось, как заpastись терпением и проявить упорство. День за днем мы возвращались на это место. Снова и снова после двух-трех часов ожидания мы драли горло, издавая фальшивые крики индри. Мы уже знали каждую птичку в округе, но наша главная «добыча» и не думала появляться...

Так продолжалось шесть дней. На седьмой мы начали терять терпение. Битых три часа мы просидели не шевелясь. Я уже собирался завывать, когда Джеф тронул меня за руку.

— Вон там на дереве, — прошептал он, — прячется самка бабакото. Она держит на коленях детеныша и говорит ему: «Посмотри на этих двух зверей. Странная у них привычка — приходят каждый день в одно и то же место в один и тот же час. Сядут и поют. Сейчас услышишь».

Так оборвалась моя карьера певца в стиле «индри».

Глава 11 ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Откровенно говоря, надежда на то, что мы когда-нибудь увидим короткохвостого индри, была слаба. Мишель утверждал, что они верны своим привычкам, но нам так и не удалось больше услышать вблизи их нежный зов. С маниакальным упорством ежедневно тащили мы в лес мимо кишаших рыбой прудов магнитофон, камеру, треногу и кофр с объективами. Пусто. Возможно, индри по чистой случайности затянули свою песню в том месте или по ошибке забрели туда. Скорее же всего, наши ежедневные визиты напугали их и вынудили подыскать другой уголок для сна и кормления. Пожалуй, и нам было не грех последовать их примеру.

Сравнительно недалеко лесорубы проложили в чаще еще одну просеку. Она показалась нам соблазнительной. И действительно, уже первый поход принес маленький успех. Меня почему-то привлекло упавшее дерево — возможно, потому, что оно было освещено ярким солнечным лучом, прорвавшимся сквозь дыру в кроне. Я раздвинул влажный куст, внимательно посмотрел, куда бы поставить ногу, и увидел, что едва не наступил на скопление блестящих коричневато-зеленых существ размером с мяч для гольфа. Их было штук двести, не меньше.

Когда я поднял один шарик, продольная щель вдоль туловища раскрылась, и оттуда вылезло двадцать пар отчаянно барахтающихся ножек. Существо распрямилось, выставило вперед шишковатые усики и уверенно двинулось по руке. Оно напоминало увеличенную во много раз мокрицу, хорошо знакомую всякому, кто хоть раз бывал в английских садах; там они живут под камнями. На самом деле сходство было обманчивым: эти существа принадлежали не к семейству мокриц, а к удивительной разновидности многоножек, также не встречающихся нигде, помимо Мадагаскара. Зачем они собрались в таком количестве, было непонятно. Зато я точно знал, что они украсят инсектарий Лондонского зоопарка. Мы набили ими карманы и доставили в гостиницу около сотни трофеев.

Жанин пришла в ужас. Я попытался уверить ее, что многоножки совершенно безвредные существа, питающиеся исключительно подгнившими растениями, но, когда я выложил одну на стол и она засемила по нему всеми своими многочисленными ножками, Жанин завопила и пулей выскочила вон.

Мы поместили коллекцию в большой, закрытый проволочной сеткой ящик, наполнив его влажным мхом и гниющей древесной массой. Было решено, что самым безопасным местом для питомцев будет угол в моей комнате. Я думал, что многоножки окажутся мирными ночными компаньонами. Но как только я погасил свет и приготовился спать, они пробудились и начали энергично возиться, барабанить лапками по сетке, царапать шершавые стенки ящика и громко чавкать, пережевывая кусочки дерева. Производимый ими гам действовал на нервы, но мне лень было встать и вынести ящик наружу. Поэтому я засунул голову под подушку и с трудом умудрился заснуть.

Проснувшись, я со всей очевидностью понял, что недооценил многоножек. Это были настоящие чемпионы по преодолению препятствий: мелкая сетка оказалась для них сущим пустяком. Штук тридцать — сорок спали на полу в комнате, свернувшись клубочком; они выглядели точно как блестящие стеклянные шарики. Открыв дверь, я увидел примерно столько же шариков по всему коридору и явственно представил реакцию Жанин. К счастью, было очень рано, горничная еще не пришла, а сама Жанин оставалась верна привычкам «доскандального» периода: кофе в постель ей подавали около одиннадцати часов. Я быстренько собрал своих друзей и водворил их на место. Никто так и не узнал, что они ночью бродили по гостинице.

Следующую ночь они уже провели в «лендровере», причем мы подобрали ящик с сеткой вдвое толще предыдущей. Я не решился признаться Жанин в том, что произошло, но день спустя горничные стали находить многоножек в бельевом шкафу, в кладовке и в

ванных комнатах. Все, решил я, теперь она вычислит, откуда взялись эти твари. Однако беспокойство оказалось напрасным. Жанин восприняла это ужасное вторжение как еще одно свидетельство того, что жизнь вдали от столицы отвратительна, груба и примитивна.

Многоножки были не единственным нашим приобретением. Спустя несколько дней к гостинице подрулил на своей элегантной машине начальник отделения лесного ведомства. Он направлялся на совещание в соседний город и по дороге увидел крестьянина, который нес только что пойманного тенрека. Вспомнив о нас, шеф купил его за несколько франков и, поскольку у него не было ни клетки, ни мешка, посадил зверя в багажник. Это был не обыкновенный, похожий на ежика тенрек, а настоящий тандрака — бесхвостый тенрек, крупное пушистое создание размером с кролика. Он добавил, что зверек попался очень шустрый и на удивление свирепый. Мы с почтением разглядывали заднюю часть машины. Путешествие в багажнике вряд ли пришлось тандраке по нраву, и он явно точил зуб на своих порабитителей. Так что извлекать его придется со всеми предосторожностями.

Мы надели перчатки, приготовили три мешка, пустую клетку и только после этого кивнули начальнику. Тот отомкнул багажник и чуть-чуть приоткрыл крышку. Я заглянул внутрь, но там было слишком темно. Пришлось еще приподнять крышку. Щель стала побольше, но я все равно ничего не увидел. Наш друг сказал, что действовать надо быстро и решительно. Он резко откинул крышку багажника. Мы рванулись вперед. Но хватать было некого. Мы начали осторожно

вытаскивать содержимое — мешок с инструментами, домкрат и запасное колесо. Начальник был озадачен: багажник оказался пуст. Куда же мог деться пленник?

Тут мы услышали, что кто-то скребется внутри ходовой части на днище. Да, никаких сомнений: бедный тенрек забрался в самое нутро машины. Дело принимало нешуточный оборот.

К этому времени вокруг нас уже собралась толпа любопытных, жаждавших помочь. Я предложил отвинтить внутреннюю обшивку салона, это был единственный способ извлечь зверька из металлического заточения. Невидимый тенрек призывно грохотал в своей пещере, но точно определить, где он засел, было очень трудно. Двое мужчин, вооружившись отвертками, принялись за дело. Минут через двадцать стало ясно, что снять обшивку не удастся: в ряде мест она была приклепана. Добровольцы с энтузиазмом готовились отвинчивать дверь. Их лица лучились тем же восторгом, какой бывает у детей, получивших возможность разломать на части игрушку. Но поскольку это вряд ли бы привело к освобождению несчастного тенрека, владелец запротестовал и положил конец захватывающему расчленению машины. Еще он добавил, что все это ему порядком надоело, пусть себе тенрек сидит там, куда забрался, а ему пора на совещание.

Я заметил, что такое решение ошибочно. Действительно, извлечь тенрека из ходовой части можно было только разрезав машину на куски с помощью ацетиленовой горелки. С другой стороны, если оставить зверька на днище, он через час езды неминуемо задохнется. После этого по меньшей мере неделю автомобилем нельзя будет пользоваться из-за трупного

запаха. Гораздо разумнее закрыть багажник, оставить машину и пойти в гостиницу выпить кофе. Если зверька не трогать, он скорее всего сам выберется из неудобного убежища и вернется в более комфортабельное место, в конце концов, должен же быть какой-то окольный путь в багажник, иначе он не смог бы оттуда выбраться.

Наш друг счел аргументы разумными и согласился, хотя был явно недоволен тем, что его планы нарушены.

Два часа спустя мы снова осторожно открыли багажник. Тенрек спокойно сидел в глубине отделения и мылся как ни в чем не бывало. Он был размером с крупную морскую свинку, с нелепо длинным острым носом, огромными усищами, глазами-бусинками и непропорционально большой задней частью туловища, резко обрывающейся под прямым углом. Мы дружно набросились на него, и через несколько секунд зверек уже сидел в клетке. Сначала он долго пил из мисочки, а затем деловито принялся за свежее, мелко нарубленное мясо, которое я с молчаливого согласия повара стащил на кухне (Жанин этого не видела).

У нас в коллекции уже были колючие тенреки, пойманные на озере Ихотри. Они дожидались нашего возвращения в Антананаривском зоопарке, где их любезно приютили на время. Но мы были очень довольны, что удалось заполучить еще один вид. Первые зверьки внешне ничем не отличались от обыкновенных миниатюрных ежиков, а новый экземпляр был совершенно оригинален. Честно говоря, вид у него был довольно невзрачный, зато ни на кого не похож — а что еще нужно коллекционеру! Теперь хорошо бы найти ему пару.

Дело в том, что тандраки имеют примечательную особенность: они производят в один помет больше детенышей, чем любое другое млекопитающее. Обычный приплод у них за один раз — пятнадцать детей; описан случай появления двадцати четырех детенышей, а у одной погибшей беременной самки при вскрытии обнаружили в чреве тридцать два эмбриона.

Для местных жителей основным достоинством тандрок является вкусное мясо. На этих животных охотятся с собаками, как правило, в апреле — мае, когда наступает малагасийская зима и тандраки готовятся залечь в спячку. К этому времени они накапливают солидный запас жира — становятся почти круглыми. Тандрок даже завезли на соседние острова — Реюньон и Маврикий, где они быстро размножились на воле и стали постоянным источником первосортного мяса.

Когда мы расспрашивали жителей Перине о тандраках, они качали головой и говорили, что зверьки сейчас в спячке в глубоких норах и достать их практически невозможно. Наш экземпляр, по-видимому, проснулся раньше времени. Мы боялись, что все происшедшее вызовет у него шок после долгих месяцев неподвижности. Судите сами: вас ловят, потом суют в какое-то металлическое сооружение, полное непонятных дыр, откуда несет горячей вонью, наконец, набрасываются, бесцеремонно хватают и запирают в клетку. По счастью, зверек вел себя как ни в чем не бывало. Когда после всех перипетий мы привезли его в Лондон и передали в зоопарк, он успел у нас сильно вырасти и потолстеть, но так и не потерял страстивтискивать свое пузатое тело в малейшую дырку.

В лесу вокруг Перине водилось много пресмыкающихся. Мы отобрали для коллекции трех потрясающих хамелеонов — полуметровых гигантов с ядовитозеленым туловищем, рыже-красными глазами и двумя рожками на морде. Интересно, что, несмотря на яркую окраску, увидеть их очень трудно и когда они семячат между кустарниками, и когда стоят как вкопанные на ветке. Такой каменной неподвижности могут добиться, пожалуй, только рептилии. И все же по сравнению с плоскохвостыми гекконами *Uroplatus* хамелеонов можно назвать очень приметными. Из всех ящериц этот геккон интересовал меня больше всего.

Мы знали, что обитают они преимущественно в лесах на восточном побережье острова. Когда геккон сидит на дереве, он буквально сливается со стволом, и найти его практически невозможно. На их поиски надо отправляться с кем-нибудь из местных жителей, лучше всего с ребятами: глаза у них гораздо зорче, чем у выросших в городе чужестранцев. Но когда я стал объяснять, за каким животным приглашаю отправиться в лес, даже самые отзывчивые крестьяне, те, что обычно охотно вызывались помочь, напрочь отказывались нас сопровождать. Они говорили, что связываться с таким свирепым зверем — чистое безумие. Нет, им жизнь еще не надоела. Выяснилось, что за гекконом водится пренеприятнейшая привычка: в раздраженном состоянии он может прыгнуть человеку на грудь и вцепиться в нее с такой силой, что его приходится отдирать бритвой. Но это цветочки. Тот, кто дотронется до ящерицы, непременно умрет в течение года, если только не вырежет ножом заражен-

ную часть тела и не выпустит вместе с кровью дьявольский дух.

Даже Мишель, несмотря на свою научную подготовку в лесном ведомстве, относился к этим историям с известным вниманием. Он, конечно, посмеивался над суевериями крестьян и соглашался, что плоскохвостый геккон — вполне безобидная маленькая ящерица, но он лично не берется поймать ее, потому что в таких делах надо держать ухо остро и глупо идти на бессмысленный риск.

Пришлось отправиться на поиски самостоятельно. Мы шли по лесу, ударяя кулаком по каждому стволу в надежде спугнуть геккона и заставить его шевельнуться, тем самым выдав свое присутствие. Но все без толку.

Лишь на третий день упорной колотьбы по деревьям мы наткнулись на одно из этих неуловимых существ. Ящерица сидела прилепившись к коре головой вниз. Мы прошли в метре от нее, и, не дерни она головой при стуке, я бы ни за что в жизни не увидел ее, такой потрясающей была ее маскировка¹. Я протянул руку. Геккон, рассчитывая остаться незамеченным, не шелохнулся. Взяв драгоценную добычу за шею большим и указательным пальцами, я осторожно отлепил его от дерева.

Длина ящерицы была около пятнадцати сантиметров. Серое пятнистое тело практически не отличалось по цвету от коры, на которой мы ее нашли, а глаза, предательски блестящие у многих животных, были

¹ Плоскохвостый геккон меняет окраску: с желтовато-бурой или синевато-серой без пятен днем на темно-бурую с пятнами ночью. — *Примеч. ред.*

замаскированы кожными складками, они почти полностью закрывали глазные яблоки, оставляя лишь тоненькую щелку.

И все же эти особенности сами по себе не могут полностью обеспечить «невидимость». Военные, специалисты по маскировке, хорошо знают, что любой объект, отбрасывающий тень, будет легко обнаружен с воздуха. Они разрешили эту проблему с помощью сетки: верхнюю часть ее прикрепляют к крыше склада боеприпасов или промышленного объекта, а нижнюю прибивают колышками к земле, так что строение как бы лишается вертикальных стен, а значит, не отбрасывает тени и сверху выглядит обычным бугром. Аналогичное приспособление есть и у плоскохвостого геккона. Вокруг подбородка у него висит неровная кожная складка, тянущаяся в виде бахромы вдоль всего туловища; точно так же окаймлен длинный хвост. Когда геккон плотно прижимается к коре дерева, нижняя часть этих «мембран» расплывается по коре, и животное превращается в незаметную припухлость на шероховатой поверхности ствола.

Существует несколько видов, относящихся к роду *Uroplatus*. Позднее мы нашли другой вид, раза в три длиннее первого, с невероятно тоненькими ножками и совершенно удивительными глазами: зрачки имели рифленую поверхность, напоминающую хлоритовый сланец. У данного вида тоже были бахромки и оборки, обеспечивающие этим странным созданиям совершенную маскировку.

Жители деревни приходили в ужас от нашего безрассудства. К счастью, с гекконами все обошлось бла-

гополучно. Я опасался, что жители будут протестовать, когда мы начнем ловить удавов: ведь многие малагасийские племена верят, что души их предков воплотились в змей.

Истоки суеверия понять нетрудно. Во время церемонии возвращения мертвых люди видят могильных червей. Нередко в сыром мраке погребальных камер находят и удавов. Логично предположить, что в них они видят «взрослых» червей, в которых воплотились души усопших.

Это поверье особенно живуче среди бецилеу — народа, населяющего южную часть центрального плато. Там, если удав оказывается вблизи деревни, его встречают с благоговением. Люди собираются вокруг змеи и пытаются отыскать какую-нибудь приметку, по которой можно было бы определить человека, чей дух воплотился в удава. Особую медлительность змеи, шрам или бородавку на ее туловище или на голове деревенские жители воспринимают как ключ к разгадке и связывают приметку с кем-либо из умерших родственников, имевших такую же особенность.

Они задают удаву вопросы, называя его именем человека, душа которого живет теперь в нем. Если змея покачивает головой из стороны в сторону (как они часто делают), члены племени считают это подтверждением своей догадки и с почтением несут ее в дом, где она жила раньше в человеческом обличье. Там ее потчуют медом и молоком. Иногда приносят в жертву курицу и дают змее попробовать теплой крови. Затем старейшина деревни произносит речь, приветствуя возвращение духа домой. Он говорит, что все необыкновенно рады ему, и это чистая правда.

В одних деревнях заботливые потомки сооружают специальные клетки, куда помещают змей, которых они считают своими родителями и прародителями, в других — змей с почтением провожают обратно в лес.

Для натуралистов эти поверья могут оказаться серьезным осложнением в их работе. Увозя с собой священные создания, предварительно бесцеремонно запихнув их в мешок, мы рисковали глубоко оскорбить чувства людей. Из осторожных расспросов выяснилось, что жители Перине не воспринимают удавов как воплощение своих предков. Далее мы узнали, что они считают их почти такими же вредными и злобными существами, как гекконов *Uroplatus*; крестьяне наотрез отказывались иметь какое-либо дело с этими тварями, не говоря уже о том, чтобы помогать нам ловить их.

К счастью, мы не нуждались ни в чьей помощи, поскольку удавов здесь было множество, а поймать их не составляло особого труда. Одну змею мы нашли под кучей бревен недалеко от рыбных заводов Мишеля, на двух других едва не наступили, бредя по болотистому участку леса. Они лежали свернувшись в кольца, медленно раздувавшиеся при дыхании. Удавы были такие сытые, такие медлительные, что нам не составило никакого труда схватить их за шею и бросить в мешок.

Удавы, как известно, не ядовитые змеи, они обвиваются вокруг жертвы и душат ее. В этом отношении они похожи на африканских питонов, хотя на самом деле являются родственниками боа Южной Америки, — еще одна странность мадагаскарской фауны.

Анатомические различия удавов и питонов не столь уж велики. Обе группы являются примитивными членами змеино-го племени, у которых не развиты ядовитые зубы и имеются рудиментарные задние конечности в том месте, где когда-то были тазовые кости. Если сравнить скелеты удава и питона, то отличить их будет трудно даже специалисту. Основное различие состоит в том, что у питона в черепе имеется маленькая кость, которой нет у удава. Тем не менее между этими двумя группами существует очень важное различие: все питоны откладывают яйца, а все боа рожают живых детенышей. Видимо, стремясь продемонстрировать свою принадлежность к удавам, пойманная нами у запруды самка родила четырех очаровательных коричнево-желтых детенышей вскоре после того, как мы привезли ее в Лондон.

Теперь мой номер в гостинице был неплохо укомплектован. Хамелеоны тарасили друг на друга глаза на карнизе для штор, плоскохвостый геккон висел вниз головой на кусочке коры в высокой клетке по соседству с клеткой тенрека, многоножки дремали днем в большом ящике в одном углу, а удавы медленно шевелились в своем мешке — в другом. Лемуры не было и не могло быть: их охранял закон. Но в лесу они нам попадались часто. Здесь были бурые лемуры, похожие на тех, что мы видели на манговом дереве возле Анкарафанцики; сифаки, которых в этих краях называют *симпона*, и кроткие лемуры. Последний вид, совершенно обворожительный, был для нас новым.

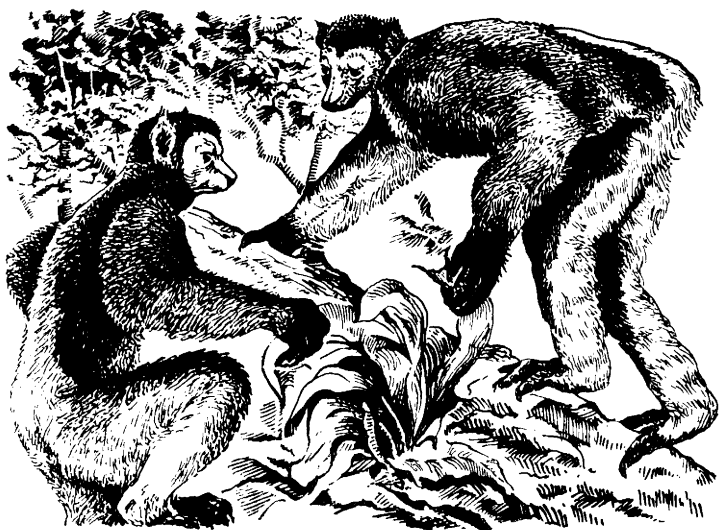
Однажды утром, гуляя по лесу, я буквально столкнулся с этим зверьком лицом к лицу. Он сидел в метре

от земли на провисшей лиане, крепко вцепившись в нее передними лапами. Это было маленькое серое пушистое существо размером с обезьянку, с плоским лицом, коричневой шапочкой и длинным хвостом. Лемур с ужасом уставился на меня, широко раскрыв глаза. Мне показалось, я почти слышал, как он говорил про себя: «Боже мой, Боже мой!» Примерно секунд тридцать зверек не двигался, а затем попытался удрать.

Но кроткие лемуры не способны быстро бегать, и самое большое, на что его хватило, — это в панике засеменить по земле. Он ушел, укоризненно оглядываясь на меня через плечо. Я стоял неподвижно, пока он не исчез. Надеюсь, он запомнил меня и передал сородичам, что я совершенно безвредная тварь...

Эти леса были самыми густонаселенными из всех, что нам довелось видеть на Мадагаскаре. Каждый день мы находили нечто удивительное: жуков, мотыльков, змей, маленьких ящериц, черных попугаев, мухоловок, причудливых лягушек. И только одно животное явно избегало нас. Индри. Пока мы так и не нашли его.

Глава 12 БАБАКОТО

Мы отправлялись в лес рано, в пять утра. В это время солнце, едва встав, еще не успевало выпить росу. В течение короткой «пересменки» можно было встретить множество животных. Маленькие кроткие лемуры, кормящиеся ночью, доедали бамбуковые побеги и, словно серые гномики, деловито возвращались в дупла деревьев; там они будут дремать весь день, прячась от жгучего солнца. Пробудившиеся на рассвете бурые лемуры слонялись по веткам, готовясь отправиться на завтрак к манговым деревьям. На редких полянках шевелили колючими хвостами ящерицы, согревая холодную кровь в первых лучах солнца. Повсюду — высоко в кронах и среди кустарников —

заливались птицы, приветствуя многоголосым хором наступление нового дня.

Но неискушенный визитер не увидит ничего из этого великолепия. Предупрежденные шумом и треском о его приближении, птицы улетят или замолкнут, возобновив пение после того, как он пройдет. Звери затаятся. Случайный гость попадет в оазис безмолвия, и лес представится ему совершенно пустым, безжизненным. Он решит, что здесь никого нет, за исключением невидимых насекомых, пронзительно стрекочущих вне зависимости от того, что происходит вокруг.

Мы стремились, чтобы наши визиты не превращались в грубое вторжение, а для этого следовало научиться двигаться бесшумно. Задача оказалась не простой. Поначалу, когда мы продирались сквозь заросли, у нас под ногами петардами выстреливали сухие сучья, штатив застревал в лианах, а колючки и вьющиеся стебли цеплялись за одежду. Когда мы их неловко отдирали, они так шуршали, что звук разносился до самых верхушек деревьев, телеграфируя всей округе о нашем приближении. Но дни шли за днями, лесной маршрут становился все более знакомым. Мы уже знали, куда ступить, чтобы не плюхнуться с шумом в грязь, научились обходить стороной огромный поваленный ствол, вокруг которого все пространство было усыпано сухими, ломкими листьями. Не довольствуясь пассивными мерами, мы «благоустроили» тропу: обрубили некоторые ветки и лианы, так что в результате уже почти бесшумно проходили сквозь самые плотные заросли.

Узнав, что мы отправляемся на Мадагаскар, один знакомый орнитолог попросил записать на пленку песню малагасийской сорочьей славки. Он говорил, что ее сладостному, чарующему пению нет равного во всем пернатом мире. Отыскать эту маленькую бархатисто-черную птичку с белоснежными пятнышками на крыльях и мерцающими белыми перьями на хвостике было довольно трудно. Она очень застенчивая и не бросается в глаза. Славка обитает в низких кустарниках и редко покидает насиженные места. Ее песня и вправду оказалась дивно звенящей трелью с нежной мелодией. Когда мы научились распознавать голос славки, то с удивлением констатировали, что их здесь очень много: веселые переливы доносились из разных уголков леса.

Однажды на заре мы сделали первую попытку записать пение славок. С собой у нас был специальный параболический рефлектор — алюминиевая тарелка более полуметра в поперечнике, — действующий наподобие звукового прожектора; в центре его помещался чувствительный микрофон. Рефлектор фокусирует звук, и его удается улавливать на далеком расстоянии, одновременно отделяя от посторонних лесных шумов. Для записи мы выбрали одного солиста. Это был самец, самый смелый из всей компании, он заливался в кустарнике неподалеку от протоптанной нами тропинки, так что не надо было забираться в чашу.

Когда мы подошли к знакомому месту, он уже оглашал лес звонкой колоратурой. Я быстро вставил микрофонный шнур в магнитофон и аккуратно направил рефлектор в сторону кустарника. Ничем не

потревоженная птичка безмятежно продолжала выводить тончайшие серебряные трели. Стрелка уровня звука слегка подрагивала в такт, бобины крутились, все шло почти как в студии. Идиллическая картина продолжалась минут пять. И вдруг чашу огласил леденящий душу вой, настолько громкий, что стрелку отбросило за край шкалы и она в испуге забарабанила по стенке прибора. Это были индри! Они вопили громче, чем в первый раз, а значит, были где-то совсем близко.

Джеф судорожно схватил камеру. Я быстро уменьшил громкость, опасаясь, как бы не испортился прибор, и принялся разглядывать в бинокль соседние деревья. Где же они? Невидимые крикуны, а их было несколько, продолжали голосить с той же силой, но, сколько мы ни пялили глаза, не могли уловить ничего. Неужто нам опять суждено остаться в дураках? Во второй раз это казалось вдвойне обидно. Я двинулся по «безопасной» тропе, еле сдерживая волнение и стараясь идти на цыпочках, что, впрочем, не очень удавалось. Лес содрогался от воплей, но ничем не выдавал присутствия индри. Честное слово, это был заговор природы! У меня непроизвольно сжимались кулаки.

Крики прекратились. И тут же высокое дерево метрах в десяти от меня чуть покачнулось и в воздухе мелькнуло бесформенное тело. Индри ушли. Мы снова остались с носом.

— Ну что ж, — вздохнул Джеф, когда мы в полном унынии брели обратно, — теперь у нас есть хотя бы запись их голоса. Если кто-то усомнится в существо-

вании индри, можно будет дать прослушать их крики и сказать, что однажды мы были от них в двух шагах.

Действительно, запись осталась... Меня вдруг осенило: а ведь ее можно использовать! Орнитологи часто находят нужных птиц с помощью этого нехитрого приема.

Дело в том, что самцы своим пением привлекают подружек и одновременно заявляют права на некую территорию. Если воспроизвести птичий зов, на голос могут прилететь самки — взглянуть на кавалера — и самцы, чтобы изгнать непрошеного гостя со своей территории. Такой прием срабатывает не только с птицами. Несколько лет назад мне удалось подобным способом завлечь к кинокамере огромную квакающую жабу. Теперь у нас была запись голоса индри. Может, они тоже откликнутся на магнитофонный призыв?

Не могу сказать, что я сильно рассчитывал на успех. Звук, воспроизводимый нашим работающим на батарейках магнитофоном, был таким слабым и жалким по сравнению с настоящим криком индри, что в лучшем случае его можно было принять за пение далеких соседей. Но мы уже исчерпали все свои возможности, другого выбора не было.

Несколько дней мы терпеливо проигрывали запись в разных местах леса. Безрезультатно. Однажды ранним утром я поставил магнитофон на тропу, по которой мы ходили каждый день. Участок показался мне очень подходящим: отсюда начиналась глубокая лощина. На дне ее торчало несколько тонких деревьев, зато вся она густо поросла низким кустарником с широкими стреловидными листьями. В дальнем кон-

це журчал извилистый ручеек, а за ним снова высокой стеной поднимался лес. Таким образом, перед нами открывался хорошо просматриваемый амфитеатр — лучшего места для наблюдений не придумаешь.

Джеф установил камеру, навинтив на нее самый мощный объектив. Когда он закончил приготовления, я включил магнитофон. Минуты две-три механический голос индри слабым эхом разносился среди безмолвных деревьев. Я уже решил сворачивать хозяйство и идти в другое место, как вдруг звук магнитофона потонул в громоподобном протяжном вое. Он никак не напоминал крик индри, я даже не мог представить, кто способен так вопить.

И тут на дереве в центре лощины я увидел одного из певцов — это был крупный пушистый черно-белый лемур. Он сидел на ветке метрах в десяти над землей. Передние лапы, грудь и задние лапы ниже колен у него были белые, на плечи, казалось, была накинута черная пелерина, на голове надета белоснежная шапочка.

Я обомлел. Это не мог быть индри. Мы видели шкуры этих лемуров в Антананаривском институте — они были совершенно черными, только на ягодицах виднелись белые треугольные заплатки, тоненькой полоской переходившие на спину. К тому же вопль был совсем не похож на тот, что мы слышали раньше с Мишелем.

— Ложная тревога. Это лемур вари, — с пренебрежением сказал я Джефу. — Мы легко снимем его в столичном зоопарке. Самым крупным планом, каким пожелаем.

Но Джеф уже включил камеру, и я не стал прерывать съемок. Во-первых, зверь был сказочно красив, а во-вторых, кадры, полученные в естественной среде, гораздо интереснее сделанных в зоопарке. К тому же мы расположились в идеальном месте — на крутом обрыве, оказавшись почти на одном уровне с лемуром; дерево, на котором он сидел, отстояло от нас в двадцати метрах.

Магнитофон продолжал воспроизводить вопли индри. Зверь возмущенно уставился на нас большими желтыми глазами. Он с раздражением заулюлюкал. Слева из-за деревьев донесся ответный рев. Повернувшись, я увидел еще двух лемуров. Они сидели вытянув шеи и недоуменно разглядывали нас. Первый лемур поднял лапу и подтянулся на ветку повыше. Я отметил про себя, что двигается он иначе, чем его собратья, например кошачий или бурый лемуры, ходящие на четырех лапах. Странно, ведь лемуры вари чрезвычайно сходны с ними. Почему же этот ведет себя не по правилам? Мне показалось, что движениями он скорее напоминает сифаку.

Лемур устроился поудобнее на ветке.

Я удивленно заморгал:

— Куда он подевал хвост? Ему полагается иметь длинный черный хвост.

— Должно быть, свернул между задними лапами, — ответил Джеф.

Я продолжал разглядывать зверя в бинокль. Он тоже изучал нас. Откинув назад голову, зверь протяжно заорал, выставив напоказ ярко-красную полость рта, потом поднял почти до груди длинную заднюю лапу и обвил ею ствол. Хвоста у него не было. Совершенно

точно — никакого хвоста! Несколько секунд я простоял в полнейшем оцепенении, прежде чем пришел к единственно возможному выводу.

— Джеф, — ровным голосом сказал я, — это короткохвостый индри.

Сомнений не оставалось. Индри — единственные бесхвостые лемуры. В памяти у меня сразу всплыла книга, в которой говорилось, что, хотя, как правило, индри черные, их цвет «варьирует». Этим, очевидно, объяснялось несоответствие между окраской живого лемура и шкуры, которую мы видели в институте. Различия в воплях тоже стали понятны. Животные отвечали на нашу запись не обычными звуками, а, испугавшись, реагировали на магнитофон тревожным зовом. В этом смысле мой трюк не сработал: индри подали бы сигнал тревоги, заведи я им увертюру Вагнера.

Но мы были в таком восторге, что все это казалось сущими пустяками. Главное — мы нашли их и Джеф успел уже отснять сто двадцать метров пленки. Он быстро поменял кассету, отвинтил длиннофокусный объектив и заменил его обычным, чтобы запечатлеть лемура издали в полный рост. Я включил микрофон и записал негодующие крики животных — они непрерывно выражали возмущение нашим присутствием. Джеф осторожно спустился по склону, пытаясь выбрать другой ракурс. Но это уже было слишком. Первый индри могучим прыжком отлетел в сторону, перескакивая с дерева на дерево с такой скоростью, что казалось, его отбрасывает от ветвей рикошетом. Два других последовали за ним

и через несколько секунд скрылись из виду в гуще леса.

Мишель уверял, что бабакото не склонны менять своих привычек. Если это так, они должны завтра прийти на то же место. На следующий день мы были там еще до зари. Индри расположились на деревьях и, поскольку мы не терзали их слух магнитофонными криками, спокойно занимались своими делами. Крупный самец, первым вчера обругавший нас, сидел верхом на ветке, как ребенок на качелях, свесив длинные ноги в черных носочках, и ел. Передними лапами он срывал молодые листочки и небрежно запихивал их в рот. Два других сидели поодаль. Как выяснилось, они составляли семейную пару. Судя по размерам, это была молодая пара. Куда же тогда делась подруга старого самца?

Мы стали обследовать в бинокль соседние деревья; действительно, на одном из них затаилась в листе самка. Чтобы не потревожить индри, решено было не приближаться, а снимать их с дальнего расстояния.

Целую неделю мы ежедневно наблюдали за этим семейством, постепенно знакомясь с их распорядком дня. Мишель оказался абсолютно прав: животные в самом деле жили по режиму и были верны своим привычкам. Каждую ночь они укладывались спать на одном и том же дереве. С восходом солнца индри разбредались в разные стороны и, лениво перепрыгивая с ветки на ветку, двигались к тому месту, где мы впервые заметили их. Там они завтракали. Их крики раздавались почти в одно и то же время — около пяти ут-

ра, когда рассветало, и потом где-то между десятью и одиннадцатью. Ближе к полудню животные удалялись через ручей, и мы теряли их из виду. Часа в четыре дня они заводили свою песню, доносившуюся с противоположной стороны долины. Мы снова видели их уже за вечерней трапезой, причем к месту кормления они приходили порознь. Незадолго до наступления темноты индри возвращались на облюбованное для сна дерево.

У каждого зверя был свой, индивидуальный характер. Старый самец отличался уравновешенностью, степенностью и был, пожалуй, типичным флегматиком. Чаще всего он сидел на суку, привалившись к стволу и вытянув длинные ноги, в позе до комичного напоминавшей человеческую. В случае тревоги он лихо сигал на большие расстояния, но в обычное время чинно карабкался с ветки на ветку. Индри, кстати, не умеют раскачиваться, ухватившись за лиану передними лапами, по-обезьяньи, и в этом отношении уступают, скажем, гиббону.

Сам по себе этот факт весьма интересен. У ученых есть мнение, что лемуры произвели внутри своего подотряда подобия мышей, белок и длиннохвостых обезьян. Тогда обитающих в лесу на деревьях бесхвостых вегетарианцев индри следует считать лемуриными эквивалентами высших приматов. Ряд специалистов объясняют отсутствие хвоста у человекоподобных обезьян тем, что в процессе развития из низших приматов они на каком-то этапе спустились с деревьев на землю и стали ходить на двух ногах. В этом положении у них не было необходимости в пятой точке опоры и органе равновесия. Сделавшись

помехой, хвост дегенерировал и в конечном счете отпал. Тем временем высшие приматы научились пользоваться передними лапами как руками. В дальнейшем, когда они по неизвестной причине вернулись на деревья, обезьяны стали висеть и раскачиваться на руках, как воздушные акробаты, перелетая с ветки на ветку.

Если высшие приматы действительно потеряли хвост по этой причине, тогда аналогичную параллель следует провести и с развитием индри. Правда, наблюдая за старым самцом, трудно было представить, что его предки когда-либо жили на земле. Позднее, внимательно просматривая пленку кадр за кадром, мы убедились, что прыгают они совершенно так же, как хвостатые сифаки, — отталкиваясь мощными задними лапами. При этом их тело сохраняет в воздухе вертикальное положение, так что приземляются они на ствол всеми четырьмя лапами. Не верилось, что на какой-то стадии эволюции эти создания стали жить на земле, потеряли хвост, а потом вернулись на деревья, не обретя радикальных отличий от своих ближайших сородичей — сифак. По своим анатомическим особенностям и способу передвижения обе группы почти не отличаются друг от друга. Конечно, это еще не достаточное основание для вывода, что предки человекообразных обезьян никогда не жили на земле. Пример индри просто показывает, что потерю хвоста ошибочно приписывать исключительно переходу на землю.

Двое молодых индри были нежной и любящей парой; каждый день они часами ласкали и вылизывали друг друга. Для проявления нежностей они вы-

брали довольно опасное место, сидя на корточках на тонкой горизонтальной ветке. Они напоминали ловких циркачей, делающих вид, что трюк на проволоке для них самое заурядное дело. Но индри не нуждались ни в страховочной сетке, ни в шестах-балансирах. Их стопы столь огромны, что большим и средним пальцами они полностью обхватывали ветку и могли спокойно сидеть на ней, больше ни за что не держась.

По натуре они были довольно пугливыми и нервными, их тревожил любой неожиданный шум. Стоило паре черных попугаев с визгом пролететь над головой, как индри беспокойно вытягивали шеи. Однажды они сидели напротив друг друга, самец нежно вылизывал шерсть на плече у самки; неожиданно прилетела большая голубая малагасийская кукушка, села на лиану и пронзительно затрещала своим хриплым стаккато. Самка сразу подобралась, напряглась и замотала головой, пытаясь определить, кто поднял тревогу. Самец вел себя спокойнее: посмотрев вниз, он понял, что это верещит глупая кукушка, и сделал робкую попытку продолжить нежное вылизывание. Но самка не находила себе места, тогда самец схватился за свисавшую сверху ветку, ловко обошел подружку, уселся сзади и нежно обхватил ее длинной задней лапой, словно желая утешить. Она, откинувшись назад, в благодарность за заботу лизнула ему подбородок.

Четвертого члена группы, старую самку, мы видели редко. Она предпочитала не вылезать из густой листвы. У нее, видимо, были на то свои причины. Мы стали внимательно следить за ней и через несколько

дней поняли, в чем дело: она носила на спине детеныша. У малыша была черная мордочка, смешные волосатые ушки и сверкающие глазенки. Длина его тела не превышала тридцати сантиметров. Обычно он ездил верхом на мамаше, вцепившись ей в спину, время от времени перелезая на грудь пососать молока. Мать относилась к младенцу с подкупающей нежностью и аккуратно вылизывала его с ног до головы.

Распорядок дня индри был известен до мелочей, так что снимать их было довольно легко. Мы уже запечатлели их за едой, во время полуденной дремы и вечерних ласк; никак не могли только заснять прыжок индри — они всегда прыгали в противоположном направлении от точки, где мы располагались. Для желаемого кадра требовался совершенно другой ракурс. Посоветовавшись, мы наметили стратегический план.

Было известно, что завтракают они на одном дереве, а дневной концерт устраивают на другом. Чтобы перебраться с места на место, им приходилось пересекать широкую дорогу, ведущую от рыбных прудов к лесу. На этой дороге было только одно узкое место, где они перепрыгивали на другую сторону. Простой расчет показывал, что индри проделывают эту операцию где-то между тремя и четырьмя часами дня. В половине третьего мы с Джефом установили камеру возле дерева, на котором, по нашим предположениям, должны были появиться индри. Камеру повернули так, чтобы солнце светило нам в спину. Осталось только ждать.

Точно в половине четвертого на «стартовом» дереве появился старый самец. Несколько минут спустя к

нему присоединилась молодая пара, а за ними из леса появилась мать с младенцем; все уселись на свисавшей над дорогой ветке. Проверив, что семейство собралось в полном составе, старый самец неторопливо взобрался на самую вытянутую ветку. Джеф начал снимать. Самец изготовился и одним прыжком перескочил через дорогу на противостоящее дерево. Остальные члены семейства перемахнули за ним на ту сторону и исчезли из виду. Джеф выключил мотор и засиял от радости. Теперь наш фильм о жизни индрии закончен, причем именно о таком конце мы и мечтали.

Но вернемся к песьеголовым. Могли ли эти создания, за которыми мы с таким удовольствием наблюдали столько дней, быть источником давней легенды? Голова индрии, несомненно, похожа на собачью, а сами они напоминают человека, особенно когда карабкаются по стволу. Соотношение ног и туловища у них примерно соответствует человеческому. Легенда, по-видимому, родилась в арабском мире. В течение веков арабские купцы ходили на своих доу от северо-восточного побережья Африки на Мадагаскар через Мозамбикский пролив, делая промежуточную остановку на Коморских островах. Они вполне могли привезти в Африку легенду о песьеголовых людях.

Любопытное сходство прослеживается между рассказом Альдрованди о киноцефалах, от чьей шкуры отскакивают стрелы, и историями об индрии, умеющих ловить и бросать назад в обидчика камень или палку. Аналогия наводит на мысль о том, что речь идет об одном и том же существе. Конечно, нет бес-

спорных доказательств, что именно индри породили широко распространенную легенду о песьеголовых, но ряд параллелей прослеживается. Мне лично это кажется весьма вероятным.

В одном я был совершенно уверен. Из всех причудливых существ, которых мы снимали на Мадагаскаре, короткохвостые индри были наиболее редкими, менее всего изученными и самыми привлекательными.

Глава 13 ЗООПАРК

Мы вернулись в Антананариву. В маленьком зоопарке при институте нас ждали все собранные за время путешествия по острову животные. Их разместили в клетках и временных вольерах. Через несколько дней небольшой рейсовый самолет должен был доставить экспедицию вместе с коллекцией в Найроби, а оттуда нам предстояло отправить на зафрахтованном самолете живой груз в Лондон. Хлопот было много. Требовалось позаботиться о специальных клетках для воздушной перевозки, получить справки о состоянии здоровья животных, подготовить и подписать документы на их вывоз. Наконец, надо было попрощаться со всеми, кто помогал нам словом и делом и

без чьего участия наша поездка не была бы столь успешной.

Господин Полиан уехал на научный конгресс в Европу, успев напоследок сделать нам сказочный подарок, который мы получили уже в его отсутствие. Понимая, как мы расстроены из-за того, что нам не разрешили поймать и увезти в Англию каких-либо лемуруров, не говоря уж о кошачьем, директор распорядился преподнести нам двух кошачьих и одного лемуру вари из собственной коллекции института. Только натуралист способен оценить всю щедрость этого дара.

Лемуру вари был, вне всякого сомнения, звездой зоопарка: по красоте и обаятельности он не уступал сифакам и индри. Окраской он напоминал гигантскую панду: на его густой шелковистой шерсти чередовались белые и черные как смоль участки. В собрании института было три лемуру этого вида, сидевшие в одной клетке. Один был доставлен из заповедных лесов в восточной части острова. Шерсть у него была не черного, а великолепного коричнево-рыжего цвета. В чем назначение такой приметной окраски, совершенно непонятно. У скунса, чьи железы испускают непереносимый запах, яркая окраска служит предупреждением другим животным: убирайся с дороги, если не хочешь неприятностей. Но у беззащитных вегетарианцев она не может выполнять эту роль. Правда, многие ночные животные, например барсуки, тоже окрашены в черно-белый цвет, очевидно помогающий им различать друг друга в темноте. Лемуру вари как раз ведут преимущественно ночной образ жизни.

Жившие в зоопарке лемуру вари были удивительно ручными. Каждый раз, приходя в институт, мы

считали своим долгом нанести им визит. Установился даже особый ритуал встречи. Сначала мы угощали их насекомыми или кусочками банана, а потом почесывали им брюшко. Звери откидывались на спину и млели от удовольствия. Излишне говорить, что мы были в полном восторге от вари, составившего гордость собранной нами коллекции.

Подаренные директором два кошачьих лемура представляют наиболее известный вид. Их хорошо знают посетители зоопарков во всем мире — этот вид прекрасно существует и размножается в неволе. Их короткая шерсть элегантного сизо-серого цвета переходит в белоснежный воротник; мордочки у них тоже белые, а длинный хвост украшен черными кольцами. Считается почему-то, что название этого вида — кошачьи лемуры — выбрано неудачно. Тем не менее они действительно размером с кошку и мордочкой немного напоминают ее. К тому же у них типичный кошачий голос; я убедился в этом, когда пара лемуров месяц жила у меня дома в Лондоне. Они не только мяукали, но и мурлыкали по-кошачьи, когда получали любимое лакомство, например сливу, или когда я почесывал их за ухом. Не скажу, что они мурлыкали часто и долго, но факт остается фактом. Пожалуй, из животных никто больше не умеет мурлыкать по-кошачьи, так что их название мне кажется вполне подходящим.

Оба наших кошачьих лемура оказались молодыми самцами; у них на внутренней стороне предплечья были железы, секрет которых, как полагают, служит для смазывания шерсти и облегчает ее расчесывание. Но я ни разу не видел, чтобы кто-либо из нашей парочки

смазывал шерсть. Туалет они совершают нижними передними зубами, используя их вместо расчески.

В природе кошачьи лемуры бегают стаями по безлесным скалистым горам Южного и Центрального Мадагаскара. Питаются они в основном опунцией. Считается, что почти все время эти лемуры проводят на земле, но, когда я поместил в вольере большую ветку, наши питомцы подолгу сидели на ней, закрутив хвосты вокруг плеч; издали казалось, что на них шикарные меховые палантины.

Кормить лемуrow не составляло никакого труда: они охотно ели самую непривычную пищу и все овощи, которые мы им предлагали. Полагая, что однообразная диета надоеет любому существу, я подавал им каждое утро ассорти из фруктов и овощей. Молодая трава, изюм, печеная картошка, салат, морковка, цикорий, виноград, бананы — все съедалось с отменным аппетитом, хотя какому-то блюду оказывалось особое предпочтение. Так, один день они рылись в баночках с изюмом и не дотрагивались ни до чего, пока не доставали последней изюминки; в другой раз сначала уплетали весь салат и только потом принимались за остальное. Это были совершенно прелестные домашние животные — веселые, изобретательные, любопытные, блистательные акробаты и нежные друзья, готовые страстно облизывать друг друга и меня, если я предоставлял им эту возможность.

У старшего из них уже прорезывались клыки, острые как ятаганы, и я заигрывал с ним с некоторой опаской. Брать его на руки можно было, только будучи совершенно уверенным, что он действительно расположен к таким нежностям, как облизывание. Лему-

ры оказались, кстати, весьма разборчивыми в своих привязанностях, я прекрасно ладил с обоими, но посторонним они не позволяли обращаться с ними столь же вольно. Если кто-то приходился им не по нраву, лемуры выказывали неудовольствие: они просовывали лапу через прутья клетки и неожиданно хватали неугодного гостя за рукав. Дернув его как следует, они начинали метаться по клетке, безумно радуясь, что застали незнакомца врасплох. Впрочем, их выпады далеко не всегда были безобидными: когти у кошачьих лемуров длинные и острые как иголки; несколько раз им случалось сквозь рубашку расцарапать кожу до крови.

Привезенная нами в Англию коллекция была невелика, но многие животные стали украшением Лондонского зоопарка. У себя дома, на Мадагаскаре, они встречаются довольно часто, но до Великобритании раньше удавалось довести живыми лишь немногих.

Мы засняли на пленку многих представителей мадагаскарской фауны и все же за время четырехмесячной поездки смогли увидеть лишь малую часть живых диковин далекого острова. Мы знали это заранее и поэтому сознательно ограничили сферу своих интересов. Главное внимание было сосредоточено на лемурах. С основными видами мы познакомились либо в естественной среде, либо в Антананаривском зоопарке. Но самого необыкновенного зверя этого клана, совершенно не похожего на остальных лемуров, встретить так и не удалось. Я имею в виду мадагаскарскую руконожку ай-ай.

Этот лемур был описан в литературе одним из первых. Его обнаружил в 1788 году уже знакомый нам Пьер Соннера, которому мир обязан знакомством с индрии. Французского натуралиста, похоже, преследовал злой рок с наименованиями. Как и в случае с индрии, малагасийское название зверька ничего общего не имеет с ай-ай. Сам Соннера утверждал, что этим словом его провожатые выражали свой ужас при виде животного. Настоящего имени он так и не услышал. На то были веские причины: малагасийцы и в те времена, и сейчас так панически боятся этого животного, что не в состоянии даже произнести его имя при постороннем, опасаясь навлечь на себя несчастье. Животное исстари окружено множеством поверий. Считается, что тот, кто осмелится убить ай-ай, обязательно умрет в том же году. Если человек заснет в лесу, ай-ай сделает ему подушку из травы; если, проснувшись, человек обнаружит подушку под головой, его в скором времени ждет несметное богатство; если же подушка окажется в ногах (что случается чаще), он вскоре падет жертвой колдовских чар.

Животное обладает причудливой внешностью: у него, как уверяют, зубы кролика, уши летучей мыши, шерсть дикого кабана, лапы обезьяны и хвост лисицы. Когда зоологи впервые увидели это странное существо, они никак не могли понять, к какому же виду его отнести. Сначала его приняли за белку. Потом решили, что он примитивный сородич долгопята — нелепого большеглазого карликового примата, обитающего в лесах Калимантана и Сулавеси. Затем эту идею тоже отбросили и сочли ай-ай блудным сыном отряда грызунов. Только в 1863 году известный английский зоо-

лог Ричард Оуэн в своем блистательном труде доказал, что, несмотря на крайнее несходство с другими лемурами, этот длинноухий большеглазый зверь с длинным пушистым хвостом принадлежит к лемурам и является примитивным видом этой группы животных.

Тело ай-ай вместе с хвостом имеет длину около метра¹ и покрыто лохматой жесткой шерстью. Главной отличительной особенностью ай-ай являются средние пальцы передних лап, они длиннее остальных, очень тонкие, колючие и заканчиваются крючкообразным когтем. Зверь широко использует это мощное орудие. Дайте ему, к примеру, яйцо, и он сначала расковыряет дырочку в скорлупе, вставит в нее свой необыкновенный палец и с поразительной быстротой выгребет содержимое.

На воле ай-ай питаются в основном крупными белыми личинками жука-древоточца. Зверек находит их, постукивая длинным пальцем по дереву и по звуку определяя место, где находится добыча. Затем он пробуравливает в коре дырочку и пальцем извлекает личинку. У него такие крепкие и острые зубы, что он запросто прогрызает деревянный ящик. Ай-ай прекрасно живет в неволе, охотно питаясь бананами, сахарным тростником и сырыми яйцами.

Мне безумно хотелось найти эту диковину. Однажды в лесу возле деревни Перине мы услышали резкий металлический визг, принадлежавший, по словам Мишеля, этому зверьку. Но ай-ай — очень редкое животное, отшельник по натуре, да к тому же ведет исклю-

¹ Длина тела руконожки — 36—44 см, хвоста — 50—60 см, масса тела — около 2 кг. — *Примеч. ред.*

чительно ночной образ жизни. Обнаружить руконожку было под силу разве что целой поисковой партии. Потребовалось бы мобилизовать чуть ли не все население деревни и обойти лес, заглядывая в каждое дупло и вороша каждую кучу сухих листьев, проверяя, нет ли там их гнезда. При настойчивости и удаче мы могли бы найти одного ай-ай и увидеть, как он спит, обмотавшись хвостом. Но это — в теории. Зверек наверняка тут же умчался бы от нас с такой скоростью, что о съемках не могло быть и речи. Для хороших кадров надо было поймать зверька и посадить его в клетку. Однако господин Полиан при первой же встрече убедительно просил нас этого не делать, даже если мы клятвенно пообещаем потом его отпустить. Ай-ай, считал он, никоим образом нельзя трогать именно из-за того, что этот вид лемуров самый редкий. Был риск, что местные жители, узнав о его ценности, начнут ловить их в надежде продать европейцам.

На острове нет крупных хищников, благодаря чему лемуры привольно живут и размножаются во всем многообразии форм. Однако на Мадагаскаре встречается несколько видов мелких хищников. Все они, как и остальная островная фауна, являются эндемичными. В зоопарке в Антананариву мы видели двух маленьких изяшных мангуст, пойманных на востоке острова. Судя по размерам, они могли охотиться только на самых маленьких лемуров, но основной их пищей были лягушки, мелкие рептилии и птенцы. Еще один, более грозный хищник, — мадагаскарская фосса¹.

¹ Фосса — самый крупный хищник на Мадагаскаре; длина тела без хвоста — 61—76 см. — *Примеч. ред.*

Малагасийцы считают ее опасной, хотя на самом деле нет никаких свидетельств, что фосса когда-либо причинила вред человеку. Зато известно о ее фантастической способности разорять курятники: забравшись туда, фосса оставляет сотни окровавленных птичьих тел. Мы видели в зоопарке это животное — гибкое, свирепого вида существо, более метра в длину, внешне напоминающее маленькую пуму, а вспыльчивым и сердитым нравом — черную пантеру.

Вся фауна Мадагаскара с его бабочками, мотыльками, ящерицами, змеями, черепахами, птицами, плотоядными и особенно лемурами полна необыкновенного очарования. Здесь можно увидеть зверей, не встречающихся нигде больше в мире. Не случайно поэтому уже давно предприняты шаги по охране уникальных местных животных. В 1927 году была запрещена всякая охота на лемуров, а десять районов острова объявили природными заповедниками. Но действенность закона зависит от эффективности мер по борьбе с его нарушителями. Власти республики проводят большую работу, разъясняя важность природоохранных мер. Несомненно, охота на животных значительно сократилась, но мы видели собственными глазами, что лемуров продолжают ловить.

Животным грозит опасность не только со стороны браконьеров. Вид может выжить, несмотря на уничтожение отдельных особей, только при условии сохранения природной среды обитания. Между тем начатая много веков назад вырубка лесов превратила значительную часть Мадагаскара в голые, безжизненные пустоши, и этот процесс продолжается. На востоке острова сохранились богатые тропические леса с

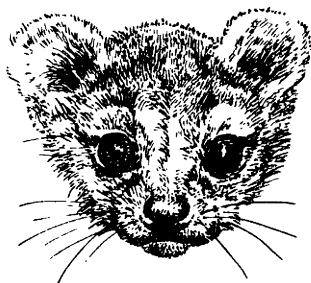
величавыми деревьями, но туда день за днем вторгаются скучными рядами бесплодные эвкалипты. Если этот марш не остановить, то индри, сифаки, ай-ай и плоскохвостые гекконы лишатся естественного местобитания и исчезнут. Человек окажется виновником их вымирания, как это уже произошло с кваггой, арктической морской коровой, странствующим голубем, бескрылой гагаркой и многими, многими другими видами, исчезнувшими в прошлом веке...

Нет сомнения в том, что необходимы самые действенные меры по сохранению животного мира; ни в коем случае нельзя ослаблять установленные правила и запреты. В этом важнейшем процессе должны сыграть свою роль зоопарки. Основная задача их состоит не в том, чтобы выставлять зверей напоказ публике, а создать животным оптимальные условия для размножения. Тогда сохранившиеся в неволе виды можно будет вернуть в природную среду, заменив ими сородичей, ставших жертвой человеческой беспечности и жестокости. Подобный опыт уже удалось успешно осуществить с оленем Давида, гавайской казаркой и зубром.

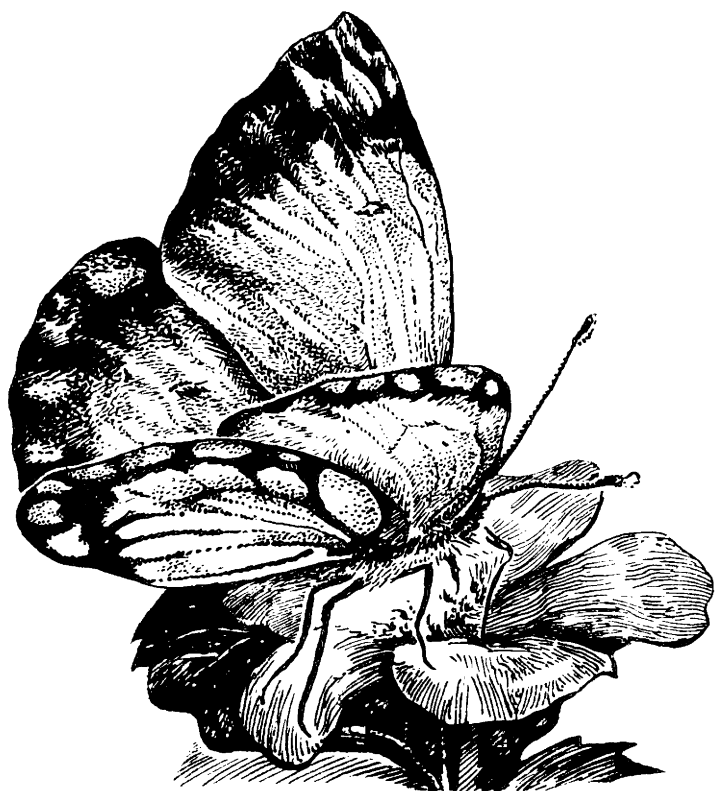
К чести ученых надо сказать, что во многих современных зоопарках со всей ответственностью относятся к этой задаче. Так, сотрудники зоопарка в Антананариву делают максимум возможного в рамках тех скромных финансовых ассигнований, которыми они располагают. Там уже размножаются бурые и кошачьи лемуры; аналогичные результаты были отмечены и в ряде других зоопарков мира. Но, увы, пока не удастся получить потомство сифак, не говоря уже об индри, которые просто не выживают в неволе.

Проводимая зоопарками работа призвана сыграть важную роль в деле защиты животных от вымирания. Но все же главные усилия должны быть направлены на активную борьбу за сохранение естественной среды обитания. В этом отношении ведущиеся в зоопарках научные исследования могут дать очень много, поскольку, до тех пор пока не изучены повадки и потребности животного, бессмысленно произвольно отводить им какую-то территорию, пусть даже и в местах их привычного обитания. Подобная мера вряд ли обеспечит их выживание, ведь природа находится в столь чутком равновесии, что малейшие, казалось бы, совсем незначительные изменения способны вызвать цепную реакцию, грозящую катастрофой.

На Мадагаскаре сохранился уникальный живой музей, где можно увидеть во всем фантастическом великолепии множество созданий, существовавших на Земле задолго до появления на ней человека и большинства современных животных. Если они исчезнут из-за небрежности или алчности людей, у нас на совете появится еще одно пятно, а луч, способный озарить разум и воображение будущих поколений, погаснет безвозвратно.

Под тропиком
Козерога

David Attenborough
QUEST UNDER CAPRICORN
London 1963

ВСТУПЛЕНИЕ

Цифры ошеломляют. Австралия состоит из шести штатов и двух территорий. Одна из них — крохотная — вокруг столицы Канберры. Вторая — Северная территория — тянется на тысячу миль с севера на юг и на шестьсот миль с востока на запад, занимая площадь почти полтора миллиона квадратных километров. На этом огромном прямоугольнике, занимающем солидную часть континента, живет всего сто тысяч белых австралийцев и шестнадцать тысяч аборигенов. Для сравнения представьте себе площадь, в шесть раз превышающую Британские острова, с населением Дувра или Понтипула. Вообразите теперь, что мэру провинциального городка в центре Англии подведомственна территория, протянувшаяся от ратуши этого

городка до Берлина в одну сторону и до Танжера в другую, причем на всем этом пространстве разбросана дюжина поселков.

Южная граница территории проходит ниже тропика Козерога, а северное побережье находится ближе к экватору, чем острова Фиджи и Ямайка, Аден и Мадрас. Огромные пространства в северной части покрыты джунглями, в период муссонных дождей превращающимися в сплошные болота и непроходимые топи. А на юго-востоке начинается одна из самых засушливых пустынь мира, и поныне полностью не исследованная. Административный центр этой необъятной провинции — город Дарвин.

Из всех пассажиров авиалайнера, летевшего в Австралию, мы единственные собирались выгрузиться в Дарвине. Для прочих это название ассоциировалось с малоприятной остановкой, прерывавшей процесс, названный в проспекте авиакомпании «ночным отдыхом». Когда мы, полусонные, вылезли из самолета, по местному времени было четыре часа утра, но мы находились вне времени, поскольку в течение последних полутора суток только и делали, что переводили стрелки часов. С трудом размыкая слипавшиеся глаза, мы направились к таможне, где начался обычный ритуал вопросов и ответов, казавшийся особенно нелепым в это время и в этом пустом аэропорту. Не везем ли мы каких-либо насекомых и если да, то в какой стадии развития? С какой целью мы прибыли в Австралию? Ввозим ли мы огнестрельное оружие или лошадиную упряжь? Есть ли у нас список номеров объективов всех фото- и кинокамер?

Большинство попутчиков, наскоро заполнив формуляры, переместились в неудобный транзитный зал, нетерпеливо ожидая, когда можно будет покинуть эту дыру. Для них Дарвин был не парадный подъезд, а лишь черный ход на континент — до крупнейших городов Австралии оставалось еще две тысячи миль. Для нас же это был центр территории, через которую пролегал маршрут предстоящего путешествия.

Нам с Чарльзом Лейгусом уже доводилось бывать здесь. Это была наша шестая совместная поездка, и несколько лет назад по пути на Новую Гвинею, где мы снимали райских птиц, пришлось сделать промежуточную посадку в Дарвине. На сей раз перед нами стояла другая задача. Нас, конечно, интересовали местные звери и птицы, но цель поездки была шире: мы намеревались снять серию фильмов, в которых бы отразилась общая картина жизни Северной территории — ее люди, флора и фауна. Впервые в подобную экспедицию мы отправлялись втроем: с нами ехал звукооператор Боб Сондерс. Для него это была первая вылазка за пределы Европы. Он с любопытством смотрел по сторонам, хотя в вымершем аэропорту не на чем было остановить взгляд.

— Ну-с, — бодро сказал Боб, — с чего начнем?

Его энтузиазму можно было позавидовать.

Глава I К ВОСТОКУ ОТ ДАРВИНА

Дарвин стоит на северном побережье Австралии в полном одиночестве. От него до ближайшего крупного города — Аделаиды — так же далеко, как от Лондона до центра Сахары. Дарвин ближе к Сингапуру, чем к Сиднею. Одной стороной город обращен к тропическому Тиморскому морю, уходящему за горизонт, к коралловым островкам Восточной Индонезии; другой стороной Дарвин примыкает к пустыне, простирающейся на тысячи километров к югу.

Город возник в 1836 году. Особых причин для его рождения не было. Сюда заходили небольшие суда ловцов жемчуга, во время золотой лихорадки 80—90-х годов прошлого столетия он служил перевалочным пунктом, куда стекались жаждавшие скорого богатст-

ва старатели и откуда вывозили добытый металл; позже здесь построили причал для нефтеналивных судов; в 1872 году в этом месте соединили проволочный телеграф, протянутый через континент, с подводным кабелем, обеспечив таким образом связь с Лондоном. Вот и все. Трудно поверить, что город смог просуществовать так долго без видимых на то причин.

В наши дни Дарвин является столицей Северной территории, пользующейся автономным статусом внутри Австралийского Союза; в этом качестве он имеет собственную администрацию и местную авиалинию. Самолеты пользуются здешним аэропортом для промежуточной посадки на длинных рейсах из Азии в Южную Австралию. В городе практически нет промышленности. Жители говорят, что Дарвин импортирует чиновников, а экспортирует пустые бутылки из-под пива.

Тем не менее вы найдете здесь все атрибуты современной метрополии. Над гаванью возвышается огромное административное здание. Магазины забиты холодильниками, транзисторами, пластинками и прочим ширпотребом XX века. Протестантский и католический приходы имеют по роскошному храму в модернистском стиле. В отдалении от делового центра расположились элегантные особняки, в которых живут ответственные чины местного управления и директора банковских контор. Однако из-за того что жилые районы строились слишком быстро, не поспевая за ростом бюрократического аппарата, повсюду видны следы спешки и небрежности. Дома возводили как попало, по мере того, какой земельный участок выторговывался. В результате банковская глыба из стекла и бетона с мозаичным холлом, уставленным кактусами, выходит на пу-

стырь, заваленный ржавыми автомобилями и мятыми канистрами, а полуразвалившаяся лачуга соседствует с добротной виллой постройки тридцатых годов.

Город населен выходцами со всего света. Частью магазинов владеют китайцы, чьи предки приехали сюда добывать золото. Перебравшиеся из Сиднея новые иммигранты — итальянцы и австрийцы — открыли рестораны, где подают шницель по-венски и равиоли, оказавшиеся откровением для жителей австралийского захолустья, выросших на испеченных в золе пресных лепешках и жарком из кенгуру. На почтамте можно встретить уроженца Лондона и новозеландца, но редко увидишь человека из пустыни, в которую упирается главная улица города. Разве что в пивном баре — *nabe* — вы уловите обрывки разговора о заброшенной «где-то там» урановой шахте или открытии в буше новых месторождений золота. При случае можно заметить аборигенов в бумазейных майках, сидящих у кинотеатров и потягивающих через соломинку кока-колу. А то вдруг натолкнетесь на здорового скотовода в ковбойской шляпе, бряцающего шпорами по тротуару среди отутюженных банковских клерков.

Одного такого живописного пионера австралийской глубинки мы встретили в баре самой шикарной гостиницы Дарвина. Это был румянолицый мужчина, разодетый на деревенский манер: красный платок, завязанный поверх ворота клетчатой рубашки, плотно облегающие потертые бриджи и сапоги для верховой езды. Дуг Мур, владелец местной фирмы, занимающейся сдачей внаем самолетов, любезно представил нас ему.

— Алан Стюарт, — сказал он. — Если вы, ребята, желаете увидеть настоящих диких зверей, то вам повезло: Алан как раз тот человек, который вам нужен.

Мы обменялись рукопожатиями. Рядом с дочерна загорелыми и обветренными собеседниками мы выглядели ужасающе бледными — типичные субтильные горожане. Я объяснил наши цели, добавив, что действительно нам бы хотелось поснимать животных.

— У меня их пруд пруди, — отозвался Алан. — Утки, гуси, кенгуру, рыба баррамунди размером с твою руку, крокодилы — все, что хочешь. — Он осушил кружку пива и причмокнул: — Толком и не распробовал.

Дуг понял намек.

— Я угощаю, — сказал он. — Следующий заход ваш, ребята.

Он собрал пустые кружки и направился к стойке.

— Должен только предупредить, — продолжал Алан. — Когда будете снимать, берегитесь буйволов. Они бывают малость того. Дуг вам может рассказать, что случилось с его отцом.

Дуг вернулся с пятью полными кружками.

— Такое дело, — начал он. — Старик искал золото в заброшенных выработках, и вдруг, откуда ни возьмись, выскочил буйвол. Здоровенный — во! Свалил его и уже собирался растоптать. Но старик — мужик крепкий. Ухватил буйвола за рога и стал сворачивать ему шею. Дрались долго, и в конце концов зверь отвалил. Но старику досталось. Четыре сломанных ребра, весь побитый, страшно смотреть. Пришлось тащить его в больницу приводить в порядок. Это произошло три недели назад, а вышел он только сегодня. Такие вот дела у нас.

— Да, я слышал, что у буйволов не очень смиренный нрав, — сказал я как можно более небрежным тоном. — А что делать в таких случаях?

— Стрелять, — хмыкнул Алан, допивая пиво. — Надеюсь, вы, ребята, при ружьях?

— Гм... нет... — признался я, чувствуя себя больше, чем когда-либо, изнеженным англичанином. — По правде говоря, даже будь у меня ружье, сомневаюсь, что смог бы попасть в несущегося буйвола.

— Тогда не берите его в руки, — отрезал Алан. — Здесь и так слишком много парней расхаживает с ружьями, хотя они и с двух метров не попадут мешком с пшеницей быку по мягкому месту.

— И все-таки что делать при нападении буйвола? — продолжал настаивать Боб.

— Прыгать на дерево, — сказал Дуг, — и побыстрей.

— Была тут одна девочка. Так вот, когда буйвол ее повалил и полез к ней мордой, она потрепала его за нос, погрозила пальчиком и сказала: «Но, но, но», — добавил Алан с явным намерением подбодрить нас.

— Лучше всего, конечно, быть в машине, — продолжал Дуг. — В прошлом году один малый столкнулся на дороге с буйволом. Что делать? Он быстро развернулся и рванул в обратную сторону. Промчался мили две, и буйвол начал отставать. Наверное, решил — не стоит связываться.

— Я где-то читал, что буйволы в Австралии встречаются не часто, — оптимистически заметил Чарльз.

— Не часто?! — возмутился Алан. — Да они стадами ходят в наших местах, штук по двести разом. Я вам говорю, у нас там полно зверья, вы такого не сыщете на всей Территории.

Поясню, что буйволы, о которых мы беседовали, совсем не похожи на горбатых, косматых животных, несметные стада которых некогда бродили по равнинам Северной Америки. Азиатские буйволы по виду скорее напоминают коров, но вес крупного самца доходит до семисот пятидесяти килограммов, а загибающиеся на спину рога достигают трех метров. У себя на родине, в Азии, они очень покорны, хотя эта покорность обманчива. Буйволы безропотно ташат тяжеленные повозки и терпят жестокие побои от своих погонщиков, валяются в грязи каналов, позволяют мальчишкам забираться верхом и почесывать себя по загривку. Но иногда смирные тягловые животные вдруг впадают в бешенство. Запаха незнакомого человека может оказаться достаточно, чтобы повергнуть их в состояние безумия, и тогда они переворачивают повозки, крушат все вокруг и кидаются на любого, кто оказывается рядом.

Полтора века назад буйволов с острова Тимор завезли в Австралию, чтобы обеспечить молоком и мясом военные гарнизоны на северном побережье континента — в Раффлз-Бей и Порт-Эссингтоне. Они должны были служить и тягловой силой. Но в 1849 году войска вывели, и буйволов отпустили на волю. Новый край пришелся им по вкусу, они стали плодиться и размножаться — настолько, что сорок лет спустя тысячные стада их бродили по долинам рек Мэри и Аллигейтор. Животные редко углублялись больше чем на сотню миль от побережья, поэтому считается, что зона их обитания тянется примерно на триста миль к востоку от Дарвина. На эту территорию никто не претендовал, земли там и поныне необитаемы, они попеременно то затопляются муссонными дождями,

то выжигаются дотла солнцем. Буйволам здесь жилось привольно, их никто не трогал, разве что случайный охотник мог застрелить одного на мясо.

Затем, в восьмидесятых годах прошлого века, люди поняли, что шкура буйвола очень прочна, и началось их массовое уничтожение. Один белый с помощниками-аборигенами, обдиравшими шкуры, забивал по сорок штук в день, то есть примерно тысячу шестьсот буйволов за сезон. Процедура была невероятно жестокой. Дело в том, что, когда охотникам встречалось стадо, им было не с руки останавливаться и сдирать шкуру с каждого убитого зверя. Но шкура мертвого буйвола, пролежавшего какое-то время на солнце, быстро портилась, если ее тут же не отделяли от туши. Поэтому охотники подъезжали к стаду и, не слезая с лошади, стреляли зверю в спину. Тот падал с парализованной задней частью туловища и лежал иногда всю ночь, пока утром не прибывали живодеры; прикончив буйвола выстрелом в голову, они сдирали шкуру.

К счастью, в наши дни повальный убой буйволов практически прекращен. С появлением синтетических заменителей ценность буйволовых шкур упала настолько, что добывать их стало невыгодно. Рогатых животных опять — уже во второй раз — оставили в покое, дав возможность бродить по равнинам. Исключение составляет место под названием Нурланджи, где стоит ранчо Алана.

Поначалу Нурланджи было лесной концессией. Когда все деревья вырубili, Алан взял землю в аренду, построил там несколько хижин и назвал ранчо «Австралийское сафари». Буйволов он окрестил «крупной дичью» и вместе с остальной живностью — крокодила-

ми, кенгуру и пернатыми — включил в список, который должен был привлечь «спортсменов» из больших городов Юга, обуреваемых неумной страстью убивать зверей. Здесь они получали возможность удовлетворить ее. Не буду говорить о моральной стороне такого рода охоты. Отмечу лишь, что теперь хотя бы буйволы умирают сразу, а не мучаются в долгой агонии.

Кстати сказать, затея Алана превратить Территорию в место крупномасштабных охотничьих забав не оправдалась: Нурланджи пустовало. Нас это очень устраивало. На ранчо были «оборудованные» хижины, полевая рация и имелась собственная взлетно-посадочная полоса. Место вполне подходило для базового лагеря экспедиции. О несметных стадах буйволов мы уже были наслышаны, но нас интересовали и другие животные. Решено было принять приглашение Алана. Сам он в тот же день улетал в Нурланджи, а мы со всеми пожитками и аппаратурой должны были выехать следом на машине. Оставалось лишь раздобыть «лендровер».

Почти все владельцы дарвинских гаражей, к которым я обращался, в ответ лишь посмеивались. Машин в округе мало, а глупцов, готовых сдать автомобиль напрокат заезжим иностранцам, и того меньше. Дороги за пределами города были ужасны, и в неумелых руках любая машина за несколько недель превратилась бы в металлолом. В конце концов мы набрали сомнительного вида контору, специализирующуюся на прокате лодочных моторов, водных лыж и мопедов; там в сарае обнаружился дряхленький «лендровер». Владелец признавал, что машина не первой молодости, но заверил, что она находится в отличном состоянии, хотя и выглядит несколько потрепанной.

Боб, большой дока по части автомобилей, скептически поцокал языком. Он залез под капот и вылез оттуда мрачнее тучи. Я попытался убедить его, что это как раз то, что нам надо. Мой оптимизм, правда, зиждился на полной неосведомленности, но в любом случае другого выхода не было. Больше никто во всем Дарвине не дал бы нам «лендровер». Мы подписали все полагающиеся бумаги и собрались в путь.

Из Дарвина выходит одна-единственная дорога — шоссе Стюарта, — которую уважительно называют Асфальт, подчеркивая тем самым уникальность трассы. Дело в том, что, если не считать ветку, ведущую на восток к штату Квинсленд, это единственная дорога на всей Территории, проходимая во время сезона дождей.

Ее построили в 1940—1943 годах для перевозки в Дарвин военной техники и боеприпасов, поскольку после вторжения японцев на Новую Гвинею город оказался как бы на передовой¹. Шоссе шириной двадцать метров и длиной около тысячи миль устремляется строго на юг через эвкалиптовые рощи и каменистую пустыню к Алис-Спрингс. Там автостраду сменяет мощеная, ухабистая дорога, еще через тысячу миль упирающаяся в Аделаиду.

Сразу же за Дарвином Асфальт делится на две полосы, и обе примерно с милею идут совершенно параллельно в ста метрах друг от друга. В краю, где асфальтированные дороги — редкость, такая фантастическая бессмыслица выглядит особенно удивительно.

¹ Во время Второй мировой войны Дарвин подвергся воздушной бомбардировке, но прифронтовым городом фактически не был, так как на территории Австралии никогда не ступал вражеский солдат. — *Примеч. пер.*

По утверждению местных жителей, «дубликат» возник в результате конфликта между американским и австралийским командованием во время войны. Австралийцы, ревнители порядка, настаивали на ограничении скорости по трассе, соединяющей гарнизон с городом. Американцы, оказавшись перед страшной перспективой ползти черепашью шагом к значным заведениям Дарвина, решили этот вопрос очень просто: вопреки всякой логике, не жалея средств, они построили свою собственную дорогу, параллельно первой. Кстати, на ней тоже было введено ограничение: запрещалась езда со скоростью меньше шестидесяти миль в час, нарушитель строго наказывался.

Мы двигались с куда более скромной скоростью: машина была нагружена снаряжением и продовольственными припасами. Вскоре убогие пригороды Дарвина остались позади, и начался длинный путь до Пайн-Крик, где мы планировали заночевать, перед тем как свернуть с Асфальта на восток, к Нурланджи. Автостраду окаймляли эвкалиптовые деревья; иногда миль за милей мы проезжали мимо почерневших от пожаров стволов. Над сухой, желтой травой возвышались трехметровые остроконечные термитники.

Кое-где под эвкалиптами важно восседали, опершись на хвост, кенгуру валлаби; они замечали нас издали и улепетывали при приближении машины. Эти животные — бич Асфальта. По ночам они усаживаются прямо на шоссе, чтобы насладиться теплом не успевшего остыть покрытия, и мчащиеся на скорости семьдесят — восемьдесят миль в час машины в темноте довольно часто врезаются в них. Автомобили нередко получают повреждения, вылетая в кусты, а кен-

гуру погибают. Трупы убитых прошлой ночью валлаби валялись на обочине, разбухшие, как бурдюки, с нелепо торчащими длинными ногами.

На протяжении сотни миль нам не встретилось ни одного селения, где было бы больше пяти-шести домов. Наконец показался Пайн-Крик — полтора десятка строений, на самом крупном из которых горела неоновая вывеска «Отель «Резиденшиел». Обрадованные, мы подрулили прямо к входу. Был субботний вечер, и в баре толпились мужчины в рубашках с короткими рукавами, усердно старавшиеся перекричать друг друга. Бармен направил нас к стеклянной двери с надписью «Фойе». Толкнув ее, мы попали в просторное помещение, заставленное столами на хромированных ножках; на каждом красовалась вазочка с искусственными тюльпанами — и это в краю акаций, орхидей и бугенвиллей! Из кухни появилась, приветливо улыбаясь, миниатюрная женщина. Она принесла еду и села поболтать с нами. Крики в баре становились все громче.

— Скажите, а вы не держите вышибалу? — осведомился я как бы между прочим.

— Сама справляюсь, — ответила хозяйка, напряжив бицепсы. — И не сомневайтесь, прекрасно справляюсь.

Я не сомневался.

— У нас тихо, — продолжала она. — Мы же не дикари, хотя на Юге нас все еще считают неотесанной деревенщиной. Представляете, — распалилась она, — несколько месяцев назад моя дочь выходила замуж, так какой-то газетный писака позвонил сюда из Сиднея и спросил, сколько гостей приехало на свадьбу на верблюдах!

Мы понимающе кивали. Из бара донеслись звон разлетевшегося вдребезги стекла и удалые крики гуляющих.

— Извините, — сказала она сурово и широким шагом направилась к двери...

На следующее утро мы стартовали пораньше. До Нурланджи оставалось восемьдесят миль. Пейзаж почти не отличался от того, что мы видели по пути на Пайн-Крик; разница была в ощущениях: мы съехали с Асфальта и оказались на узком, извилистом проселке. На шоссе нам время от времени попадались машины, дорожные знаки и указатели, и, хотя в целом оно было пустынным, признаки жизни были налицо. Здесь же, кроме самой дороги, ничто не напоминало о присутствии человека — ни построек, ни телеграфных столбов, ничего. Земля казалась совершенно пустынной и заброшенной. Однако, когда мы остановились, чтобы дать остыть мотору, в тишине вдруг отчетливо раздался цокот копыт. Мы удивленно озирались. Никого. Наконец из ближайшей рощицы появился всадник в расстегнутой до пояса рубашке и босой. К седлу была привязана банка пива.

— Если увидите двух парней со стадом, передайте им, чтоб не ждали. Джип у Гудпарлы накрылся, — сказал он и, не дождавшись ответа на свою загадочную просьбу, развернулся и уехал.

Это было единственное человеческое существо, которое попало нам между Пайн-Крик и Нурланджи.

До лагеря Алана добрались к обеду. Войдя в хижину-столовую, мы первым делом набросились на воду, после чего уселись за стол. В дверях появился единст-

венный клиент «Австралийского сафари». Он только что принял душ и был облачен в трусы и бесформенный жилет, с трудом прикрывавший огромный, обвисший живот. Владелец живота оказался мясником из Мельбурна, приехавшим сюда на несколько дней поохотиться. Он сильно обгорел: на шее у него зловеще выделялся багровый треугольник, а кожа на руках облезла. Нет, он никак не соответствовал моим представлениям об образе «бесстрашного белого охотника».

— Хэлло! — приветствовали мы его, старательно имитируя местный выговор. — Как самочувствие?

— Здоров как бык, — ответил он со смаком, треснув себя кулаком в грудь с такой силой, что все тело задрожало, как желе. — Могу одолжить при надобности.

Вскоре выяснилась причина его жизнерадостности: несколько часов назад он всадил пулю в голову огромного буйвола, который мирно поглядывал на него из-за кустов.

— Да-а, — глубокомысленно закончил он, — отдых вышел что надо. Настоящий праздник для мужчины.

Собственное тонкое замечание привело его в восторг, и он захохотал.

Проведя четыре дня в пустыне и исколесив окрестности на джипе с проводником-аборигеном, который пальцем указал ему на буйвола, мясник чувствовал свое явное превосходство над нами. Он порывался давать советы и рассказывать о повадках зверей — где их лучше снимать, с какого расстояния и так далее. Но мы решили, что надежнее будет положиться на советы старого охотника на буйволов Йорки Билли.

Йорки с женой, пятью детьми и табуном лошадей жил в миле от Нурланджи. Домом ему служил зала-

танный брезентовый навес, натянутый на четыре столба. Под крышей висела веревка, на которой вялились куски мяса. Перед навесом, потрескивая, дымился костерок. Картина самая мирная и уютная.

Хозяину перевалило за шестьдесят. Волосы давно поседели, а ноги стали кривыми за долгие годы, проведенные в седле. Кожа темная, как у аборигенов, но черты лица типично европейские. Йорки родился и вырос в этих краях, и мало кто знает их, как он.

— Мой отец приехал сюда искать золото, — рассказал он. — Местные прозвали его Йорки Мик, потому что он был из Йоркшира.

— Из Йоркшира? — удивился я.

— Да, это часть Британской империи, — терпеливо объяснил Билли. — Где-то к северу от Лондона. Старик разводил там лук и картошку. Но место было не ахти. Почти весь год — снег. Отец посчитал, что здесь куда лучше. — Он погладил свои длинные, свисавшие, как у моржа, усы. — Золота, правда, так и не нашел...

Как и отец, Йорки женился на аборигенке. Она выглядела совсем девочкой. Больше всего поражали ее тонкие как спички ноги. Пока мы разговаривали, она смущенно стояла под навесом с детьми.

— Это моя вторая жена, — сказал Йорки. — Первую я нашел, когда бродил по бушу. Она умерла. А эту, новую, я получил по закону племени. Ее родители просватали свою дочь за меня еще до ее рождения. Такие обещания нарушать нельзя. Конечно, тут как повезет. Во-первых, мог родиться мальчик, и тогда все отменилось бы. Во-вторых, девочка могла оказаться совсем хилой, тогда пришлось бы долго ждать, прежде чем жениться. Но мне повезло, она хорошая жена.

Йорки поселился неподалеку от Нурланджи, рассчитывая сдавать лошадей внаем заезжим охотникам. Но большинство гостей предпочитали стрелять из джипа, и Йорки переживал трудные времена. Раньше, когда он по праву слыл одним из лучших стрелков во всем крае, жить было намного легче.

— За большого буйвола получал, бывало, двадцать фунтов, а теперь и цены такой нет, — вздохнул он. — Если заработаю несколько фунтов, уже хорошо. Иногда перепадает пара монет за динго. Неплохо дают за крокодиловую шкуру, только пойдя достань ее... Как-то живу. И все еще надеюсь на золото, хотя мой старик так и не нашел его.

— А что, буйволы действительно опасны? — перевел я разговор на волновавшую нас тему.

— Так оно и есть, можете не сомневаться. Никогда не знаешь, что у него на уме. Бывает, охотник всадит ему пулю, но не дострелит до конца. Вот он и ходит с пулей в боку, ищет, кому бы отомстить. Среди них есть вообще дурные от природы. Эти, как завидят человека, тут же бросаются на него. Мне не раз приходилось спасаться от них на дереве. А то потом бы костей не собрал.

— Как вы советуете вести себя с буйволами?

— Ближе пятидесяти шагов не подходите. Дурных можно отличить сразу: у них морды такие угрюмые, и смотрят они злобно.

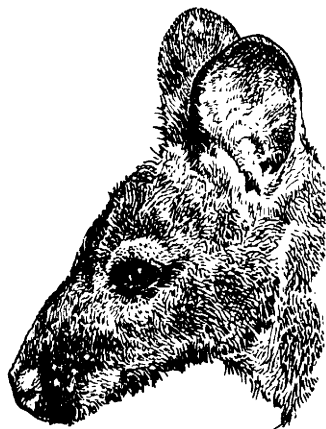
Я объяснил, что мы недостаточно знакомы с выражением «лиц» буйволов и вряд ли сможем отличить приветливый взгляд от враждебного, особенно с пятидесяти шагов.

— Ну что ж, если он кинется, а у вас нет ружья и на дерево не залезешь, потому как голо кругом, остается только одно. Стойте, а когда он подбежит совсем близко, бросайтесь на землю. Он перепрыгнет через вас и поскачет дальше.

— Я, помнится, вычитал в одной книге, — сказал Боб на обратном пути к ранчо, — что у буйволов совсем нет голоса. Они даже мычать не умеют. Поэтому при съемках буйволов вполне можно обойтись без звукооператора.

— Нападающий буйвол лучше всего смотрится под грохот копыт, — авторитетно заявил Чарльз. — Это усиливает впечатление.

— Ну что ж, когда он перепрыгнет через вас, перед тем как взять ноги в руки, не забудьте про меня. Я буду лежать в обмороке, — предупредил Боб.

Глава 2 ГУСИ И ГОАНА

Река Саут-Аллигейтор начинается в сотне миль к югу от Нурланджи, среди бескрайних, выжженных холмов, и тянется на север, пополняясь за счет мелких речушек, стекающих с западного края огромного, изъеденного эрозией Арнемлендского плато. В сухой сезон воды в реке не хватает, и во многих местах обнажается песчаное дно. Зато в сезон дождей русло наполняется желтой водой, в которой кишат крокодилы, а на берегу на деревьях вопят какаду. Ближе к устью, перед впадением в Тиморское море, река разливается по плоской равнине, петляет и путается в зарослях тростника и мангров в лабиринте болот возле Нурланджи.

Когда мы добрались до этих топей, уже вечерело. Мы ехали по равнине, почва которой представляла

собой так называемую голубую породу. В это время года она была совершенно голой, если не считать торчащих кое-где пучков сухой травы, а всего месяц назад все пространство на многие мили вокруг было залито водой. Палящее солнце превратило мелкие лагуны с тепловатой водой сначала в болота, а затем в жидкую грязь. Сюда приходили насладиться влагой стада буйволов; животные бродили, увязая по колено в мягкой, податливой глине. Но удовольствие длилось недолго. Когда последние капли влаги испарились, грязь стала твердой как камень, словно побывав в гончарной печи. Остались лишь глубокие рытвины — следы буйволовых копыт. Машину подбрасывало на них так, как будто она ехала по булыжнику.

Мы медленно приближались, выбирая участки поровнее, к поясу растительности, за которым началась глубокая, непересыхающая лагуна. Метрах ста от нее остановились, и, когда мотор смолк, из-за деревьев донесся гул. Казалось, что жужжит гигантский пчелиный рой. На самом деле это слились воедино гогот и клекот несметной стаи диких гусей.

Мы крадучись подобралась к деревьям, стараясь не наступать на сухие ветки. Наконец сквозь щели в густой листве открылся вид на болотистую лагуну.

Зрелище было потрясающее. Сколько бы раз ни доводилось видеть скопление птиц, это всегда поражает. Лагуна была широкой: от деревьев, где мы стояли, она протянулась по меньшей мере на целую милю. Слева, за маленьким, покрытым кустарником островом, садилось солнце, окрашивая матово-серую воду в розовый цвет. От обилия птиц рябило в глазах. Вереницы ибисов прочерчивали алое небо; черные австра-

лийские утки, карликовые гуси, древесные утки, чирки и пеганки плавали отдельными флотилиями; разноцветные цапли плотными рядами жались к берегу, маленькие коричневые птички тиркушки топотали по мелководью и, весело помахивая хвостиками, выискивали насекомых. Но больше всех было полулапчатых гусей; казалось, они заполнили всю лагуну, заглушая щебет и чирикание соседей своими гортанными криками.

Мы слушали их с упоением — ведь ради этих гусей мы, собственно, и прибыли на болото. Остальные птицы встречаются повсюду в Австралии. Но полулапчатые гуси водятся только в тропической Австралии и Новой Гвинее, да и в этих местах они никогда не собираются в такие стаи, как в лагуне возле Нурланджи.

Эти странные пернатые выглядят неуклюжими по сравнению с другими видами. У них довольно грузное туловище и необычно длинные лапы. На голове торчит смешной островерхий бугорок, похожий на клоунскую шапочку. Черное оперение прорезают на груди и спине широкие белые полосы. Большинство гусей плавали возле берега, погружая в воду длинные шеи в поисках луковиц водяных растений. Некоторые, насытившись, неподвижно стояли на отмелях. Я не пытался даже примерно определить их количество; говорят, что в болотах Саут-Аллигейтора их не меньше ста тысяч. Некоторые жители Территории жаловались, что от них просто не стало житья.

Несколько лет назад в Хампти-Ду, в сорока милях от Дарвина, собирались выращивать рис. Расчистили обширные участки земли и посадили рисовую рассаду. Дикий рис всегда был любимым лакомством полу-

лапчатых гусей, поэтому, обнаружив щедрую добавку к своим привычным угожьям, их огромные стаи прямо заполнили рисовые поля. Фермеры тщетно пытались согнать их — светили автомобильными фарами, крутили трещотки, ставили пугала и вопили. Ничто не помогало. Тогда по полям рассыпали отраву. Много птиц погибло, но число их не уменьшилось, поскольку новые и новые стаи волнами прибывали со всей Территории. Пришлось обратиться за помощью к военным. Солдаты, сменяя друг друга, беспрерывно палили из пулеметов над молодыми рисовыми побегами. Но площадь оказалась слишком велика: гуси перелетали подальше от пулеметов и садились на новом месте, где их было не достать. В результате идея создания рисовых плантаций не осуществилась. Гуси победили.

Следует сказать, что этой победе предшествовала целая серия поражений. Когда-то полулапчатые гуси обитали по всей Австралии. Они считались ценным трофеем, и на них вовсю охотились. Затем стали осушать болота, где они могли добывать пищу в сухой сезон. В итоге к середине нынешнего столетия этот вид птиц исчез с большей части континента. Правда, и сегодня в сезон дождей они разлетаются по всей Австралии, но с наступлением засушливой поры, когда болота и старицы высыхают, гуси дружно отступают к северному побережью — единственному оставшемуся прибежищу.

Спрятавшись за мангровыми деревьями, мы наблюдали за птицами, но заняться съемками было нельзя: для этого требовалось соорудить укрытие, а шум тут же спугнул бы птиц. Раздвинув ветки, я шаг-

нул на глинистый берег. Раздался громopodobный треск крыльев — огромная стая взмыла в воздух и, описав круг, перелетела на другой конец болота, оставив на воде расходящиеся круги.

Я заметил узенькую полоску суши, вдававшуюся в лагуну. Пожалуй, там следовало устроить наблюдательный пункт: все озеро как на ладони, а со стороны берега подход прикрывал густой кустарник, так что можно подобраться незамеченными. На стрелке выступа росла плакучая ива, одна из веток которой опускалась до земли; если к ней добавить еще несколько ветвей, получится прекрасная «ширма».

В ту же ночь мы соорудили укрытие, а на следующее утро, устроившись в нем еще до зари, начали наблюдать за гусями, приготовив для съемок камеру.

Укрытия редко бывают комфортабельными, но это оказалось особенно неудобным. Почва, поначалу казавшаяся твердой, вскоре начала проседать под ногами, и мы вместе с камерой на треноге стали медленно погружаться в трясину. Листва, успешно прикрывавшая нас от птиц, не менее эффективно защищала и от малейшего дуновения ветерка, изредка проносившегося над лагуной, так что атмосфера внутри весьма напоминала турецкую баню. По утрам и вечером с болота налетали комары и безжалостно изводили нас. Попытки усугублялись тем, что мы не решались размахивать руками и прихлопывать насекомых. Но зрелище, открывшееся перед нами, искупало все муки.

Гуси кормились так близко от нас, что можно было разглядеть ярко-розовую кожуцу у основания клюва и желтые лапки. У многих от барахтанья в грязи белые грудки покрылись тонкой коричневой корочкой.

Отсюда было отчетливо видно, что лапы у гусей лишь наполовину перепончатые; это одна из особенностей, которая выделяет их из всей массы пернатой дичи.

Чарльз, Боб и я боялись шелохнуться, переступали с ноги на ногу с превеликой осторожностью и переговаривались сдавленным шепотом. Мы вели себя так, словно очутились в храме, а поскольку поведение нередко вызывает соответствующие эмоции, мы действительно испытывали благоговение, глядя на происходящее. Мы чувствовали себя апостолами, которым открылось видение; нам было дозволено заглянуть в другой мир. Таким он выглядел до того, как человек появился на Земле. Он был неподвластен человеческому разуму, логике и морали. Этот мир жил по законам природы: колебания солнечного тепла, испарение воды, набухание почек и миграции гусей были в нем главными событиями. Все остальное отходило на второй план...

Спустя два-три часа порыв ветра разнес по болоту жужжание камеры. Отбившийся от стаи гусь, кормившийся совсем рядом с нами, выгнул от страха шею и взмыл вверх. За несколько секунд все уловили сигнал тревоги, и стая разом взлетела; гортанное гоготанье сменилось шумом отчаянно хлопающих крыльев.

Мы были в бешенстве — пропустить такой потрясающий кадр! Чары тоже развеялись. Вторгшись в чужое царство, мы нарушили его равновесие и гармонию.

Лагуна не случайно стала пристанищем гусей. Здесь и глубина была достаточной, и густо росла болотница — любимая пища этих птиц. Соседние болота принадлежали другим видам. В одной из тихих заводей маневрировала флотилия пеликанов. Создава-

лось впечатление, что они стараются все делать в унисон: пеликаны всегда плыли параллельными курсами, важно склонив под одинаковым углом свои смешные головы. Если они ловили рыбу, то разом погружали широкие клювы в воду и так же синхронно поднимали головы. Ансамбль не уступал слаженностью движениям девушек из хорошего мюзик-холла, исполняющих канкан.

К сожалению, заводь, занимаемая пеликанами, примыкала к пустынному берегу с очень редким кустарником, так что подобраться к ним незамеченным практически было невозможно. Стоило пеликанам почувствовать наше присутствие, как они тут же забывали строгую дисциплину, беспорядочно кидались в разные стороны и взлетали. В воздухе, однако, к ним возвращался инстинкт коллективизма. Они выстраивались гуськом и медленно улетали, синхронно взмахивая крыльями.

Иногда они планировали — опять же все вместе, разом прекращая махать крыльями. Даже менять направление они умудрялись одновременно. Совершенно непонятно, как птицам удается добиться такого мастерства. У них наверняка есть свой язык общения, о механизме которого нам ничего не известно.

В другом месте мы обнаружили австралийских журавлей. Увидеть этих редких птиц можно, только если очень повезет. Серые, с малиновыми шапочками на голове, они степенно расхаживают парочками вдоль берега, словно ведут серьезную беседу. Надо сказать, что все члены журавлиного семейства обладают склонностью к танцам, однако, по общему мнению, никто не делает это с таким блеском, как австралий-

ские журавли. Обычно они выступают парами, но иногда вся стая затевает дружную кадрили, опуская и поднимая головы, вытягивая шеи и прищелкивая клювами. Говорят, что, если одна птица вдруг собьется, остальные начинают возмущенно клевать ее, призывая к порядку.

К сожалению, те несколько пар, что мы встретили, ни разу не порадовали нас танцами. Время было не то, танцевальный сезон еще не начался. Как только мы приближались, журавли взмахивали крыльями и уносились к центру болота, где вновь заводили свои серьезные беседы. Нам оставалось лишь любоваться ими издали.

Белых цапель было, пожалуй, не меньше, чем гусей. На отдельных участках болота они скапливались так густо, что их стаи напоминали снежные сугробы. Стоило чуть потревожить цапель, как в воздух вихрем взметалось белое облако. В лагуне обитало четыре вида белых цапель — большие, средние, малые и египетские; они отличались друг от друга размером и оттенками окраски. Наше внимание особенно привлекали египетские цапли, поскольку обстоятельства их появления на Северной территории довольно загадочны.

Большую часть года египетские цапли почти неотличимы от малых, разве что тело у них поплотнее, а шеи потолще. Нужен острый глаз натуралиста, чтобы выделить их в стае малых белых цапель, да и то если заранее ожидаешь увидеть их там. Зато в период размножения — как раз, когда мы их наблюдали, — распознать египетских цапель очень просто: их выдает появляющееся на спинке и грудке желтовато-корич-

новое оперение. Сотни этих птиц бродили по болоту у Нурланджи.

История их появления в Австралии таинственна. Египетские цапли обитали здесь не всегда. Везде в мире они, как правило, живут по соседству с крупным рогатым скотом, проводя большую часть времени на спине у животных, выискивая насекомых. Таким образом, египетские цапли не могли появиться на Северной территории раньше середины прошлого столетия, когда там расплодился буйволы. Однако, судя по отчету орнитологов, составленному в 1933 году, этих птиц в это время на континенте не было. В том году фермеры-скотоводы Западной Австралии, озабоченные обилием клещей у животных, завезли из Индии восемнадцать цапель и выпустили их в Кимберли. Птицы исчезли, и все решили, что затея провалилась.

Но в 1948 году один ученый, путешествуя по Северной территории, заметил в стаях малых белых цапель множество птиц с характерными желтовато-коричневыми спинками. Не исключено, что это были потомки завезенных пятнадцать лет назад восемнадцати особей, и задуманная интродукция успешно осуществилась.

Мне думается, однако, что такое объяснение не учитывает природных особенностей египетских цапель. Эти птицы — одни из самых смелых и предприимчивых «колонизаторов» мира пернатых. Поначалу их родным домом были Азия и Африка. Затем колонии этих цапель обнаружили в Европе — на болотах в устье реки Гвадалквивир, на юге Испании. В 1911 году одна египетская цапля была замечена в стае малых белых цапель в Британской Гвиане (ныне Гайана). Нату-

ралисты предположили, что она отбилась от стаи и попутный ветер перенес ее через Атлантический океан. Но в 1930 году египетских цапель видели в Гвиане уже довольно много, а это значит, что они начали там размножаться. В последующие годы птицы расширили свои владения в Новом Свете — появились в Венесуэле, Суринаме и Колумбии. К 1952 году они добрались до юга Соединенных Штатов и продолжили путь на север, так что сейчас их можно встретить и в Канаде.

Появление египетских цапель в Северной Австралии совпало по времени с периодом, когда птицы уже прочно обосновались в Южной Америке. Похоже, что они прилетели в Австралию по доброй воле — в результате «демографического взрыва», побудившего их основать колонии почти во всем мире. По крайней мере, мне по душе эта версия. Приятно сознавать, что птицам удалось одурачить официальных лиц, придумавших жесткие карантинные и иммиграционные правила, которые нигде не соблюдаются так строго, как в Австралии.

Снимать птиц, обитающих возле Нурланджи, было довольно просто. Мы делали это из укрытий, а то и прямо из окна машины, медленно двигаясь по равнине. Удачным местом оказались заросли пандануса на берегу озера. Вскоре у нас появились «портреты» карликового гуся, трех видов ибисов, четырех видов уток, многих цапель, включая все четыре вида белых цапель, змеешеек, австралийских ходулочников, орлов и прочих птиц. Что касается полулапчатых гусей, то им мы пожертвовали целую кассету.

Запись их голосов тоже не представляла особых трудностей: Боб аккуратно фиксировал на пленке пение, чириканье или гогот каждой заснятой птицы. Как правило, он предпочитал работать один, подальше от стрекочущей камеры. Мы снимали какую-нибудь группу птиц, а Боб потом записывал их голоса; в дальнейшем при монтаже несложно было наложить фонограмму на изображение.

Правда, когда мы снимали отдельную птицу и хотели записать именно ее голос или шелест ее крыльев, приходилось включать кинокамеру и магнитофон одновременно. Технически это была трудная задача. Чарльз пытался уменьшить шум камеры, натягивая на нее специальную заглушку. Сооружение становилось громоздким и нескладным, снимать с руки уже было невозможно, ставился штатив, кожух из пенорезины налезал на объектив, так что навести фокус и отладить диафрагму становилось целой проблемой. У Боба было не меньше хлопот: приходилось устанавливать микрофон так, чтобы он не попадал в кадр, тянуть один шнур от микрофона к магнитофону, а другой — от магнитофона к камере, обеспечивая тем самым синхронное включение аппаратов, поскольку иначе невозможно совместить звук с изображением. И все эти манипуляции следовало производить, не пугая объект съемок, иначе он тут же улетал.

Между тем именно так по большей части заканчивались попытки синхронной кинозаписи. Однажды мы несколько часов бились над тем, чтобы подсунуть микрофон пеликанам, и, когда это почти удалось, неожиданно опустились сумерки, и сеанс, увы, пришлось отменить.

Пока Боб и Чарльз с мрачным видом разбирали аппаратуру и раскладывали ее по коробкам, я пошел прогуляться в соседнюю эвкалиптовую рощицу, метрах в двухстах от лагуны. Не успел я войти туда, как совершенно отчетливо понял, что предмет, который издали принял за бревно, на самом деле огромная ящерица. Неужели это гоана, которую мы безуспешно высматривали с начала поездки? Да, никаких сомнений, это была она. День прошел не зря, мелькнуло у меня, ящерица вполне компенсировала неудачу с пеликанами.

Она лежала боком ко мне, подняв голову и застыв как изваяние. Ящерица была тускло-серого цвета, с желтоватым оттенком; длина ее тела составляла около полутора метров. Когда я шагнул ближе, она устояла на меня пронзительным, немигающим взглядом, сильно напомилавшим взгляд ротного старшины, застукавшего солдата в самоволке. Я начал медленно отступать. Отойдя на несколько шагов, я развернулся и опроретью помчался к своим спутникам.

Боб и Чарльз, погрузив в машину коробки с аппаратурой, как раз закрывали последние замки.

— Гоана! — задыхаясь, завопил я. — Синхронная запись. Быстро!

Отдав распоряжение, я кинулся назад. Ящерица лежала в той же позе, не шелохнувшись. Я прислонился к дереву, чтобы перевести дух в ожидании Боба с Чарльзом. Мы с ящерицей сверлили друг друга глазами. Казалось, прошли века, пока наконец появился Чарльз, сгибаясь под тяжестью заново собранной треноги, камеры и звукозаглушающих причиндалов. Оставив его наблюдать за животным, я побежал к Бобу

узнать, не надо ли помочь. Он сидел в машине и рылся в коробке со шнурами.

— Подумать только, — невнятно бубнил он, — только что провод для синхронной записи был здесь. Куда я его задевал?

Я глядел, скрипя зубами от нетерпения, как Боб с доводящей до бешенства неторопливостью перебирал содержимое коробки. Помочь я ничем не мог и помчался к Чарльзу. Гоана лежала в той же позе. Она, похоже, желала узнать, чем кончится беготня.

Наконец явился Боб.

— Ну вот, — победно заявил он, — откопал-таки!

Звукооператор установил микрофон и аккуратно подключил шнур. Магнитофон был соединен с камерой.

— Звук готов, — шепнул он.

При этом сообщении ящерица впервые с момента нашего появления зашевелилась. И побежала. При том побежала с такой фантастической скоростью, что сухие листья разлетались в разные стороны. На глазах у киноэкспедиции она скрылась среди сплетения корней у подножия дерева. Выцарапать ее оттуда не было никакой надежды...

Мы молча побрели назад к машине. Никто не произнес ни слова, пока мы складывали пожитки. Молчание царило до самого Нурланджи.

Существо, ускользнувшее со съемочной площадки, по-научному называется вараном Гульда. В тропиках обитает множество видов варанов. В Австралии из них водится двенадцать, в том числе и самый маленький — очаровательное, миниатюрное создание длиной всего двадцать—двадцать пять сантиметров. Он

живет на западе континента. Варан Гульда — не самый крупный представитель семейства. Два других вида варанов — гигантский и сетчатый, — обитающие в центральных пустынных районах, достигают двухметровой длины. Ну а крупнейший из известных варанов — дракон острова Комодо — живет в тысяче миль к западу. Длина его тела достигает трех с половиной метров, и на сегодняшний день он считается рекордсменом по величине в мире ящериц. Однако в Австралии некогда обитал еще более крупный ящер, так называемый варан-мегалания, длина которого доходила до невероятных размеров — шести метров; останки этого гиганта были найдены в Австралии сравнительно недавно.

Название «гоана», закрепившееся за всеми австралийскими варанами, не совсем точное. Это искаженное слово «игуана», которым, строго говоря, следует именовать только южноамериканских ящериц — очень красивых созданий с чешуйчатым гребнем вдоль хребта. Вараны существенно отличаются от игуан. Из всех видов ящериц они ближе всех к змеям. У них длинный раздвоенный язык, как и у змей беспрерывно снующий взад и вперед. Правда, в отличие от змеиного язык варанов значительно длиннее и больше раздвоен. Представители обоих семейств пользуются им для доставки образцов воздуха в две ямочки в задней части нёба, служащие для определения вкуса и запаха. Вараны, как и змеи, не пережевывают пищу, а заглатывают ее целиком. Такой способ питания создает известные трудности, особенно если пища твердая или костлявая; однажды в желудке у варана была обнаружена маленькая черепаха. Основа-

ние черепа варанов защищено твердой костной пластинкой. Такая же пластинка есть и у змей.

К счастью, в отличие от многих змей у варанов нет ядовитых зубов. Ни одна из этих ящериц не ядовита. Они питаются падалью и мелкой легкодоступной живностью типа лягушек или птенцов. Из этого не следует делать поспешный вывод, что они совершенно безопасны. Обращаться с варанами надо осторожно: длинные когти способны нанести глубокие раны. Стоит их потревожить, как вараны становятся агрессивными и начинают злобно шипеть, с силой шелкая хвостом. Одним словом, им не стоит попадаться под горячую руку.

Неудача с ящерицей у пеликановой лагуны (так мы окрестили эту часть болота) не давала нам покоя. Вечером в лагере мы уже спокойно обменялись впечатлениями и решили попытаться счастья еще раз. Все члены экспедиции были настроены по-боевому. Мы ликвидировали прорехи в тыловом обеспечении, разложив коробки в задней части «лендровера» так, чтобы их можно было быстро вытащить по первому сигналу. В прошлый раз они оказались погребены под кучей второстепенного барахла, и это помешало операции. Боб заранее смонтировал свое звуковое хозяйство. Одним словом, в следующий раз мы рассчитывали выйти на «огневой рубеж», не уступая в сноровке команде стрелков на Королевском турнире¹.

Хотя надежды было не так уж много, мы поехали к лагуне, втайне рассчитывая на новое randevu с гоа-

¹ Королевский турнир — ежегодные состязания, проводящиеся в Лондоне. Включают демонстрацию военного мастерства. — *Примеч. пер.*

ной. И свидание состоялось. На сей раз ящерица сидела на открытом участке возле лагуны. Вокруг не было ни кустов, ни деревьев. Мы остановились метрах в сорока от нее. В считанные секунды Боб подсоединил микрофон к магнитофону. Чарльз нахлобучил на камеру глушитель. Мы осторожно двинулись к цели. Почва, издали казавшаяся твердой, была покрыта толстым слоем пыли, вздымавшейся облаком при каждом шаге. Гоана терпеливо поджидала гостей. Приблизившись на расстояние десяти шагов от ящерицы, Чарльз установил камеру на треногу и навел фокус.

— Готово, — прошептал он.

— Готово, — повторил Боб.

— Снимай, — еле слышно приказал я.

Камера пожужжала несколько секунд и... смолкла. Чарльз содрал кожух глушителя и открыл аппарат. Пленка соскочила с валика, забив всю внутренность камеры перекрученным целлулоидом. Чарльз, демонстрируя чудеса ловкости, вытащил рваную пленку и достал из кармана новую бобину. Я на цыпочках, не дыша шагнул вперед, пытаясь пристроить микрофон поближе к гоане.

Ящерица зашипела и вдруг бросилась на меня. Ошарашенный, я рванулся назад, зацепился за треногу и опрокинул камеру. Та шлепнулась прямо в песок. Гоана развернулась, помчалась к лагуне, нырнула в воду и уплыла, оставив на память о себе только брызги. Чарльз поднял камеру и высыпал из нее кучу пыли.

— Думаю, часа за два прочищу, — чихая, заметил он. — И кто знает, может, еще заработает...

Утром мы в третий раз отправились к лагуне. Мясник из Мельбурна изъявил желание присоединиться к нам. В присутствии постороннего уж никак нельзя было ударить лицом в грязь. Правда, втайне я надеялся, что мы не встретим гоану и тем самым не поставим под сомнение свое профессиональное мастерство.

Но гоана была на месте. Она дремала на жарком солнышке примерно в метре от лагуны. Для нас такая позиция была наихудшей, потому что ящерица в любую секунду могла нырнуть в воду.

Остановив машину шагах в двадцати от гоаны, мы стали шепотом держать совет. Сидевший сзади мясник, с восторгом обозревавший ландшафт, вдруг наклонился к нам и завопил:

— Да вот же она! Какая красotka!

На сей раз мы действовали как автоматы — все шло без сучка и задоринки. Каждый точно знал свое дело, и за полминуты аппаратура была готова. Наказав мяснику оставаться в машине, мы медленно пошли к гоане, замирая после каждого шага, чтобы, не дай Бог, не спугнуть ящерицу, лежавшую в опасной близости от воды.

— Пошевеливайтесь, ребята! — напутствовал нас во все горло мясник. — Не бойтесь, она не тронет!

Чарльз установил камеру и навел фокус. Боб присел на корточки у магнитофона, протянул мне шест с насаженным микрофоном, и я с превеликой осторожностью поднес его к гоане. Она очнулась от дремы, подняла голову, высунула длинный розовый язык, напрягла желтоватую шею и любезно зашипела прямо в микрофон. Все шло отлично.

— Может, расшевелить ее пулей, а? — вовремя вступил мясник. — Какое ж кино без стрельбы!

Гоана встала на ноги, сделала три угрожающих шага навстречу мне и, словно желая сделать приятное мяснику, с силой хлопнула хвостом. Чарльз не выпускал ее из кадра. Улыбка Боба растянулась от одного наушника до другого. Гоана повернулась и гордо прошеествовала по краю лагуны. Затем, словно следуя сценарию, она с недюжинным актерским талантом завершила эпизод, прыгнув в воду, и грациозно поплыла, рассекая воду волнообразными движениями тела.

Мы продолжали снимать до тех пор, пока она не исчезла под водой.

Нашей радости не было конца.

— Вот видите, дело-то ерундовое, — сказал мясник, когда мы уселись в машину.

— Да, — ответил я, — действительно пустяки.

Глава 3 ПЕЩЕРНЫЕ РИСУНКИ И БУЙВОЛЫ

В окрестностях Нурланджи человеку не грозит голод. Скучный пыльный буш и выжженные солнцем скалы кажутся бесплодными и неприветливыми, но те, кто знает эти края, легко находят пищу. В пышной кроне низкорослого бурравонгового дерева — одной из разновидностей семейства цикадовых — скрываются шишки с орехами; в илистом дне зарыты сочные луковицы качающихся на поверхности лагун розовых лотосов; даже мангры и панданусы плодоносят в сезон дождей, и их плоды вполне съедобны при умелой подготовке. Мясо можно добывать охотой на валлаби¹,

¹ Валлаби относятся к подсемейству кенгуру. — *Примеч. ред.*

которые водятся в густых эвкалиптовых рощах; в чистых водах заливов лениво плавают гигантские морские окуни — баррамунди. Наконец, неисчерпаемым источником питания являются несметные стаи водоплавающих.

И все же эти края пустыют. На ранчо в Нурланджи работают несколько аборигенов: мужчины сопровождают охотников, а женщины хлопочут на кухне и стирают. Но в буше мы не видели селений аборигенов.

Так было не всегда. Всего пятьдесят лет назад здесь жили люди племени какаду. Это были кочевники, бродившие семейными группами по бушу, время от времени собираясь вместе по случаю торжественных церемоний; правда, они не долго задерживались на одном месте. В начале века один из пионеров-поселенцев Северной территории, Падди Кахилл, обосновался в местечке Оэнпелли, что в шестидесяти милях от Нурланджи, на берегу реки Ист-Аллигейтор. Он приехал охотиться на буйволов и торговать шкурами, но вскоре у него появились огород, хлопковая плантация и стадо коров. Какаду нанимались на работу к Кахиллу — стреляли буйволов и собирали урожай. На заработанные деньги они покупали ножи, сахар, чай и табак. Жизнь в Оэнпелли оказалась для них сравнительно легкой. Постепенно все племя перестало кочевать и поселилось в округе.

В 1925 году Оэнпелли перешел под контроль миссионеров. Новые владельцы земли приложили все усилия, чтобы продолжить начатое Кахиллом дело, и помогли всем желающим переехать в поселок, где дети могли учиться в школах, а больные и старики получали медицинскую помощь.

Жизнь племени какаду резко изменилась; в миссию их больше всего влекло желание получить чай и табак. Многие потеряли навыки и забыли традиции кочевой жизни. В результате племя перестало существовать, растворившись среди прибывших в миссию людей. Сегодня в Оэнпелли осталось немногим более двухсот аборигенов. Но племени какаду уже нет, а их древние охотничьи угодья по берегам реки Саут-Аллигейтор совершенно опустели.

Тем не менее какаду, которые не возделывали полей и не построили ни одного дома, оставили по себе след на земле. Как и многие северные племена, эти люди были художниками, и их рисунки по сей день можно увидеть на утесах и в пещерах, где они когда-то останавливались. Горы вокруг Оэнпелли славятся обилием и красотой этих рисунков. Алан Стюарт рассказал нам об одной галерее наскальной живописи, совсем недавно обнаруженной белыми австралийцами. Мало кто из приезжих видел эти рисунки, добавил он.

Алан вызвался показать нам это место. Проехав около мили по направлению к Оэнпелли, машина свернула на юг и, с трудом продравшись сквозь частокол кустарников, выбралась на ровное место. Перед нами, словно огромная крепость, возвышалась над пыльным бушем скала. С полчаса мы объезжали ее, петляя среди деревьев и подминая бампером упрямые колючки. У подножия валялись скатившиеся сверху обломки. Особенно много их было с юго-западной стороны. Одни откатились довольно далеко, другие образовали хаотические нагромождения у самого подножия. Скала поднималась метров на двести.

Сходство с заколдованной крепостью ей придавали выступы в форме башен и зубчатых стен, изрезанные глубокими трещинами.

В одном месте козырьком нависал выступ, образуя открытую с боков пещеру. Сама скала была серая, в бурых потеках, поэтому стена пещеры особенно бросалась в глаза: от земли до «потолка», то есть на высоту трех метров, она была покрыта росписями белого, желтого и темно-красного цвета.

Несколько минут мы стояли, вглядываясь в переплетение линий и форм, прежде чем начали различать отдельные рисунки. В центре выделялся ряд человеческих фигур почти в натуральную величину. Они были нарисованы белой краской и тщательно обведены по контуру охрой. Вокруг условно изображенных лиц, лишенных индивидуальных черт, виднелись широкие красные круги с радиальными желтыми полосами — очевидно, головные уборы или сложные прически. Почти у всех на руках возле локтя или на запястьях красовались браслеты и плетеные украшения. Фигуры были явно женские — непропорционально большие стилизованные груди расходились у них под мышки. Нижняя часть вытянутых худых тел выцвела и почти стерлась, но у некоторых можно было разглядеть очертания ног; интересно, что стопы располагались не горизонтально, а свисали вниз, словно фигуры не стояли на земле, а парили в воздухе, как святые на фресках в византийских храмах.

Среди женских фигур затесалось странное существо неопределенного пола. Оно было запечатлено в движении, с чуть согнутыми коленями. В отличие от женщин, руки у него не были опущены вдоль тела, а

были скрещены на груди, вместо лица белел овал, на голове не было убора, а бедра покрывали перекрещивающиеся белые полосы, какие мы видели на ногах танцоров — исполнителей *корробори*¹. Похожие полосы, только поблекшие, украшали ноги некоторых женских фигур.

Над людьми плыла огромная баррамунди, выписанная тщательнейшим образом. Художник показал не только внешний вид рыбы, но и ее строение — на белом силуэте туловища охрой были обозначены пищевод, желудок и кишки. Это поразительно напоминало рентгеновский снимок!

По соседству, в укрытии, образованном привалившимся к скале большим камнем, мы обнаружили еще более странный рисунок: это была человеческая фигура с одной рукой и одной ногой. На белом лице выделялись два нелепых багровых глаза. Рукой и ногой существо придерживало белую ленту с красными поперечными полосами, выгибавшуюся полукругом от шеи до пояса. Странные выступы торчали из головы и из колена. Позднее сходные картины я обнаружил в энциклопедическом справочнике по живописи Арнемленда, составленном одним из крупнейших специалистов в этой области — Чарльзом Маунтфордом.

Автор книги приводит рисунок, сделанный для него во время посещения Оэнпелли. Художник-абориген рассказал Маунтфорду, что изобразил громовержца Мамарагана. Две полосатые ленты, тянущиеся от рук к ногам божества, символизировали мол-

¹ Корробори — коллективное танцевальное действо австралийских аборигенов с элементами пантомимы. — *Примеч. пер.*

нии, а торчащие из коленей и локтей выступы — каменные топоры, которыми Мамараган расщепляет деревья и убивает людей. Не исключено, что обнаруженный нами рисунок тоже представлял Мамарагана. Странно только, что художник сделал его одnorуким и одноногим. Можно, конечно, предположить, что он хотел показать громовержца в профиль, и поэтому мы видим только одну руку и ногу. Но это не согласуется с любовью художника к детализации — вспомним «рентгеновское» изображение внутренних органов рыбы.

Все остальные символы наскальных росписей были не столь загадочны. Над женскими фигурами проступал примитивный набросок старинного пистолета. В других местах виднелись мушкеты, сабли, парусные корабли и пароходы с валившими из труб клубами дыма. Трудно сказать, для чего художники изображали все это — для ритуальных или иных целей; не исключено, что им просто хотелось показать соплеменникам, какие чудеса они видели на побережье. От скалы до моря всего пятьдесят миль, так что аборигены час-тенко должны были наведываться туда.

На меня самое сильное впечатление произвели не причудливые изображения духов и не натуралистические зарисовки животных, а два отпечатка человеческих рук по соседству с пистолетом. Кто-то из приходивших сюда людей вымазал правую ладонь в охре и прижал ее к скале. Другой кроме ладони оставил на стене отпечаток запястья и предплечья. Эти две человеческие руки, запечатленные среди причудливых существ, порожденных фантазией художника, могли быть автографами мастеров. Что хотели они выразить

своими картинами? Сможем ли мы когда-нибудь постичь замысел художников?

Вооружившись карманными фонариками, мы стали методично обследовать пещеру. Задача оказалась непростой. Чтобы разглядеть мелкие рисунки под потолком, пришлось карабкаться на стены и сооружать из камней подставки. Но усилия были вознаграждены. В углах мы обнаружили изображения гоан, крокодилов, черепах, кенгуру и грациозно изогнувшихся в прыжке дельфинов. Некоторые помещались в таких недоступных местах, что можно было только диву даваться, как художники умудрились добраться туда. Это представлялось немыслимым даже при овеянной легендами ловкости аборигенов. Не исключено, правда, что здесь когда-то были выступы, со временем обрушившиеся. Можно ли это считать косвенным доказательством древности рисунков? Правомерно предположить и другое: если художники придавали своим творениям особый смысл, они вполне могли соорудить лестницу и даже леса.

Лазая по скале в поисках рисунков, я случайно заглянул в узкую расселину. Там, зажатый между стенами, лежал обесцвеченный человеческий череп. Он вопросительно уставился на меня пустыми глазницами. На дне валялись ребра и кости ног. К стене была прислонена длинная раздвоенная ветка, на которой висела котомка из выцветшей холстины. В ней лежали несколько отполированных камешков, деревянный брусок, наискось заштрихованный охрой, сплетенный из травы треугольник, распавшийся у меня в руках, и маленькая продавленная табакерка с витиеватой эмблемой викторианской эпохи на крышке. Вы-

пустившая ее фирма давно уже перестала существовать. Должно быть, это были пожитки умершего, его самые любимые вещи, оставленные здесь после ритуала похорон.

Травяной треугольник, закрывавший низ живота, служил единственной одеждой, которую носили члены племени какаду. Аляповатая табакерка, безусловно, считалась редким завидным сокровищем. Камешки и раскрашенный брусок были атрибутами священнодействия и поэтому представляли огромную важность для аборигена. Ценнее этих вещей у него ничего не было. Только самым близким людям доводилось их видеть при жизни хозяина. Я завернул их в ветхую холстину и аккуратно положил на прежнее место.

Мы полагали, что из всех животных Нурланджи легче всего будет снимать буйволов. И ошиблись. Буйволов в округе действительно было много, найти их в буше не составляло особого труда, и, будь мы охотниками, застрелить пару зверей было проще простого. Но мы приехали не стрелять, а снимать. Однако, как только мы попытались установить камеру, они галопом уносились прочь. Не знаю, то ли они нас слышали, то ли чуяли запах, но факт остается фактом: буйволы не стремились попасть на экран, оставляя нам на память лишь облако пыли.

Снабдив камеру самым сильным объективом, мы сделали несколько кадров буйволов, валявшихся в болоте в окружении верных египетских цапель. Однако животные находились примерно в полумиле от берега, и качество изображения оставляло желать лучше-

го. Дело было не только в расстоянии: нагретый воздух сильно дрожал, так что казалось, будто мы видим буйволов сквозь подернутую рябью завесу воды. Снимать их с дальней дистанции в буше мешали деревья и кустарники. Необходимо было подобраться к животным поближе, хотя такое сближение не привлекало ни нас, ни буйволов.

К этому времени к нам присоединились три зоолога из Канберры, изучавшие фауну Арнемленда. Один из них, Гарри Фрис, несколько лет назад занимался здесь, в Нурланджи, исследованием полулапчатых гусей. Он хорошо знал местность и повадки буйволов.

— Попробуем вот что, — предложил он. — Как только заметим группу буйволов, Дэвид с Чарльзом возьмут камеру и спрячутся в буше. Мы с Бобом объедем стадо с другой стороны и погоним его к вам. Тут главное — сидеть тихо. Если не совершите какой-нибудь глупости, хорошие кадры вам обеспечены.

План показался замечательным.

На следующий день в пяти милях от лагеря мы заметили буйволов. Такое крупное стадо нам до сих пор не попадалось. Подсчитать число животных не представлялось возможным: они были довольно далеко и с такого расстояния выглядели среди деревьев коричневыми тенями, наплывавшими друг на друга. Прикинув, мы решили, что в стаде голов сто, не меньше.

Слева от нас начиналось болото, справа поднималась цепь холмов с крутыми, каменистыми склонами. Между ними оставался естественный коридор, посреди которого торчало мертвое эвкалиптовое дерево с могучим дуплистым стволом. Гарри подъехал к нему.

Мы с Чарльзом выскользнули из машины и спрятались за деревом. Машина тут же двинулась дальше. Буйволы не должны были заметить нашего десанта, во-первых, потому, что дерево находилось довольно далеко, а во-вторых, ветер дул в нашу сторону, так что запах до них не доносился. Пока все шло превосходно.

Природа словно специально поработала над стволом дерева, чтобы превратить его в идеальное убежище: в дупле мог спокойно разместиться человек, а у самого основания оказалась дырочка для обзора. Я забрался в дупло и, прикинув к отверстию, стал наблюдать за происходящим впереди; Чарльз, присев рядом на корточки, расчехлил камеру. Судя по рокоту мотора и громоханию кузова, машина свернула вправо. Буйволы не проявляли никакого беспокойства. Шум машины стих, и буш снова ожил. Из-под куска коры выползла маленькая ящерица и занялась охотой на мух. Промчалась стайка разноцветных вьюрков и, опустившись на соседний куст, зачирикала, не обращая на нас внимания. Мы сидели не шевелясь.

Откуда-то издалека послышался слабый автомобильный гудок. Должно быть, Гарри и Боб уже объехали стадо и начали гнать буйволов в нашу сторону. Я прильнул к дырке. Чарльз проверил камеру. Всё наготове. Я увидел, что вожаки стада медленно затрусили по коридору в нашу сторону, как мы и рассчитывали. Животные не очень испугались машины и просто решили благоразумно отойти с дороги. Когда они поймут, что машина преследует их, все стадо галопом кинется прямо на нас. Дерево окажется как бы островком безопасности в гуще машин на городской улице в час пик. Кадры должны выйти потрясающие: мелька-

ющие в облаке пыли копыта, выпученные глаза, морды в клочьях пены и — крупным планом — лес страшных рогов в двух-трех метрах от объектива. Чарльз уперся плечом в дерево. Буйволы приближались. Вожаки прибавили скорость, напряженно вытянув шеи.

Чуть в стороне, слева, показалась стайка белых какаду. Не заметив нас, птицы уселись на ветвях дерева прямо над нашими головами. Грохот буйволиных копыт все нарастал, сквозь него время от времени доносилось гнусавое бибиканье автомобиля. Вожаки были уже метрах в пятидесяти. Чарльз не решался выглянуть, чтобы не выдать себя. Прижав камеру к стволу, он приник к глазку.

Неожиданно один какаду свесился вниз и приметил нас. Он выгнул шею, словно не веря своим глазам, и испустил пронзительный визг. Его приятели тоже взглянули вниз и скрипучими голосами стали выражать негодование. Сквозь глазок мне было видно, как вожаки стада на мгновение замедлили бег, в тревоге заколебались и вдруг резко свернули налево к болоту. Остальные ринулись за вожаками. Все стадо домчалось до берега и с плеском ухнуло в тину, исчезнув среди панданусов. Мы не успели снять ни одного кадра.

Это был первый, но далеко не последний случай, когда нас выдали какаду — самые бдительные, остроглазые и крикливые часовые буша, из-за которых смелые кинематографические замыслы летели насмарку.

Йорки Билли был уверен, что возле лагеря снять буйволов как следует нам не удастся.

— Их тут мало осталось, — сказал он, — всех пере-
стреляли.

Йорки посоветовал обследовать равнины вокруг Каннон-Хилл, в нескольких милях к востоку от Оэнпелли.

— Там буйволы ходят стадами и местность откры-
тая, так что хорошо просматривается, — добавил он.

Каннон-Хилл привлекал нас и по другой причине. Работавший в районе Оэппелли Маунтфорд писал, что в пещерах Каннон-Хилл и соседней горы под на-
званием Обири он видел многочисленные росписи. По его оценке, это были самые прекрасные образцы
наскальной живописи во всей Австралии. Нам очень
хотелось посмотреть Оэнпелли, но район вокруг мис-
сии был закрыт из-за вспышки эпидемии тифа. Зато
Обири и Каннон-Хилл располагались на нашем бере-
гу Ист-Аллигейтора, и въезд туда не возбранялся.

Каннон-Хилл лежит в семидесяти милях от Нур-
ланджи; учитывая дорогу, съемки наскальных изобра-
жений и буйволов должны были занять несколько
дней, за меньший срок не управиться. Мы решили на
всякий случай взять недельный запас провизии, хотя
трудности ожидалась не столько с продуктами,
сколько с питьевой водой: в тех краях она могла быть
заражена бактериями тифа. Алан Стюарт одолжил
нам две двадцатипятилитровые канистры, в которых
хранил метиловый спирт. Мы промыли их и наполни-
ли водой; кроме того, прихватили еще два брезенто-
вых ведра. Больше не было места. Прикинув, мы ре-
шили, что для радиатора воды хватит. Если не расхо-
довать ее на такое бесполезное занятие, как мытье,
мы втроем продержимся какое-то время.

Путь на Оэнпелли проложили грузовики, доставляющие в миссию продукты и все необходимое. Они ездят раз в две-три недели во время сухого сезона. По сути, это не дорога, а просто наезженная колея. Во многих местах она расходилась на три стороны; вскоре мы убедились, что прямой путь оказывался вовсе не самым коротким — впереди были участки с рытвинами, заполненными вязкой глиной, упавшее дерево или иное препятствие. Однажды застряв, водители грузовиков прокладывали объездную колею.

Без особой мороки мы пересекли несколько речушек. В это время года они превращаются в хилые ручейки, а глубокие места — в цепь прудов с мутной водой. Вскоре позади осталась белая крепость утеса Нурланджи. Едва различимая колея убегала на мили вдаль. За спиной клубился поднятый колесами хвост пыли. После трех часов езды буш неожиданно кончился, и перед нами открылась широкая равнина.

Несколько месяцев назад, во время муссонных дождей, ее поверхность, как и пустошь вокруг болот Нурланджи, была покрыта водой. Потом остались мелкие лагуны. Сейчас, в сухой сезон, она была испещрена выбоинами с твердокаменными краями, оставленными копытами буйволов. Далеко на горизонте серебрилась водная гладь, в которой отражались кустарники. Окажись на нашем месте умирающие от жажды путники, они из последних сил побрели бы к этой манящей воде, благословляя Провидение, сохранившее озеро посреди палящей пустыни. На самом деле никакого озера не существовало — это был мираж. При полном безветрии слой перегретого воздуха у самой земли начинает как зеркало отражать го-

лубое, безоблачное небо, а преломляющиеся лучи заставляли принимать кусты на другом краю равнины за растительность вокруг иллюзорного водоема.

На Северной территории часто можно увидеть подобные миражи. Тем не менее соблазн поверить в то, что это действительно вода, велик. Известен даже случай, когда один путешественник построил баркас, чтобы переплыть расстилавшееся на горизонте море, оказавшееся в действительности морем... песка.

Справа от миража равнину окаймляли утесы, похожие на нурланджийский, только у подножий здесь не было растительности. Одна скала имела длинный выступ на вершине и издали напоминала человека, вскинувшего ружье. Это, очевидно, и был Каннон-Хилл; правее должна находиться Обири. Значит, мы не сбились с маршрута. Но наше внимание привлек еще один объект: скопление черных пятен на бурой земле; поначалу мы приняли их за не успевшие высохнуть лужи. Я поднял бинокль. Это оказались буйволы.

Наконец-то появился шанс заснять их крупным планом. О таких кадрах мы мечтали с самого приезда. При удаче можно подъехать к стаду и снимать буйволов прямо из машины: мы уже убедились, что животные часто не реагируют на проезжающую машину, а пугаются только при виде людей. Чарльз достал камеру.

Машина медленно поползла по изрытой равнине. Мы находились уже в миле от стада. Животные не выказывали беспокойства. На пути у нас лежала глубокая впадина — русло реки, досуха выпитой солнцем. Две подобные котловины удалось раньше проскочить без происшествий. Теперь в полумиле от стада мы

оказались перед третьей. Машина нырнула вниз и попыталась с разгона выскочить наверх, но в этот самый момент мотор заглох. «Лендровер» остановился. Задние колеса проломили затвердевшую корку, и машина осела в мягкую голубоватую грязь.

Буйволы по-прежнему не обращали на нас никакого внимания. Мы лихорадочно перебирали варианты. С машиной придется повозиться — предстоит подкладывать ветви под колеса и толкать ее в гору. Скорее всего, не обойтись без выгрузки багажа. Буйволы наверняка же заметят возню, испугаются и благоразумно откочуют в буш с глаз долой. Редкая удача обернется ничем. В то же время снимать их отсюда не было смысла: с такого расстояния кадры выйдут никудышными. Можно, конечно, попробовать подобраться поближе, прихватив камеру и тяжелую треногу, но, если они кинутся на нас, придется либо бросить им камеру на растерзание, либо мчаться со всем снаряжением к машине, рискуя при этом завязнуть в грязи и подставить себя буйволиным рогам.

В итоге мы остановились на компромиссном решении. Я отправляюсь на разведку и смотрю, насколько близко можно подобраться к животным, не потревожив их. Если они бросятся на меня до того, как я окажусь на «съемочном» расстоянии, я налегке рвану обратно к машине. На ней, правда, далеко не уедешь, поскольку она плотно застряла, но, по крайней мере, есть куда спрятаться. Зато, если я смогу подойти незамеченным, на что мы сильно рассчитывали, Чарльз двинется по моим стопам с камерой.

— Не забудь советов Йорки, — напутствовал меня Боб. — Если они кинутся, падай ничком и замри.

Я был метрах в ста пятидесяти от стада, когда буйволы обратили на меня внимание и подняли головы. Я продолжал медленно идти вперед. Теперь уже все животные уставились на меня. Вид, правда, у них был довольно миролюбивый, никаких признаков агрессивности. Чарльз предупреждал, что с расстояния в сто метров кадры будут «плыть» от дрожания перегретого воздуха. Значит, надо подойти ближе.

Я находился уже метрах в пятидесяти, когда самый крупный буйвол сделал несколько шагов в мою сторону, вскинул голову и замотал рогами. Я встал как вкопанный, не отрывая глаз от него и пытаюсь прикинуть, далеко ли машина. В голове заработал счетчик: я подсчитывал, за сколько времени смогу домчаться до машины и удастся ли буйволу догнать меня. Задача оказалась слишком сложной, цифры путались в голове — сказывалась обстановка. Я все больше терял уверенность. «Метод Йорки» казался мне не столь уж надежным.

Здоровенный буйвол сделал еще несколько угрожающих шагов и снова замотал рогами. Ясно, что отсюда они не дадут нам снимать, я подошел слишком близко. Оставалось лишь бесславно ретироваться. Кстати, никто не гарантировал мне успешного завершения этого маневра. Я решил предвосхитить нападение и взять зверя на пушку. Подпрыгнув, я замахал руками и заорал. Буйвол отступил, развернулся и затрусил прочь. Осмелев, я побежал за ним, вопя во все горло, чтобы закрепить победу. Все стадо галопом помчалось в буш, поднимая облака пыли. Я остановился, глубоко вздохнул и повернулся к машине, готовясь принести Чарльзу извинения за то, что своей вы-

ходкой сорвал съемку. К моему удивлению, Чарльз был вовсе не у машины, а шагах в двадцати от меня. Оказывается, все это время он шел следом и снимал.

«Лендровер» мы вытаскивали часа два. Колеса увязли так, что задняя ось очутилась на земле, а рессоры провалились в грязь. Забравшись под машину, мы, лежа на животе, отбрасывали жижу руками. Потом отправились к зарослям, маячившим в полумиле от роковой впадины, нарвали веток молодых деревьев, чтобы подкладывать их под колеса. Боб завел мотор. Мы с Чарльзом навалились на шесты, действуя ими как рычагами. Колеса бешено вращались на месте. В нос ударял запах горячей резины. Наконец колеса, забросав нас с ног до головы грязью, прижались к веткам. Героическими усилиями машину удалось вытолкать из ямы. Можно было ехать дальше.

Мы взяли курс на Обири, где, по словам Алана, были потрясающие рисунки. Скала состояла из множества горизонтальных слоев. На ее западной стороне, на высоте около пятнадцати метров, выдавался вперед массивный выступ.

Заднюю стенку естественного открытого зала покрывал изумительный фриз с изображением красных баррамунди длиной полтора метра каждая. Баррамунди были нарисованы в знакомом нам по Нурланджи «рентгеновском» стиле: позвоночник, хвостовые плавники, доли печени, спинные мышцы, пищевод и кишечник. Среди этих благородных рыб были изображены змеиношейные черепахи, кенгуру, гоаны, эму и просто геометрические фигуры.

Фриз превышал пятнадцать метров в длину и поднимался на два метра в высоту, причем краску накладывали так густо и столько раз, что из-под более поздних росписей вылезали головы и хвосты предыдущих. Мы облазили все уголки пещеры, с восторгом разглядывая рисунки, показывая друг другу каждую деталь, неожиданный вариант или особенно интересное решение.

Время уже было позднее, чтобы начинать съемки, — через час совсем стемнеет, и мы поспешили поставить палатки. Несмотря на то что воды поблизости не оказалось, мы решили заночевать возле пещеры.

Место выглядело идиллически: сзади возвышалась огромная скала, впереди по одну сторону расстилалась бескрайняя равнина, а по другую — буш. Помимо отсутствия воды, стоянка имела еще один недостаток — немыслимое количество мух. Черные кишашие рои садились на лоб, руки, губы, глаза. И хотя существа они безвредные, ощущение от роя мух на теле препротивное; кажется, что тебя беспрерывно кусают. Я приготовил омлет, мы сели ужинать у костра, но назойливые мухи липли к тарелкам и пище, как смола; отмахнуться от них не было никакой возможности. Чтобы не глотать дюжину мух с каждым куском омлета, приходилось, поднося его к губам, долго-долго дуть и быстро запихивать в рот, пока на него не усеялась новая дюжина проклятых насекомых.

Мы разложили походные кровати, пристроили над ними москитные сетки и блаженно улеглись, надеясь, что хоть тут мухи нас не достанут. Я немного почитал при свете фонарика. Луч освещал лишь москитную сетку, весь остальной мир тонул в непрогляд-

ной тьме. У меня было ощущение, что я лежу в маленькой белой келье. Когда я выключил фонарик, белые стены исчезли и надо мной открылся во всем своем великолепии Млечный Путь. На фоне звездного неба угадывался силуэт Обири. Земля отдавала накопленный за день жар, ночь не принесла даже намека на прохладу. Спальные мешки за ненадобностью мы положили под матрасы.

Где-то после полуночи я проснулся. Тьма была полна звуков и шорохов. Время от времени раздавались пронзительные вскрики. Должно быть, какая-то птица, решил я, но спросонья не мог узнать ее голоса. Потом послышалось царапанье в том месте, где лежала провизия. Кто-то, скорее всего крыса, проверял наши запасы. Внезапно очень громко зашелестели листья панданусов, после чего раздался тяжелый шлепок.

— Послушай, — это был Боб, — что там за шум?

— Все в порядке, это крыланы, — успокаивающе прошептал я.

Почему я говорил шепотом, ума не приложу.

— Громковато для крыланов, тебе не кажется?

Что-то опять зашуршало и шмякнулось.

— Интересно, что это падает? — не унимался Боб.

— Плоды из клюва. Спи.

Сказать по правде, у меня тоже закралось сомнение. А что, если вовсе не крыланы возятся среди панданусов шагах в пятнадцати от лагеря? Кто же в таком случае? Я понял, что не засну, пока не узнаю. Пришлось вылезти из-под москитной сетки. Голый, я побрел босиком к панданусам, освещая путь фонариком. Приблизившись, я услышал громкое сопение,

треск ветвей, и из роицы в темноту метнулась огромная тень. Это был буйвол.

На следующее утро мы поехали вдоль скал искать рисунки. Среди хаотического нагромождения обломков поначалу было трудно определить направление поисков. Но вскоре мы научились находить места, которые аборигены облюбовывали для работы: выступы, защищенные от дождя уголки скал, пещеры, основания, необычной конфигурации своды или монолиты. На них, как правило, можно было увидеть росписи. Но самым верным признаком служили круглые ямки на поверхности плиты или гладкого камня. В них художники готовили краски, растирая булыжником охру. На то, чтобы выдолбить эти углубления в твердом кварците, требовались годы, поэтому художники выбирали место не наобум.

По пути мы мельком видели черных скальных валлаби — миниатюрных кенгуру размером с терьера. При виде нас они уносились прочь, с удивительной проворностью прыгая по камням.

Начавшийся в Обири маршрут увел нас далеко от лагеря, но самой интересной и законченной в художественном отношении картиной оказалась роспись в углублении невысокой скалы, напротив входа в главную пещеру. На ней была изображена группа охотников. Каждый был вооружен одним или несколькими копьями. Некоторые кроме копьев несли приспособления для их метания и веера из гусяных перьев, через плечо у них были перекинута корзинки, а на шее висели сетки. Каждый охотник имел индивидуальные черты; их позы, оружие и снаряжение тоже не повто-

рялись. Стиль рисунка резко отличался от анатомической манеры изображения рыб баррамунди — никаких лишних деталей, одни белые контуры на красноватой поверхности скалы. Причем если рыбы располагались на стене беспорядочно, налезая друг на друга, то здесь фигуры составляли скомпонованную композицию прямоугольной формы. Кроме того, изображения рыб и других животных были статичными и монументальными, а фигуры охотников выглядели совершенно живыми, схваченными на бегу. В целом возникало ощущение захватывающей охотничьей погони.

Никто не знает, какому племени принадлежат эти рисунки. Нынешние аборигены, согласно Маунтфорду, утверждают, что ни они, ни их предки не имеют к ним никакого отношения, картины создали *мими* (люди-духи), а изображенные на скалах фигуры — их автопортреты. Судя по рисункам, тела *мими* тонки как тростинки и так хрупки, что могут сломаться от сильного ветра. Они охотятся, готовят на костре пищу, едят, танцуют *корробори*, как и аборигены. Живут они среди скал, но никто их никогда не видел, потому что *мими* очень робки и обладают острым слухом. Заслышав шаги человека, они дуют на поверхность скалы, и та послушно раскрывается перед ними, *мими* проскальзывают внутрь, и скала вновь смыкается.

Говорят, что это добрые духи; в сцене охоты, однако, можно увидеть двух злых ведьм — *мамаракайн*. У них, как и у *мими*, тоненькие тела-тростинки, но нарисованы они красной охрой, а лица имеют треугольную форму. Аборигены верят, что злые ведьмы воруют у людей печень, жарят ее и съедают. На рисунке в ру-

ках у них можно видеть веревочную петлю — принадлежность колдунов, с помощью которой они переносятся по ночам на огромные расстояния.

Для съемок наскальных росписей мы пользовались небольшой, по очень мощной лампой на батарейках. Однако осветить ею фриз с изображением баррамунди оказалось невозможно: он был слишком велик. И здесь нам помогла сама природа. Картина помещалась на западной стене утеса Обири, и каждый вечер солнце, прежде чем исчезнуть за горизонтом, в течение десяти минут заливало пещеру светом, являя рисунок во всей красе. За эти десять минут надо было успеть его снять. Изображение было многоплановое, почти все участки стены густо расписаны; мы решили, что во время съемок я буду выступать в роли экскурсовода и, проходя вдоль фриза, показывать фигуры и рассказывать о них. Идея требовала синхронной записи.

Мы приготовились отснять этот эпизод в последний вечер у Обири. Боб проверил свою аппаратуру, а Чарльз установил камеру задолго до расчетного времени. Я отрепетировал все движения, прохаживаясь вдоль стены под критическим оком Чарльза и Боба. Любая оплошность лишила бы фильм красочных кадров, а возвращение в Нурланджи нельзя откладывать, запасы воды были на исходе, и, пропусти мы сегодняшний заход солнца, пришлось бы уезжать из лагеря, так и не засняв баррамунди. Тщательно подготовившись, мы ждали момента, когда солнце опустится, осветив пещеру, и густая охра заиграет всеми оттенками.

И вот этот миг настал. Весь фриз осветился снизу доверху. У нас было ровно десять минут.

Не успел Чарльз включить камеру, как Боб испустил крик отчаяния: магнитофон словно нарочно загудел электронными внутренностями! Ни о какой записи не могло быть и речи. Боб лихорадочно разобрал прибор и разложил детали на плоском камне. Все провода были целы, никакой поломки отыскать не удалось. Он снова собрал магнитофон, на всякий случай решив не укладывать его в корпус. И тут Боба осенило: солнце сильно нагрело то место, где стоял магнитофон. Видимо, в этом было все дело — известно, что некоторые транзисторы не выдерживают высокой температуры. Боб поставил магнитофон в тень и начал обмахивать его шляпой. Пронзительный свист в наушниках стал постепенно утихать. Чарльз продолжал снимать, а Боб прилежно остужал магнитофон. Кассета кончилась, буквально через минуту солнце нырнуло в кустарник, и пещера погрузилась в полумрак...

Возраст рисунков Арнемленда неизвестен. Некоторые из них имеют признаки довольно давнего происхождения. Мы находили фрески, покрытые тонким прозрачным слоем отложений, образованных стекающими струйками воды. Пистолеты, изображенные на рисунках в Нурланджи, давным-давно уже исчезли из этих краев. Наконец, тот факт, что местные племена отрицают свою причастность к рисункам с фигурами *мими*, дает основание полагать, что они были созданы людьми, жившими здесь очень давно и с тех пор перекочевавшими в другие места или исчезнувшими сов-

сем. Во всяком случае, некоторым росписям должно быть не меньше полутора веков, поскольку наскальные изображения рыб и черепах описаны еще сэром Мэтью Флиндерсом в отчете об экспедиции на остров Чам, в заливе Карпентария, в 1803 году. Рисунки могут сохраниться очень долго: окислы железа, дающие цвет охре, практически не тускнеют, а укрытия предохраняют картины от действия дождя и ветра.

Нет сомнений, что этот жанр уходит корнями в давние традиции аборигенов. Совершенно очевидно и то, что часть рисунков появилась сравнительно недавно. Подобное сочетание древности и современности придает им особое очарование и значимость: во многих отношениях они похожи на первые сделанные человеком рисунки — впечатляющие фрески каменного века, созданные двадцать тысяч лет назад в пещерах Европы.

На первый взгляд тематика австралийских рисунков отличается от европейских, где изображены дикие быки, бизоны, олени, мамонты и носороги. Однако с рыбами, черепахами и кенгуру их роднит одна очень важная деталь: обе группы животных были объектом охоты, источником пищи. В испанских пещерах можно увидеть изображения тонких как тростинки людей, до удивления похожих на *мими*. И в Испании и во Франции на стенах пещер встречаются отпечатки рук. Одна из красивейших французских пещер — Ласко — украшена загадочными геометрическими фигурами, похожими на австралийские. Впрочем, подобные фигуры встречаются во многих частях света. Рисунки чаще всего накладываются друг на друга в произвольном порядке; это тоже характерная черта

как европейской, так и австралийской наскальной живописи.

Техника рисунка также очень похожа. Все они выполнены минеральной краской — охрой — в скальных пещерах или укрытиях. Любопытно, что во Франции были найдены изображенные на древних фресках раскрашенные ритуальные предметы и приспособления для метания копий; обломки таких предметов мы обнаружили в пещерах Нурланджи и Обири.

О доисторических пещерах написано много книг. Было высказано немало гипотез об истоках и побудительных мотивах творчества людей каменного века. Но только здесь, в Австралии, можно попытаться понять это, поскольку аборигены продолжают рисовать и поныне. Правда, пещерных фресок они уже не делают, но традиция сохранилась: коренные австралийцы выводят похожие рисунки на коре. Если бы нам удалось увидеть современных художников за работой, мы смогли бы расспросить их, почему они рисуют, и тогда по аналогии попытаться представить себе, что побуждало человека на заре истории оставлять изображения на скалах и создавать первые произведения искусства.

Глава 4 ХУДОЖНИКИ АРНЕМЛЕНДА

Аборигенов, продолжающих делать рисунки, сравнимые с изображениями на скалах Нурланджи и Каннон-Хилл, надо было искать в Арнемленде. Эта обширная территория, по площади равная Шотландии, простирается от реки Ропер на юге до Арафурского моря на севере и залива Карпентария на востоке. Дорог там практически нет. На карту нанесены лишь районы, прилегающие к редким миссиям и правительственным постам, рассеянными вдоль побережья. Остальные области исследованы мало, и весь край считается диким. Между тем именно отсюда, с севера Австралии, начали знакомство с континентом первые европейцы.

В 1623 году «Арнем» и «Пера», два небольших корабля Голландской Ост-Индской компании, отплыли

из Батавии (тогдашнее наименование Джакарты) в поисках новых земель для торговли. Добравшись до западной оконечности Новой Гвинеи, капитан «Арнема» во главе небольшого отряда сошел на остров. В стычке с туземцами девять человек, включая капитана, были убиты. Оба корабля поспешно двинулись вдоль берега дальше на восток. Вход в Торресов пролив скрывала россыпь островов, а Новая Гвинея в те времена считалась частью огромного загадочного континента, нареченного голландскими мореплавателями, отважившимися забраться так далеко, Великой Южной землей.

Пройдя сквозь лабиринт островов, маленькая флотилия оказалась в Тихом океане. Корабли поплыли наудачу к югу, вдоль мыса Йорк, в сторону залива Карпентария. В этом месте корабли разделились. «Арнем» двинулся на запад — домой, к Батавии. По пути команда нанесла на морскую карту очертания длинного выступа неведомой земли. Сейчас трудно сказать, был ли это мыс Арнем или расположенные у побережья острова Уэссел, но с тех пор лежащую за ними территорию стали именовать Арнемлендом.

Картина, нарисованная капитаном второго корабля, «Перы», могла лишь отпугнуть желающих последовать по его маршруту. «Эти моря, — писал он в отчете о путешествии, — мелководны и пустынно; острова заселены скудно, а обитатели их жестоки, бедны и дики, посему не предвижу от них никакой выгоды для Голландской Ост-Индской компании».

Далеко не все, однако, разделяли суждения капитана. К берегам Арнемленда приплывали малайцы и купцы из Макассара; они вели торговлю с аборигена-

ми и ловили в здешних кристально чистых водах трепангов — деликатес, высоко ценимый на Востоке. Отмели привлекали японских ловцов жемчуга. Европейские мореплаватели, огибая рифы, высаживались на побережье, чтобы набрать пресной воды. Со временем европейцы начали селиться не только на морском побережье, но и на берегах заросших манграми рек; они выращивали табак, охотились на крокодилов, вели разведку месторождений полезных ископаемых.

Все чужеземцы быстро убеждались, что голые чернокожие люди, населявшие эти места, не прощают обид. Тем, кто вел нечестный торг или похищал женщин (особенно падки на это были японцы, увозившие аборигенок на своих парусниках), приходилось туго. Туземцы сражались с отчаянной храбростью. Немало их гибло в стычках с хорошо вооруженным противником, но и те тоже несли потери. Много пришельцев осталось лежать на этой земле с зазубренным копьем в груди; не один корабль поспешно отчаливал от берега, бросив в пустынной бухте на произвол судьбы тела погибших членов команды. Жестокости творили не только завоеватели XVIII—XIX веков, актов насилия было достаточно и в нынешнем столетии...

Никто не горел желанием осесть на этой суровой, негостеприимной земле. На юге континента, в местах с мягким климатом, стремительно росли большие города, на травяных пастбищах белые поселенцы стали разводить коров и овец, сгоняя с благодатных земель аборигенов. Только в Арнемленде все оставалось по-прежнему. До коренных жителей никому не было дела. Это обстоятельство и позволило им здесь выжить — в отличие от многих других частей Австралии, — сохра-

нив традиционный образ жизни. Собственно, у аборигенов не было возможности познакомиться с цивилизацией своих белых сограждан, поскольку прибывшие сюда белые люди преследовали отнюдь не цивилизаторские цели.

В 1931 году австралийская администрация, осознав наконец всю трагичность положения коренных жителей континента, объявила территорию Арнемленда резервацией. Отныне торговцы и старатели уже не могли бесконтрольно пользоваться доверчивостью «туземцев», а охотники на крокодилов — бить животных сколько душе угодно. На въезд в Арнемленд требовалось специальное разрешение, выдававшееся с большим разбором. Остатки племен нашли наконец убежище; здесь белые уже не могли беззастенчиво их эксплуатировать.

Арнемленд и сейчас остается зоной, закрытой для белых, за исключением лиц, непосредственно занимающихся оказанием помощи аборигенам. Эта работа ведется в поселениях, контролируемых государством и христианскими миссиями.

В Дарвине мы подали соответствующее прошение и получили разрешение на посещение Манингриды. Из всех поселений там скорее всего можно было рассчитывать найти мастеров, сохранивших преемственность с традициями предков. Департамент социальной помощи создал пост в Манингриде всего два года назад, так что влияние белых австралийцев не должно было сказаться очень сильно. Вдобавок это пока единственное поселение без миссионеров, ставящих перед собой задачу оторвать аборигенов от их племен-

ных верований. Известно, что подобное воспитание неизбежно приводит к вырождению традиционного искусства, выполняющего среди прочих и ритуальные функции.

Добраться до Манингриды по суше никому не приходит в голову. Раз в две-три недели туда отправляется катер с продовольствием, но самый удобный путь — самолетом. Мы зафрахтовали маленький одномоторный самолет, прибывший за нами из Дарвина. Взлетев над Нурланджи, машина развернулась и низко прошла над болотами; мы смогли бросить прощальный взгляд на места, где проработали несколько недель. С приближением самолета маленькие точки на сверкающей глади коричневых лагун распускали белые и черные крылья и, казалось, раздваивались, отрываясь от своих темных теней. Больше нам не доведется тревожить гусей... Пилот взял курс на восток, на Арнемленд.

Только теперь можно было по-настоящему ощутить, почему эта суровая, выжженная солнцем земля так долго отвергала поселенцев. Под нами расстилось бескрайнее голое песчаное плато, рассеченное глубокими оврагами и длинными прямыми разломами. Забавы ради я пытался мысленно проложить маршрут, по которому можно было бы провести караван вьючных лошадей или проехать на грузовике. Наметив какую-нибудь трассу, я пробегал ее взором в восточном направлении и каждый раз упирался в разлом, пересекавший воображаемый путь под прямым углом. Это напоминало детскую игру-головоломку, в которой надо карандашом прочертить путь сквозь запутанный лабиринт до «клада» в центре картинки;

только здесь не было ни верного маршрута, ни видимых признаков клада. Сходство с головоломкой на этом не кончалось: самый легкий путь до Манингриды был одновременно и самым длинным — по морю вдоль побережья.

Летчик повернулся ко мне и прокричал:

— Что будем делать, если откажет мотор?

Я взглянул вниз, ужаснувшись от такой мысли:

— Разобьемся?

— Спланируем вон туда, — опять прокричал он, указывая на маленькую, поросшую редкими кустиками прямоугольную площадку, окруженную с трех сторон скалами. — С такой высоты посажу самолет даже без мотора. Площадка вполне приличная. Только вот не представляю, как нас достанут оттуда. Всегда, когда лечу над пустыней, стараюсь запомнить такие места. Кто знает, может, пригодится однажды.

Мы продолжали полет. Теперь под крылом громоздились сплошные скалы. Я тронул пилота за плечо:

— А что делать, если мотор откажет сейчас?

Он посмотрел по сторонам:

— Молиться! Больше ничего не остается.

Час спустя впереди показался берег. Летчик ткнул пальцем влево, там извивалась река, разлившаяся широким устьем при впадении в море. К ней прилепилась кучка игрушечных домиков, казавшихся особенно крохотными по соседству с бескрайней пустыней. Это и была Манингрида.

Пять лет назад, когда суда департамента социальной помощи пристали к песчаному берегу в устье реки Ливерпул, здесь не было ничего, кроме мангров. С тех пор из Дарвина, за триста морских миль, сюда на-

чали завозить строительные материалы, мешки с цементом, тракторы и продовольствие. Приехавшие бригады плотников и каменщиков, работая в монашеском уединении, уже построили школу, больницу, столовую, склады и дома для работников станции, как называются отделения департамента. Были заложены сады, расчищен плац и засеяно травой футбольное поле. На высокой мачте развевается австралийский флаг.

Между тем люди, ради которых все это делалось, ютились на окраине станции. Одни жили в шалашах из коры, в беспорядке рассыпанных вдоль извилистого берега. Это были гунавиджи, племя приморских аборигенов. Мужчины делали долбленные челноки и ловили в море черепах и баррамунди, а женщины целый день бродили по мелководью возле рифов, собирая моллюсков и крабов.

На другом конце станции, среди тонких ростков эвкалиптовых деревьев, жило племя бурада. В отличие от гунавиджи, они никогда не были связаны с морем; раньше бурада обитали в глубине Арнемленда, собирая корни и охотясь на бандикутов¹ и валлаби в зарослях кустарника.

Некоторые аборигены носили потрепанную европейскую одежду, но на большинстве мужчин были лишь набедренные повязки — квадратные кусочки материи, завязанные на бедрах. Цвет кожи у них иссиня-черный, такой интенсивности и густоты, какой мне не доводилось видеть нигде в мире. Худые руки и

¹ Семейство австралийских бандикутов объединяет сумчатых млекопитающих размером от крысы до кролика. Его представители встречаются в Австралии, на Новой Гвинее и в Тасмании. — *Примеч. ред.*

ноги придавали им болезненно-изнуренный вид. На самом деле сухощавость — характерная особенность телосложения аборигенов. Волосы у них шелковистые, волнистые и совсем не похожи на жесткие курчавые шевелюры африканцев. Сильно выступающие надбровные дуги, приплюснутые носы с широкими ноздрями и непропорционально большие рты не соответствуют европейским канонам красоты. Но сияние улыбок, доброжелательность взглядов и грациозная легкость движений придают им обаяние и прелесть.

Нас предупредили, чтобы мы не рассчитывали на жильё: станция еще недостроена, и некуда было селить даже штатных сотрудников. Поэтому мы прихватили с собой палатки. Однако не успели мы вбить на берегу первые колышки, как к нам подошел управляющий Мик Айвори. Подрядчики только что сдали новый дом, сказал он, но жилец еще не приехал, и мы можем ночевать там. Предложение было охотно принято.

Днем Айвори показал нам станцию. По его словам, Манингрида не просто благотворительное учреждение, хотя, конечно, правительство тратит на его содержание немалые деньги. Если абориген селится здесь, он обязан работать. Дел хватает всем. Можно пилить бревна сизого каллитриса на лесопилке, готовить бетонный раствор для строительных бригад, помогать в садово-огородном хозяйстве, где под струями разбрызгивателей росли азимины, бананы, помидоры, капуста и дыни, расчищать и засеивать травой новые участки. Айвори надеялся, что скоро там можно будет пасти скот. Девочки и женщины могут работать на кухнях, а старики — рубить ветки на топливо. Взамен каждый работающий получал зарплату и вместе с чле-

нами своей семьи регулярное питание. На заработанные деньги он мог купить в местной лавке чай, табак, муку и ножи. Его дети ходят в школу, а по завершении строительства большинство семей въедут в собственные деревянные домики. Все жители поселения обеспечиваются медицинским обслуживанием. В медпункте работали две белые медсестры под наблюдением врача, прилетавшего сюда из Дарвина два раза в месяц; в случае острой необходимости он мог быть здесь через несколько часов, и тяжело заболевших доктор доставлял на самолете в дарвинскую больницу.

Многие из здешних аборигенов знали кое-что о жизни белых еще до основания поселения: одни работали на люггерах искателей жемчуга, другие бывали в Дарвине или жили в разбросанных по побережью миссиях, а сейчас осели здесь. Но время от времени сюда прибывали семьи *миаллов* — «диких» аборигенов. Они устраивались недалеко от станции, в буше, где чувствовали себя в безопасности, и внимательно наблюдали за странным поведением своих оседлых соплеменников. Мик Айвори не раз отряжал к ним гонцов с приглашением поселиться на станции хотя бы на время, попробовать. Чаще всего посланцы получали в ответ язвительные насмешки, а *миаллы* откочевывали подальше. Но иногда приглашение принималось. В течение двух недель новеньких кормили бесплатно вместе со всеми — немалый соблазн, когда дичи в буше становилось мало, — но в конце срока они должны были либо начать работать, либо покинуть станцию.

— До этого редко доходит, — заметил Мик. — Наша цель ведь не в том, чтобы прогнать их. Если они остаются, то нам, как правило, удается уговорить их

работать. Беда в другом: многие не хотят жить здесь ни под каким видом и рвутся обратно в буш.

Через несколько дней Мик повел нас в лагерь племени бурада. Мы подошли к шалашу из веток и кусков коры, перевязанных полосками материи; он стоял особняком, возле зарослей кустарника. В тени дома сидел старик в ветхой набедренной повязке, скрестив ноги так, что колени касались земли, — подобную позу невозможно принять, если не сидеть так всю жизнь. На груди и на руках у него были длинные рубцы от ран — следы обряда инициации, совершенного в юности.

Завидев нас, он улыбнулся, продемонстрировав белые, сточенные почти до десен зубы — результат долгого употребления очень твердой пищи.

— День добрый, начальник.

— День добрый, Магани. Эти люди, — Мик указал на нас, — хотят посмотреть рисунки черных людей. Я им сказал, что лучше тебя нет художника во всей Манингриде. Разве не так?

— Так, так, босс, — закивал Магани, воспринимая реплику не как комплимент или частное мнение, а как само собой разумеющийся, неоспоримый факт.

— Ты покажешь им свою работу?

Магани с минуту смотрел на нас угольно-черными глазами.

— Да.

В первый раз мы пробыли в гостях не долго, зато потом несколько дней подряд с утра приходили к его шалашу, садились рядом, курили, беседовали. Снимать его мы не решались.

Магани рисовал кенгуру на тонком прямоугольном куске коры, однако кончать картину не торопился и потому охотно вступал в разговор.

Говорил он на пиджин-инглиш, но понять его поначалу было трудно: интонация, произношение отдельных слов и непривычные ударения сбивали с толку. Немного по привыкнув, я стал стараться говорить так же, иногда перескакивая на пиджин, выученный несколько лет назад, во время экспедиции на Новую Гвинею. Тамошний вариант сильно отличался от австралийского, и боюсь, что мои попытки угодить старику запутывали его еще больше. Ему было бы куда легче, если бы я говорил на нормальном английском. Но я непроизвольно корежил язык, считая, что невежливо хотя бы не попытаться приблизить свою речь к языку, на котором он привык изъясняться. И хотя наш разговор получался немного бестолковым, я очень скоро уловил, что Магани обладает природным чувством юмора.

Как-то раз мы с Чарльзом и Бобом сидели у него дома, наблюдая, как он рисует. С нами было еще двое аборигенов со станции. Все расположились на полу хижины. Неожиданно один из гостей с визгом вскочил на ноги.

— Жмея, жмея! — завопил он, указывая пальцем на маленькую изумрудную змейку, соскользнувшую на земляной пол из-под коры. Все запрыгали как ужаленные. Один Магани оставался невозмутимым. Пока мы тыкали в змею палками, он сидел неподвижно, держа над картиной смоченную в охре кисточку. Наконец, змею прикончили и выбросили из хижины. Когда кутерьма стихла, Магани повернулся ко мне,

широко улыбнулся и с безукоризненным австралийским акцентом произнес два кратких слова, означавшие совершенно непристойное ругательство.

— Магани, — сказал я, оторопев, — это очень неприличные слова.

— Извините, — ответил он, закатив глаза и вознеся руки к небу. — Извините, — повторил он громко, словно прося прощения у богов. — Затем он перевел взгляд на меня. — А что такого? Все в порядке, — сказал он с наигранным удивлением. — Сегодня же не воскресенье. — И, довольный шуткой, захихикал.

— Где ты научился этим словам? — осуждающе спросил я.

— В Фанни-Бей, — ответил он. — Фанни-Бей — это тюрьма в Дарвине.

— За что тебя посадили?

— Дело прошлое. Давно было. Белые люди решили — я опасный. Лучше меня в тюрьме держать.

У Магани был подмастерье по имени Джарабили, помогавший ему рисовать и проводивший почти все время в хижине учителя. Он был моложе Магани, высокого роста, с худыми, впалыми щеками и горящими глазами. Мрачноватый по натуре, Джарабили никогда не шутил сам и не смеялся над шутками. Все, что мы говорили, воспринималось им очень серьезно и тщательно взвешивалось. Однажды я спросил, как звучит на его языке название какого-то животного. Он воспринял это как мое желание освоить язык бурада и с тех пор каждый вечер находил меня, садился рядом и диктовал длинный список непонятных слов. После этого он заставлял меня отложить в сторону записи и проверял, запомнил ли я вчерашний урок. Ученик из меня выхо-

дил никудышный, но Джарабили был настойчив и терпелив. Выученного запаса не хватало даже для простенькой беседы, но зато, когда время от времени я вставлял кое-какие слова бурада в свой пиджин, на лице Джарабили появлялась довольная улыбка. Правда, его учительские труды вознаграждались не часто.

Шалаш, в котором мы провели столько времени, был не единственным владением Магани. По сути, это была «студия» — он там рисовал. Его жена и дети жили в другой хижине, поближе к станции, но Магани там только спал и ел. Было у него еще и третье убежище, подальше в буше, — там он держал собак. Он сообщил нам, что как раз недавно одна из его любимиц ошенилась.

— Сюда их не можно,— заметил он. — Мик застрелит.

Дело в том, что на станции развелось жуткое количество бездомных собак, воющих от голода, и Мику Айвори пришлось принять жесткие меры. У Магани было тайное подозрение, что мы поступим с его щенками так же, поэтому, хотя он явно гордился потомством своей собаки, показывать его отказался наотрез. Мы не настаивали.

Бывало, мы не обнаруживали его ни в «студии», ни в семейном доме. Однажды, нигде не найдя его, мы встретили Джарабили. На вопрос, где Магани, он, немного помявшись, ответил:

— Пошел в буш, делает *дело*.

Слово «дело» он употреблял, когда говорил о религии. Мы не стали приставать с расспросами.

У людей племени бурада практически нет никакой собственности. Они исстари вели кочевой образ жиз-

ни, а посему страсть к владению вещами, терзающая многих из нас, обошла их стороной. В «студии» Магани висели котомка и плетеный кисет с кистями. У него было несколько копий и *воммара* (*вумера*) — приспособление для метания копья — длинный деревянный брусок, один конец которого был вырезан в форме ручки, а другой заострен. Острый конец вставлялся в прорезь в древке копья. *Воммара* практически удваивает длину руки, увеличивая рычаг и соответственно силу броска. Завершая описание имущества Магани, упомянем трубку — тонкий деревянный мунштук с маленькой металлической чашечкой для табака; эта модель называется «макассарской трубкой». Аборигены пользуются ею с незапамятных времен, когда индонезийские купцы завезли ее на континент. Трубка всегда была замотана в грязную тряпочку; зачем это делается, мы узнали позже.

У Джарабили была *диджериду* — полая ветка, проеденная термитами; он прочистил ее и превратил в музыкальный инструмент. Иногда он играл для нас на этой трубе, издавая низкие дрожащие звуки и умудряясь вплетать в мелодию неожиданные крещендо и богатые ритмические вариации. Из *диджериду* трудно извлечь какую-нибудь ноту, но Джарабили мог тянуть ее несколько минут, раздув щеки и набирая воздух через нос, как опытный профессиональный фаготист.

Наша дружба с Магани и Джарабили крепла день ото дня, и мы наконец испросили разрешение поснимать их. Магани согласился и даже решил начать специально для нас новую картину, чтобы мы смогли запечатлеть каждую стадию творческого процесса. Для

работы годилась кора только одной определенной разновидности эвкалипта. Впятером мы отправились на поиски подходящей заготовки. Магани намеревался найти «лакомый кусок» и создать на нем крупное полотно. Одолжив у соседа топор, мы двинулись в буш. По пути попалась большая хижина, сооруженная из длинных полос коры, уложенных поверх ветвей. У Магани жадно заблестели глаза.

— Вот это кора! Как раз то, что надо. Ночью приду и унесу, — заговорщицки подмигнул он.

В буше было полно эвкалиптов с волокнистой корой. Но Магани оказался привередливым. Девять из десяти деревьев он отвергал сразу же. Иногда он делал топором зарубку на стволе, но кора то была слишком тонкой, то плохо отделялась; на некоторых деревьях она была чуть потрескавшейся, на других — покрыта мелкими дырочками. Многие стволы стояли голыми, здесь поработали до нас и уже сняли кору — кто для покрытия хижин, кто для рисования. Я уже начал опасаться, что мы так и не найдем подходящего дерева, поскольку Магани, горевший желанием создать великое произведение, предъявлял к материалу завышенные требования. Но как раз когда меня почти одолели мрачные предчувствия, он отыскал дерево, удовлетворявшее всем стандартам.

Мастер сделал топором примерно в метре от земли круговую зарубку. Приставив к стволу валявшуюся ветку, он забрался по ней на ствол и, уцепившись за него ногами, ловко вырезал еще одно кольцо — в полутора метрах выше. Затем он провел вертикальный надрез между двумя кольцами и осторожно содрал ог-

ромный кусок, оголив белую поверхность, по которой струйками потек сок.

Вернувшись в лагерь, Магани аккуратно соскоблил наружный слой, потом разжег костер и положил кору внутренней стороной на огонь. Огонь был такой, что кора не горела, но сок испарялся, и кора становилась гибкой и податливой. Через несколько минут Магани вытащил ее, разложил на земле и придавил камнями, чтобы, затвердевая, она превращалась в абсолютно ровный лист. Час спустя «холст» был готов.

Для работы Магани пользовался четырьмя красками. Он показал нам, где берет их. В высохшем русле реки он собрал мелкие камешки лимонита (бурого железняка). Проводя ими по камню, художник отбирал только те, что оставляли желтые и красные линии. На берегу, среди мангровых зарослей, он выкопал яму и извлек оттуда белую глину — каолин. Толченый древесный уголь давал черную краску. Эти четыре цвета и составляли основу палитры. Кроме лимонитовых камешков, у него была другая охра, дававшая густой, насыщенный красный цвет. Такая охра добывалась не здесь, а где-то южнее, и ее продавали жившие на той территории племена. Она была поэтому особенно ценной. Магани хранил ее в висящей на стене котомке, тщательно завернутой в тонкую, как бумага, кору.

Кроме красок требовался еще один материал — мясистые стебли орхидеи *Dendrobium*, растущей на верхушках эвкалиптовых деревьев. Магани говорил со вздохом, что уже слишком стар, чтобы собирать их самому; эту работу исполнял Джарабили, ловко забиравшийся по стволу и срывавший нужные стебли. Их сок служил фиксатором, не позволяя краскам растекаться.

Лист коры полностью просох, можно было начинать работу. Расстелив его на земле, Магани уселся перед ним скрестив ноги. Сбоку он поставил раковину и несколько жестяных коробочек из-под сигарет, наполненных водой. Растерев красный камешек на обломке песчаника, он ссыпал охру в раковину и пальцами размазал получившуюся краску по коре, создав сплошной красный фон для рисунка. Затем мастер пожевал один конец стебля орхидеи и набросал им контуры будущих фигур. Для рисования он пользовался тремя видами кисточек: веточкой с разжеванным концом наносил широкие мазки, другой, с заточенным концом, — штриховку, а третьей, с прицепленными к концу волокнами, выводил тонкие, изящные линии. Движения художника, точные и уверенные, свидетельствовали о его богатом опыте и мастерстве.

Под рукой Магани возникали стилизованные фигуры кенгуру, людей, рыб и черепах. Изображения были просты, никаких подробностей, только общий абрис. Зачем детализировать, если каждый и так знает, как выглядит кенгуру или человек? Предполагается, что зрительское воображение дополнит рисунок. Задача художника — сделать их узнаваемыми, для чего достаточно выбрать и подчеркнуть наиболее характерные черты.

Даже на наш неопытный глаз все фигуры были узнаваемы. Символы получались очень точными. Ящерицы Магани были не просто ящерицеподобными существами, а гекконами и гоанами, сильно отличавшимися от крокодилов; среди рыб легко можно было узнать баррамунди, морского кота или акулу. И все же некоторые изображения были стилизованы настоль-

ко, что неискушенный зритель вряд ли мог уловить аналогию. Так, круги с выступами, разделенные перекрестной штриховкой, представляли лагуны с родниковой водой: круги служили символом лилий, а штриховка изображала воду. Если к этому добавлялось изображение длинной палки, обозначающей шест, то получалась сцена добывания луковиц водяных растений в устье реки.

В целом композиция являла собой мозаику фигур в окружении геометрических символов моря, песка, туч и дождя. Картина не имела перспективы и отличалась богатством композиционных решений; разглядывать ее можно было бесконечно. Особенно примечательным было то, что изображения человеческих фигур ни разу не повторялись. И хотя рисунки внешне выглядели простыми и примитивными, они доставляли огромное удовольствие. Строгость палитры диктовала тонкую гармонию цвета, а сдержанность символики придавала изображениям достоинство и силу. На наш взгляд, картина была исполнена своеобразия и красоты.

Мне кажется, что художник не представлял себе заранее всю композицию, а отдельные сцены вырисовывались у него в процессе работы. Лишь главные фигуры были задуманы с самого начала. Иногда он стирал смоченным в воде пальцем неудачную линию, но я ни разу не видел, чтобы он что-либо менял в символе — ни его черты, ни расположение. Вокруг Магани собиралось немало желающих помочь, он не возражал против «коллективной» работы. Довольно часто Джарабили или кто-то другой подсаживался рядом, брал кисти и без спроса начинал разрисовы-

вать пустой угол коры. Магани охотно подсказывал, что именно надо делать.

Все, с кем мы разговаривали, охотно называли себя художниками. Их даже удивляла сама мысль, что человек может не быть художником. Рисование для этих людей — такое же занятие, как любое другое; они не воспринимали его как искусство, а получали удовольствие от процесса работы и не утруждали себя разглядыванием чужих картин. Когда разнесся слух, что мы интересуемся рисунками, к нам начали приходиться люди со своими произведениями. Но мало кто мог сравниться с Магани. Никто не обладал таким мастерством, воображением и профессионализмом, как он.

Я спросил Магани, почему он рисует. Вопрос озадачил его. Он ответил, что мы же сами попросили его. Пришлось объяснить, что нас интересует другое. Ведь он рисовал и раньше, до того, как мы приехали в Манингриду. Почему? Мик платил ему деньги за рисунки, а на них можно купить в лавке табак — другого объяснения вытянуть из него не удалось. Но появление покупателей не могло быть единственной причиной. Мы хорошо это знали и по наскальным изображениям, и по свидетельствам первых путешественников. Что же побуждало предков Магани рисовать?

— Мы всегда это делали, — твердил он.

Когда Магани закончил «полотно», каждую стадию создания которого мы запечатлели на пленке, я попросил его подробно рассказать обо всем нарисованном. Мы уселись вокруг куска коры, и художник начал комментировать картину. В центре ее располагались две вытянутые фигуры с короткими ответвлениями, отходившими от нижнего конца. Внутри они

были разделены на квадратики, заштрихованные белыми, желтыми и красными линиями.

— Это деревья, а в дупле дикий мед, — сказал Магани.

Детали были несущественны для образа, поэтому художник свел их до минимума. Возле деревьев размещалось пять маленьких человечков.

— У этого парня — топор и котомка, он рубит дерево, достает мед, — продолжал Магани, — у этого — копье, он убивает собаку динго... А здесь две женщины и мужчина разжигают костер, потом лягут спать.

Над этой группой были нарисованы гоана, геккон и ящерица с торчащими из шеи красными ушами.

— У этой большие уши, — пояснял Магани.

Мы поняли, что он изобразил плащеносную ящерицу, которую нам уже доводилось видеть в Нурланджи. Отличительной особенностью этой необыкновенной рептилии был огромный лоскут кожи, поднимающийся вокруг шеи наподобие круглого жесткого воротника времен королевы Елизаветы I.

По другую сторону медового дерева я увидел какой-то загадочный символ: вытянутый, заштрихованный в середине прямоугольник с красными, желтыми и черными полосами по краям. Сбоку над ним склонялась человеческая фигура, лицом касаясь прямоугольника. Ниже были нарисованы две другие фигуры — одна танцевала, а вторая стучала палочками. Мы видели, что так отбивают ритм певцы.

— А это что? — указал я на прямоугольник.

На все предыдущие вопросы Магани отвечал громко и не раздумывая. Но тут он вдруг наклонился и шепотом произнес:

— Юрлунггур.

— А почему шепотом? — также тихо спросил я.

— Это Юрлунггур. Если говорить громко, мальчики или женщины могут услышать, что я называю его имя.

— А что в этом такого? Почему они не должны слышать?

— Потому что Юрлунггур — это тайна. Он связан с *делом*. Его сотворил бог.

Я слабо представлял себе, кем (или чем) мог быть Юрлунггур. Одно было ясно: он связан с каким-то ритуалом, и о нем не говорят в присутствии непосвященных мальчиков и женщин. Был ли он предметом, духом или тем и другим сразу, я так и не узнал.

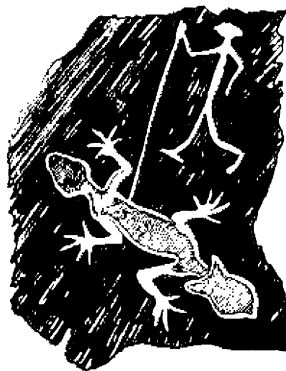
— А где он живет?

— Далеко, в буше.

— Магани, я не женщина и не мальчик. Можно мне его увидеть?

Магани пристально посмотрел на меня и почесал нос.

— Так и быть, — сказал он.

Глава 5 РЕВУЩИЙ ЗМЕЙ

Магани шел сквозь буш широким, решительным шагом. Он держался прямо, даже чуть откинувшись назад, руки болтались вдоль туловища, а босые ноги запросто наступали на сухие ветки и колючки. Поблизости от лагеря бурада, в зарослях кустарника, были протоптаны тропинки, но они постепенно сужались, и вскоре мы оказались в глухом буше, куда редко ступала нога человека. Пройдя еще с полмили, мы вышли к большому, сооруженному из веток шалашу. Перед нами сидел Джарабили. Он ничем не был занят, просто сидел скрестив ноги и глядел в пространство. Когда мы подошли вплотную, он вздрогнул и посмотрел на нас мутным взглядом. Магани быстро заговорил с ним на языке бурада, и они вдвоем исчезли

в шалаше. Оттуда наши друзья осторожно вытащили длинный шест и положили его на землю.

— Юрлунггур, — сказал Магани.

Шест длиной два с половиной метра был покрыт красной краской и разрисован символическими изображениями гоан. Внутри он был полым и с одного конца имел восковой мундштук. Я не сразу догадался, что эта труба — гигантская разновидность *диджериду*. Стоя на коленях, мы стали разглядывать необычный инструмент.

— Он умеет говорить, — сказал Магани, гордо улыбнувшись. — Послушай.

Он лег на бок, вставил мундштук в рот и раздул щеки. Юрлунггур издал громкий, раскатистый рев, куда сильнее обычной *диджериду*.

— Мы часто приходим сюда. Рисуем на нем, — добавил Магани.

Так вот, значит, где он пропадал, когда мы не находили его в «студии». Это и было то самое *дело*, на которое туманно намекал Джарабили. Нам приоткрыли завесу над тайной, полного смысла которой мы еще не могли постичь.

Теперь, увидев единожды Юрлунггур, мы могли ходить в эту хижину сколько угодно. Если здесь никого не было, труба лежала тщательно замаскированная ветками, и мы не трогали ее. Но чаще всего Магани и Джарабили сидели возле волшебного инструмента, терпеливо добавляя новые детали украшений. Магани объяснял, что труба должна быть вся разрисована, потому что скоро она понадобится для торжественного ритуала. На то, чтобы узнать смысл церемонии и связанный с нею миф, понадобилось немало време-

ни. Каждый день мы заговаривали об этом с Магани, и я все аккуратно записывал.

Этот миф широко распространен в северной части Австралии. Многие варианты его были записаны и раньше, но, слушая Магани, я старался отрешиться от всего прочитанного и ловил каждое его слово. Я избегал задавать наводящие вопросы, не выуживал содержание, не пытался уточнять ход событий и выстраивать их в логической последовательности, присущей нашей беллетристике. Впрочем, и наши собственные мифы в своей оригинальной форме не отличаются логикой. Мы воспринимаем их как цепь фактов и не задаемся вопросом, где в них логика. В конечном счете библейская легенда о том, как змей уговорил нашу прародительницу отведать яблока и тем самым лишил людей дара бессмертия, столь же лишена логики, как и легенда, рассказанная Магани.

Было также ясно, что, даже тщательно записав все события, о которых упоминал Магани, я вряд ли смогу до конца понять их как следует, потому что для него вся история имела свой особый смысл. Мифы, рожденные нашей культурой, кажутся мне не более чем забавной аллегорией. Для Магани же эта легенда была историей его народа и его родных краев, историей, исполненной такого мистического страха, что даже имя главного персонажа не должно было слетать с уст в присутствии непосвященных.

Вот как звучит записанная нами история.

«В незапамятные времена, когда земля была ровной и гладкой, когда звери ходили на людей, а люди — на богов, две женщины пришли на юг из страны Вавилак. Их звали Мисилгое и Боалере. По пути они давали

имена животным и растениям, которые до той поры были безымянными. Мисилгое ждала ребенка, и, когда они подошли к месту, где из земли бил ключ, она почувствовала, что ребенок зашевелился во чреве. Этот источник назывался Миррамина, и находился он неподалеку от реки Гойдер, что к востоку от Манингриды. Итак, им пришлось остановиться, и, пока Мисилгое отдыхала, Боалере добывала пищу. Она собирала ямс и луковицы лилий, ловила гоан и бандикутов.

Сестры не ведали, что источник был жилищем гигантского змея Юрлунгура, который спал под черной водой. Вскоре Мисилгое родила ребенка. Это был мальчик, и его назвали Джанггалангом. Боалере собралась изжарить на костре убитых животных, как вдруг они ожили и прыгнули в источник. Тут сестры догадались, в чем дело.

— Наверное, под водой лежит змей. Подождем до захода солнца, — решили они. — Может, тогда удастся поймать кого-нибудь.

Тем временем кровь Мисилгое, пролитая во время родов, затекла в источник и замутила воду. Юрлунгур отведал крови и узнал, что сестры сидят у источника. Мисилгое надрала коры и соорудила из нее люльку для младенца. Потом она построила шалаш, где они собирались провести ночь. Но Юрлунгур, рассерженный тем, что женщины осквернили его источник, вылез из колодца. Вместе с ним выползли и укрывшиеся там гоаны. Он зашипел и нагнал своим дыханием тучи на небо. Мир погрузился во тьму. Мисилгое мирно спала, а Боалере, взяв палочки, стала отбивать ритм, плясать и петь, чтобы умиловить змея. Наконец, обессилев, она забралась в шалаш, уселась на

палочки, благословила их, после чего заснула рядом с сестрой.

Юрлунггур проглотил младенца Джанггаланга, а затем сожрал обеих сестер. Он изогнулся до неба, тело его стало радугой, язык — молнией, а голос — громом. Из поднебесья он призвал змей со всего края и рассказал им о случившемся у источника. Змеи высмеяли его и обозвали глупцом. Зачем ты съел женщин и младенца, сказали они. Юрлунггур вернулся к колодцу, изверг из себя живых женщин и младенца и опять погрузился на дно».

Это был лишь эпизод из длинной саги о двух сестрах Вавалаг и мужчинах Вонгар, которые встретили женщин вскоре после того, как они живыми вышли из змеиного брюха. Легенда все разрасталась. По ходу действия все животные получали имена, а люди — повеление свыше совершать обряды обрезания и скарификации¹, зарождались ритмы ритуальных танцев и устанавливался порядок торжественных церемоний. Определялась и общественная структура племени бурада — тотемы, кланы и семейные ячейки. Каждый человек был так или иначе связан с главными персонажами легенды, и степень родства с ними определяла его положение в племени.

Миф был нескончаем, как «Кольцо Нибелунгов», и полон смысла, как Книга Бытия. Женщинам не позволялось знать его, а мужчины открывали его постепенно, в течение всей жизни. Прежде чем мальчик появляется на свет, его дух покидает тотемический

¹ Скарификация — нанесение на тело мелких надрезов в ритуальных целях. — *Примеч. пер.*

источник, где обитают духи его предков, и переселяется в чрево матери. Когда мальчику исполняется восемь-девять лет, он проходит обряд обрезания и его частично посвящают в тайны мифа, доступные пониманию ребенка. С возрастом ему открывают все новые детали и священные символы, пока наконец в старости он, подобно Магани, не постигает смысла жизни. Человек умирает, а его дух, покинув брненное тело, вновь возвращается в тотем, откуда вышел много лет назад.

Магани и Джарабили готовились показать маленький эпизод мифа молодым людям, достигшим того возраста, когда им надлежит увидеть священные символы, а также обучиться ритуальным танцам и песнопениям; после торжественного посвящения перед ними откроется следующая ступень понимания мира. Предстоящий ритуал символизировал возвращение к жизни гоан, скрывшихся в священном источнике Юрлунгура.

Представление требовало тщательной подготовки. Каждый день Магани и Джарабили приходили к хижине и усердно разрисовывали *диджериду*. Даже в незаконченном виде труба была священным предметом, и, когда я неуважительно протянул над ней руку, чтобы взять что-то, лежавшее по другую сторону, Джарабили цыкнул на меня и отчитал. Так обращаться с Юрлунгуром не полагается.

Диджериду по всей длине была разрисована изображениями гоан, чередовавшимися с длинными заштрихованными прямоугольниками — символами самого Юрлунгура. После каждой фигуры Магани прекращал работу, пристраивался на земле возле тру-

бы и дул в нее. Юрлунггур отзывался низкими дрожащими звуками. Джарабили брал затем ритмические палочки и, отбивая ими такт по трубе, выкрикивал священное имя. Каждый разрисованный участок завершался такой процедурой: ведь только «убаюкав» Юрлунггура, можно было двигаться дальше.

Однажды, закончив пение, Джарабили погрузился в глубокую задумчивость. Он сидел не шевелясь, с палочками в руках, а по его застывшему лицу текли слезы.

— Вспомнил об отце, — объяснил он.

Позже я узнал, что этот Юрлунггур был создан для похорон и, по словам Магани, на нем играли, чтобы «сказать последнее прощай» уходящим из жизни; в прошлый раз Джарабили помогал разрисовывать его как раз по случаю смерти своего отца.

Я спросил Магани, трудно ли играть на этом инструменте.

— Попробуй, — ответил он и, увидев, что я заколебался, добавил: — Не бойся, попробуй.

Я лег на землю, как это делал Магани, вставил в рот восковой мундштук, сжал губы, надул щеки и дунул в трубу. Раздался сиплый, икающий звук, по меньшей мере на октаву выше раскатистого баса, который получался у Магани. Джарабили пришел в ужас.

— Стой, стой! — страдальчески запричитал он, затыкая пальцами уши. — Мальчики, женщины — все могут услышать!

Комментарий льстил самолюбию, но, боюсь, вряд ли кто-нибудь услышал мое соло. На всякий случай я решил больше не трубить. Юрлунггур выглядит простым инструментом, но это впечатление обманчиво. Для игры на нем не следует напрягать губы, и даже

Магани приходилось делать несколько попыток, чтобы добиться нужной вибрации губ и заставить резонировать воздух в трубе.

В тот день произошло непредвиденное. Играть на Юрлунггуре имели право только Магани и Джарабили. Под вечер к хижине пришел кривобокий бородастый старик, которого я раньше не видел. Трое мужчин повели беседу, после чего гость улегся на землю и приложил к губам мундштук. Он подул, но инструмент молчал. Магани нетерпеливо наблюдал за происходящим. Джарабили явно нервничал. Бородач дунул еще раз — с тем же успехом. Магани бесцеремонно оттолкнул его и сам пристроился к трубе. Но и у него ничего не вышло. Он дул и так и сяк — все без толку. Магани сел, лицо его искажилось от ужаса.

— Там засел дьявол, — прошептал он сдавленным голосом. Но, подумав секунду, добавил, уже более спокойно: — Или появилась трещина.

Вдвоем с Джарабили они тщательно осмотрели каждый кусочек трубы. Все было в полном порядке. Я вспомнил свои жалкие попытки сыграть утром на Юрлунггуре и со страхом подумал, как бы они не связали эти два события. Магани лег на землю и вновь приник к инструменту. На сей раз из трубы вырвался сильный рев. Все облегченно заулыбались.

В тот вечер больше никто уже не решался дотрагиваться до трубы; в оба конца вставили затычки из коры, а Джарабили страстно произнес над ней заклинания, чтобы внутрь не залетел не только дьявол, но и дух его отца и деда. После этого трубу спрятали в шалаше.

Пока Магани и Джарабили втайне от всех оформляли Юрлунггур, в других уголках буша столь же скрытно совершались иные ритуалы; дело в том, что

оба племени, бурада и гунавиджи, делились на несколько кланов, а те, в свою очередь, подразделялись на тотемические группы, и каждая община имела свои ритуалы. Помимо этого у члена племени были собственные священные предметы, которые он лелеял и с которыми общался один на один; лишь самым близким родственникам, принадлежавшим к тому же тотему, разрешалось видеть их. Бродить по бушу стало нелегким делом: приходилось внимательно следить за тем, чтобы бестактно не нарушить чужое священнодействие.

Обычно я договаривался с кем-нибудь из подростков помочь дотащить до места съемочную аппаратуру. В один из дней, когда мы шли по бушу, я заметил сидящего на акации лори — маленького желтогрудого попугая с красной головкой. Птичка вспорхнула, и я в азарте двинулся за ней сквозь кустарник, велел мальчику идти следом. Пройдя шагов двадцать, я обернулся и увидел, что мальчик стоит на месте как вкопанный. Птичка снова взлетела, я поспешил за ней, недовольным голосом приказал своему спутнику не отставать. И тут, обогнув очередной куст, я заметил сидящего старика.

На коленях у него лежал обмотанный листьями длинный деревянный предмет, который он смачивал стекающим с тела потом. Мальчик стоял позади меня, но все же достаточно близко от старика. Заметив нас, старик снял предмет с колен, сунул его под бревно, на котором сидел, и прикрыл куском коры. Затем он встал и сердито заговорил с пареньком. За нарушение обычая тому полагалось платить штраф; они сошлись на двух пачках табаку. Понятно, что платить предстояло мне, поэтому размер штрафа был увеличен. Но я

был рад, что инцидент закончился благополучно: по законам племени наказание за такой проступок могло быть куда строже.

В другой раз тот же старик, с которым мы успели подружиться, подвел меня к дереву, к ветвям которого было привязано штук десять длинных, увесистых палок. На одних болтались пучки перьев, другие были замысловато разрисованы по всей длине точечками и перекрестной штриховкой. Эти священные предметы принадлежали другой тотемической группе: ее члены собирались под этим деревом, чтобы общаться с духами своих предков.

Постепенно я начинал понимать, что такие владения разбросаны вокруг станции по всему бушу. Разделенные невидимыми границами, они напоминали мне птичьи территории. Точно так же, например, делят лес дрозды, и это определяет их поведение. Каждый самец имеет преимущественное право на определенную площадь, и, посмей другой дрозд залететь на чужую территорию, владелец поведет себя агрессивно — примет соответствующую позу и начнет бранить нарушителя. Интересно, что виновник, проникший «за границу» в поисках пищи, ведет себя, будучи обнаруженным, крайне трусливо и поспешно убегает восвояси.

Поведение людей в буше вокруг Манингриды было очень похожим, с той лишь разницей, что в подобной ситуации они оказались не по своей воле. В обычных условиях племена аборигенов жили бы на огромной территории, на расстоянии многих миль друг от друга. Никто не нарушал бы священного уединения. Но здесь, в поселении, собралось слишком много людей, принадлежащих к разным тотемам, по-

этому возникали трудности, и вести себя приходилось осмотрительно.

Мы уже поняли, что аборигены значительную часть времени в той или иной форме посвящали *делу*. Надо было провести множество мелких ритуальных обрядов, подготовить священные предметы, произнести над ними заклинания, совершить помазания и с наступлением каждого нового сезона отпраздновать *корробори*.

Я спросил у Мика Айвори, как он относится к такой плотной занятости своих подопечных, ведь это означало нарушение графика работы на лесопильном заводе и в других подразделениях станции. Он ответил, что разрешил проводить малые *корробори* только по выходным. Но все эти ритуалы лишь часть подготовки к грандиозной церемонии, в которой участвует все племя.

В первый раз, когда подошло время большого *корробори*, Мик понял, что его запреты не властны: церемония состоится, несмотря ни на какие увещевания. Пришлось объявить этот день национальным праздником и даже выдать каждому «сухой паек», поскольку церемония должна была проходить на берегу реки Блайз, в нескольких милях от станции. Однако праздничный день вылился в долгое гулянье, и нормальная работа возобновилась только через неделю.

В следующий раз Мик остановил все работы на три дня, но продуктов уже не выдавал и настоятельно просил всех вернуться вовремя. Большинство выполнило просьбу начальника. Как будут развиваться события дальше, покажет время. Вскоре в поселение должен прибыть миссионер. Как он отнесется к ситуации — неведомо...

Несколько раз мы присутствовали на малых *коррорах*, проводимых племенем гунавиджи. В субботу мужчины собирались в прибрежной эвкалиптовой рощице. Все утро они разрисовывали тела, готовясь к церемонии, а во второй половине дня начались танцы.

Аборигены танцевали двумя группами; в каждой был старик солист, который, притоптывая перед остальными, вычерчивал *воммарой* на песке сложные фигуры. Танцующие двигались за ведущим, ритмично подпрыгивая и что-то выкрикивая хором. Затем они все разом падали на колени и ползли по песку. Солисты сближались и вдруг начинали тыкать друг в друга пальцами, гримасничая и показывая при этом язык. За происходящим внимательно наблюдала группа юношей с копьями в руках. Когда танец заканчивался, все гуськом шествовали к окраине поселения. Там их ожидали женщины и дети, столпившиеся вокруг дерева с обрубленными ветвями. Солисты, громко распевая, кидались к дереву. Под визг разбегающихся в разные стороны женщин они взбирались на ствол по торчащим веткам, а юноши водили вокруг хорова, издавая отрывистые вопли.

Разобраться в символике было нелегко. Старики солисты изображали змеев; представление у эвкалипта предназначалось для юношей с копьями и составляло часть церемонии посвящения. Вот, пожалуй, и все, что мы поняли. Остальное было загадкой.

Я разговорился с одним гунавиджи, пытаясь прояснить значение ритуала. К сожалению, ни с одним из членов этого племени мы не сошлись так близко, как с Магани; у меня не было уверенности, что гунавиджи понимает мои вопросы, а я — его ответы. Он мог говорить мне то, что, по его мнению, я хотел ус-

лышать; с таким же успехом он мог просто не знать ответа, но из гордости не желал в этом признаться. Скорее же всего он решил не раскрываться, поскольку со временем нас стали считать членами клана Магани. Это можно было понять: большую часть времени мы проводили с ним. Тем самым мы отрезали себя от остальных, и, как и самому Магани, нам не пристало допытываться, что означает тот или иной обряд. Из любопытства нельзя было переступить границы приличия.

Живущие в поселении белые австралийцы не горели желанием познакомиться с ритуалами аборигенов. Управляющий лесопилкой не выказывал ни малейшего интереса. Его отношение к чернокожим согражданам определялось их умением подкатывать бревна к циркулярной пиле и укладывать доски в штабеля. Двум живущим здесь медсестрам даже при желании никто бы не позволил увидеть или услышать то, что происходит во время важнейших церемоний; правда, как на белых, на них не распространялись ограничения, обусловленные обрядами, но все же они были женщинами, а ни одна женщина не допускается в тайные дела мужчин.

Что касается Мика Айвори, то он находился на особом положении. Прояви он хоть малейшую симпатию к одной группе, он не смог бы руководить остальными. Ему следовало оставаться беспристрастным судьей и не выражать кому-либо симпатий. На то были веские причины.

Однажды вечером из лагеря гунавиджи послышались крики и плач. Мы побежали узнать, что случилось. Двое мужчин расхаживали по территории, вопя друг на друга. Вздывая руки, пронзительно кричала женщина.

Сцена выглядела нормальным скандалом с обменом оскорблениями. Но вдруг в воздухе просвистело копьё. Я не успел заметить, кто его бросил, как в следующую секунду с противоположной стороны пронеслось другое копьё. Лагерь закипел, все пошло вверх дном, забегали взад-вперед мужчины, зарыдали женщины.

Мик как ни в чем не бывало прошел сквозь бурлящую толпу и через пару минут выволок оттуда двух зачинщиков, затеявших дуэль на копьях. У одного зияла глубокая рана на голове и пол-лица было залито кровью. На мой взгляд, вмешательство Айвори было делом опасным. Замечу, что всю операцию он провел поразительно хладнокровно, действуя с абсолютной уверенностью.

Вот как он сам позже объяснил нам происшедшее.

— Драки с копьями у нас дело обычное, что вы хотите — скученность. Ссоры случаются примерно раз в месяц, как правило, из-за женщин или во время азартной игры. Сладить с ними довольно просто, если подоспеть вовремя. Эти люди дерутся по правилам. Один кидает копьё и ждет, пока другой ответит. Остальные в это время орут. Тут-то и надо их утихомирить. Если опоздать и дать им время сгруппироваться по кланам, дело может принять серьезный оборот. Пока на зрителях надеты брюки, можно быть уверенным, что в драку они не полезут, потому что всерьез сражаются они только в набедренных повязках. Вот если они начинают снимать брюки, дело плохо.

Белые строители жили отдельно. По распоряжению Айвори они не имели права входить в лагерь; Мик опасался неприятностей: кто-то мог начать приставать к женщинам-аборигенкам или угощать спиртным (в лагере действовал сухой закон). Вид у рабочих

был, прямо скажем, пугающий. Заросшие щетиной, голые по пояс люди часами вкалывали под палящим солнцем и, как считалось, получали гигантские деньги. По вечерам они сидели по домам и устраивали грандиозные пьянки. Самыми счастливыми были дни прибытия катера.

Однажды судно задержалось, и строители почти на две недели остались без выпивки. Ящики с пивом лежали поверх остального груза и потому первыми оказались на берегу. Их тут же вскрыли и шумно отметили окончание «засухи». Пропустив по кружке, рабочие решили, что такое событие надо отпраздновать по-настоящему. Час спустя никто уже и не думал о разгрузке, и шкиперу пришлось ждать у причала несколько дней. Он потерял на этом солидные деньги и в дальнейшем стал поступать умнее. В следующий раз страждущие увидели, что выпивка лежит на дне трюма под мешками с цементом и бочками с керосином. Разгрузка никогда еще не проходила так быстро, и с тех пор все шло гладко.

Юрлунггур был почти готов. На обоих его концах красовались колечки с воткнутыми в них ярко-оранжевыми перьями попугая лори. На кольцо возле мундштука висели еще две кисточки из белых пушистых перьев, смазанных воском. Между символическими изображениями Юрлунгура и гоан появились изображения маленьких гекконов с плоскими пятнистыми хвостами. По всей длине трубы были разбросаны существа овальной формы с множеством ножек, которые, впрочем, с таким же успехом могли оказаться и волосками. На мой вопрос Магани ответил, что это *чики*. «Чики» на пиджин означает нечто жалящее

или кусающее. Я решил, что речь идет о насекомых, в большом количестве появляющихся на внутренней стороне листьев в сезон дождей. Не исключаю, что это были изображения гусениц мотыльков с жалящими волосками, но точно установить, кто они и зачем появились на трубе, мне так и не удалось.

Юрлунггур превратился в сверкающий яркими красками роскошный предмет. Магани, любовно подбирая цвета, вставлял в колечко перья, которые доставал из маленького мешочка. Завязав последний узелок, он лег на землю и еще раз проверил звук.

— Готов, — торжественно изрек он, — завтра тоже будет танцевать.

Только теперь мы поняли роль мастера и подмастерья в предстоящей церемонии. Джарабили принадлежал к тотему гоан, и ему надлежало воплотить образ своего тотемического предка. Магани входил в другой, хотя и родственный тотем, который он называл «мечтой». Желая показать нам, что это означает, он повел нас в шалаш-«студию», вытащил свою трубку и, убедившись, что поблизости нет женщин и детей, аккуратно развернул тряпицу. По всей длине мундштука были выгравированы треугольники, чередующиеся с поперечной штриховкой, — символы дождевых туч.

— Это моя мечта. Дождь. Поэтому я трублю в Юрлунггур.

На следующий день была суббота. Вскоре после полудня к хижине начали сходить мужчины. Среди них я узнавал старых знакомых — один работал садовником, другой помогал строителям мешать бетон. Были в толпе и старики, которых я раньше не видел. Некоторые приходили в брюках, но быстро снимали их, оставаясь в на-

бедренных повязках. Джарабили с помощниками расчистили от кустов широкую площадку перед хижинной.

Мужчины легли на спину, помощники достали охру и начали рисовать у них на груди гоан. Техника рисунка была точно такой же, как у Магани, когда он создавал картину на коре: общие контуры рисунка намечались размочаленным стебельком орхидеи, а белые, красные и желтые линии наносились кисточками из веток. Мужчины лежали закрыв глаза, не шевелясь, словно впад в транс. Сами рисунки были похожи, но расположение их менялось. Головы гоан смотрели то вниз, то вверх. Гоана на груди Джарабили была самой крупной: ее язык доходил до бедер, а хвост вился по плечу. Ракурс представлял собой вид сверху; лапы были распластаны, а туловище покрыто перекрестной штриховкой; сердце и внутренности ящериц были обозначены так же, как на коре у Магани. На лбу у людей появилась широкая белая полоса, вторая — красного цвета — проходила под глазами через переносицу. Каждый мужчина держал в руках котомку.

Зная веселый, озорной нрав Магани, мы ждали, что он будет разрисован живописнее всех. Так оно и оказалось. На голове у него красовался венчик из перьев попугая лори, а полосы на лице были шире и ярче, чем у других. Правда, на груди у него не было гоаны, так как он принадлежал к другому тотему.

К вечеру наконец все были разрисованы. Те, кого декорировали первыми, сидели все это время в тени окружающих деревьев; теперь они вошли в хижину. Юрлунгура никто не трогал, он покоился на прежнем месте, прикрытый корой и ветвями.

На площадку перед хижинной привели группу юношей. Выстроившись в ряд, они во все глаза следили за

происходящим. Церемония предназначалась для них. Юношей посвящали в таинство, которое доселе было для них пугающей загадкой.

Из хижины донесся низкий рев: это Юрлунгур грохотал на дне колодца. Магани, стоя на коленях, дул в трубу, а второй мужчина держал ее конец сантиметрах в тридцати над землей. Продолжая играть, Магани медленно выполз из шалаша, и труба поплыла над землей. Впереди, распевая и отбивая ритм палочками, шел церемониймейстер. Покинув священный источник, змей ревом вызывал дух гоан. Те выползли следом на четвереньках, животами почти касаясь земли, держа в зубах котомки.

Добравшись до расчищенной площадки, они перевернулись на спину, а змей двинулся обратно и вывел из шалаша еще двух гоан. Голос певца выкликал имя Юрлунгура, вновь и вновь повторяя жалобную каденцию; постукивание ритмических палочек эхом отдавалось среди деревьев. Гоаны парами появлялись из колодца, и змей укладывал их в ряд. Эмблемы на груди у лежащих ярко желтели в лучах заходящего солнца. Гоаны вдруг слаженно перевернулись и встали на колени, не выпуская из зубов котомок. Потом стали медленно приподниматься, согнув руки и скрючив пальцы-когти. Повторив несколько раз эти движения, весь ряд отодвинулся на край танцевальной площадки перед символическим колодцем.

Палочки стали выбивать медленный ритм, голос певца зазвучал сильнее, нагнетая атмосферу. Гоаны начали возбужденно подпрыгивать, с громким улюлюканьем становились на дыбы, изогнув пальцы и стиснув зубами котомки. Их тела била дрожь.

Змей внезапно смолк. Несколько секунд гоаны простояли, замерев в угрожающей позе. Затем напряжение спало, и танцующие обычным шагом потянулись вместе со всеми к лагерю.

В тот вечер я сказал Магани:

— Знаешь, я сделал много-много картинок Юрлунгура, а его голос спрятал в свою коробку. Все это я повезу домой, на другой берег соленой воды, в свою страну. Там соберется много людей, я им покажу картинки и дам послушать голос Юрлунгура. Ты не против?

Магани и Джарабили задумались.

— А где твой дом? — поинтересовался Магани. — В той стороне? — Он показал на юг.

— Нет, далеко, очень далеко. Там. — Я махнул на запад.

— Ну что ж, можешь показать. Но только своему племени. Здесь никому не показывай.

— Конечно не буду. Спасибо тебе.

— Хороший день, — сказал Магани. — Я очень довольный. Ты мне друг. Может, хочешь взять Юрлунгура с собой?

— Я бы очень хотел, но ведь он вам нужен.

Джарабили отрицательно помотал головой:

— Нет, танец кончился, больше не будет. Может, отнесем его к большой реке, схороним в песке. Нам он не нужен. Будет новый танец — сделаем новый Юрлунгур. Бери, если хочешь.

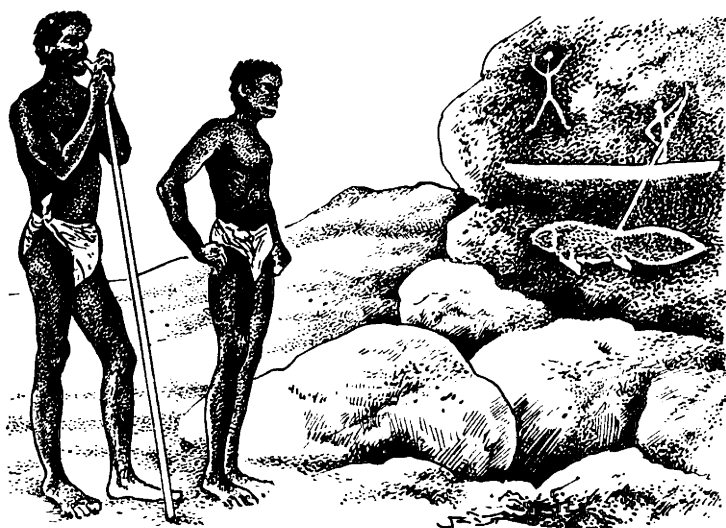
— Я не продаю его, — добавил, усмехнувшись, Магани, — это подарок. У нас такой обычай: когда один дает подарок, другой дает ему свой подарок.

— Прекрасно, — сказал я, — у меня есть для вас хорошие подарки, для тебя и Джарабили.

Наш дом стоял прямо посреди станции, поэтому возникла проблема транспортировки Юрлунгура. Его придется нести через лагерь бурада на глазах у женщин и детей, а этого никак нельзя было допустить. Магани придумал выход. Он велел принести в его хижину пачки газет. На следующий день под вечер мы сидели в доме, прислушиваясь к доносившимся из лагеря звукам *дид-жериду*. Неожиданно раздался стук в окно. Открыв дверь, мы увидели Магани и Джарабили. В руках у них был завернутый в газеты и листья длинный предмет. Мы быстро втащили его в комнату и спрятали под кровать.

Вскоре пришло время покидать Манингриду. Никто из тех, кто помогал нам нести аппаратуру и вещи к взлетной полосе, не проявил интереса к длинному предмету, обернутому бумагой и мешковиной, а сверху туго перевязанному веревкой. Еще одно багажное место. Да, но как его втиснуть в кабину? Летчик задумчиво почесал затылок. Пришлось нам вытащить сиденья и весь обратный путь до Нурланджи сидеть на полу. Выбора не было: оставить Юрлунгур в Манингриде я не согласился бы ни за что на свете.

Глава 6 ИСТОКИ

Поездку в Манингриду мы предприняли для того, чтобы попытаться понять причины, побуждающие аборигенов рисовать. Общение с Магани показало, что рисование служило в основном ритуальным целям. Образы были придуманы его предками и тем самым обрели священный смысл. Считалось, что женщины не в состоянии постичь его и даже мужчинам он открывался в полном объеме лишь к концу жизни, после прохождения всех полагающихся обрядов. Само рисование превратилось в священнодействие, в средство общения с духами, некогда создавшими мир и правящими им и поныне. Изучение рисунков открывало юношам корни происхождения своего племени и истоки мироздания.

В то же время воображаемая связь рисунков со сверхъестественными силами позволяет первым влиять на жизнь этих людей. Как установили этнографы, рисунки иногда используют для колдовства. Если кто-то хочет навлечь на другого болезнь или смерть, он вызывает злой дух, тайком изобразив его на куске коры или на скале. Если муж хочет, чтобы жена родила ему ребенка, он рисует ее беременной. Изображения зверей призваны помочь при охоте; их рисуют также, чтобы животные лучше плодились и размножались, поскольку от этого зависит, будут ли сыты люди. Так, старик — хранитель тайн тотема кенгуру регулярно обводит охрой изображение этого животного, в течение многих поколений украшающее вход в пещеру, где при сотворении мира появился первый кенгуру. Дело это очень важное, потому что стоит рисунку на скале поблекнуть, как кенгуру в окружающей пустыне станет мало или они вообще исчезнут.

Тем не менее, наблюдая за Магани, мы поняли, что в рисунках скрыт не только священный смысл. Изображения гоан на Юрлунггуре и телах исполнителей ритуального танца ничем не отличались от тех, которые он делал на коре специально для нас. Сами по себе, не освященные ритуалом, они не имели магической силы, так что их можно было показывать женщинам и детям.

Как же возникло это мирское искусство и какую роль играло оно в жизни аборигенов? Маунтфорд отмечает, что в Северной Австралии люди оказывались в сезон дождей подолгу привязанными к своим жилищам — пещерам и хижинам из коры. Коротая там дни и недели, слушая, как проливной дождь стучит по эв-

калиптовым деревьям, превращая окружающие равнины в топкие болота, они рисовали на стенах пещер и коре картины, служившие своего рода наглядными пособиями для молодежи. Передача традиций и основных понятий играла важную роль в примитивном обществе, и показ рисунков, очевидно, сопровождался пространственными объяснениями. Кроме того, художники пользовались случаем, чтобы поупражняться в мастерстве и обучить юных членов племени технике рисования. Вполне возможно, что часть изображений выполняла роль иллюстраций к своим и чужим рассказам — так, должно быть, появились корабли и пистолеты, виденные нами в Нурланджи.

И все же главным побудителем изобразительного творчества аборигенов были верования. Самые простейшие наброски имели тайный магический смысл, который не дано понять непосвященному. Будь мы археологами, мы могли бы принять «макассарскую трубку» Магани, разрисованную по всему мундштуку заштрихованными треугольниками, за обыкновенный бытовой предмет, от нечего делать украшенный владельцем. Ведь своеобразный геометрический орнамент вполне мог служить лишь для того, чтобы отличить эту трубку от ей подобных. Без объяснений Магани мы бы никогда не узнали, что эти фигуры символизируют *не-не-не* — грозовые тучи, которые нагнал Юрлунгур при выходе из священного источника. Нам никогда бы не открылось, что эти треугольники — тайные знаки личного тотема, тщательно скрываемые от глаз женщин и детей.

Проливает ли это свет на мотивы, побуждавшие людей на заре истории создавать дошедшие до нас

произведения искусства — наскальные изображения в пещерах Европы? Эти древние творения, в особенности величественные картины в галереях Ласко, эстетически, несомненно, превосходят рисунки аборигенов. Однако тематика, композиция и манера исполнения нурланджийских рисунков весьма напоминают доисторические фрески. Поэтому сразу же возникает вопрос: есть ли что-либо общее между людьми, создавшими эти произведения искусства?

Аборигенов считали древнейшей ветвью человечества. Полагали, что они мигрировали в Австралию через Азию и острова Индонезии, которые в те времена отстояли от континента не так далеко, как сейчас. Установлено, что аборигены появились в Австралии десять — двадцать тысяч лет назад. На скалах в Сахаре и в пещерах Южной Испании сохранились созданные исчезнувшими народами изображения бегущих тоненьких фигур, поразительно похожих на арнемлендских *мими*. Если аборигены действительно пришли в Австралию из Европы, то эти рисунки — «верстовые столбы» на их многовековом пути через полсвета.

Другие авторитеты считают, основываясь на анатомических данных, что аборигены не имеют ничего общего с европейцами, а являются потомками вымершей ветви доисторических людей, чьи черепа были найдены на Яве и в Китае. В любом случае получается, что на определенном этапе своей истории аборигены двигались через Азию, оставляя на всем пути следования небольшие колонии своих потомков. Ряд этнографов причисляют к ним айнов в Японии, веддов на Цейлоне (Шри-Ланке), малайских сакаев и отдельные племена Новой Гвинеи и Новой Каледонии.

Независимо от того, связаны ли аборигены каким-нибудь образом с людьми каменного века, рисовавшими в пещерах Европы, ясно одно: и те и другие находились на одинаковом уровне развития. И те и другие были кочевыми охотниками, одни добывали кенгуру и черепах, другие — диких буйволов и мамонтов. Ни те ни другие не овладели еще приемами одомашнивания животных и земледелия и потому не могли вести оседлый образ жизни. Возможно, сходство условий их жизни породило и сходные верования, что объясняет близость созданных ими рисунков. Но это лишь гипотеза, которую в равной степени трудно как доказать, так и опровергнуть.

Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство: в рисунках аборигенов заключен сложный, тщательно продуманный смысл, и уже это само по себе свидетельствует о том, что трактовку доисторических изображений нельзя сводить к простому однозначному объяснению. Безусловно, для художников Ласко их творения тоже были частью охотничьей магии: рисуя пораженного стрелой буйвола или раненого бизона с вываливающимися внутренностями, они рассчитывали, что это принесет им удачу в охоте. Но разве не могло быть у этих замечательных фресок иного — культурного — подтекста?

Впрочем, нельзя проводить слишком близкие параллели. Ведь каково бы ни было происхождение аборигенов, они давно уже не доисторические люди. Ни одно общество не стоит на месте, а элементы культуры не превращаются в окаменелости. Жизнь аборигенов менялась на протяжении веков, в их обществе появлялись новые идеи и верования. Да, эти люди дол-

гое время жили в относительной изоляции от остального мира, но он продолжал оказывать на них влияние. Так, давние связи с аборигенами имели жители нынешней Индонезии и Новой Гвинеи. Плоды этих контактов можно видеть на острове Мелвилл, расположенном чуть севернее Дарвина.

Обитатели острова Мелвилл создали ярчайшую уникальную культуру. Не исключено, что она родилась самостоятельно, но скорее всего немалое влияние на ее развитие оказали индонезийцы и жители Новой Гвинеи. Остров Мелвилл и был следующим пунктом нашего маршрута.

Зафрахтованный самолет доставил нас из Манингриды в Нурланджи. Там мы пересели в машину и отправились в Дарвин, а оттуда — до Мелвилла, расположенного по другую сторону узкого пролива; полет занял у нас меньше часа.

Мы знали, что самая важная и торжественная церемония, которую совершает обитающее на острове племя тиви, называется *пукамарни*. Это тщательно разработанный ритуал похорон. Покойного провожают танцами и целой серией обрядов. Участники церемонии приклеивают к лицу накладные бороды, красят волосы и разрисовывают тела необыкновенно пестрым орнаментом. Близкие родственники умершего обязаны соблюдать множество табу; мужчинам, в частности, запрещено прикасаться к пище, поэтому их кормят из своих рук жены или матери, на которых запрет не распространяется. Церемония завершается тем, что вокруг могилы воздвигают колоннады из разных столбов.

К сожалению, церемония состоялась за несколько недель до нашего прибытия. Неподалеку от берега мы увидели возвышавшиеся на три метра деревянные колонны. Придавая им нужную форму, скульпторы вырубали большие куски стволов так, что оставшиеся бочкообразные сегменты как бы соединялись друг с другом тонкими стержнями. Ни один из столбов не походил на соседние. На некоторых сверху были надеты перевернутые корзинки. На всех виднелся орнамент. Хотя церемония проходила совсем недавно, цвета орнамента уже успели поблекнуть, а краска местами облупилась. У могилы сидел старик и, макая кисточку в банку с белой охрой, неторопливо восстанавливал одну из композиций.

На создание таких орнаментов иногда уходят недели, но тиви вовсе не рассчитывают сохранить скульптуры в их первоначальной великолепии. Они знают, что в сезон дождей тщательно наложенная краска потечет, останутся лишь радужные лужи вокруг могилы. Как и в случае с Юрлунгуром, важен сам процесс творчества: создавая резные столбы для *лукамарни*, участники траурной церемонии выражали свою любовь к умершему и воздавали почести невидимым духам, слетающим на этот ритуал. Скульптуры не делаются в угоду живым и не предназначаются для потомства. Повсюду на острове мы находили могилы, и, хотя они были довольно свежие — годичной давности, не более, — скульптурные памятники уже успели потерять от дождя красоту и выглядели черными, бесформенными обрубками, мрачно торчавшими над безлюдным бушем.

Управляющий поселением попросил местных жителей показать нам танец. Они явились на выступление уже раскрашенными. У каждого участника на лице свой рисунок. Щеки и лбы покрыты ромбами, треугольниками, штриховыми линиями и прямоугольниками. У главного танцора на шее было надето украшение из белых перьев, а волосы выкрашены хной в ярко-рыжий цвет. Танец назывался *йои*; по сути, это сценка, разыгранная с огромным мастерством: стоя кенгуру кормится, пререкаясь и задирая друг друга, потом на них нападает охотник и по очереди пронзает животных копьем. Представление предварялось душераздирающим воплем и сопровождалось пением танцующих, которые в такт хлопали себя по ягодицам.

Зрелище было впечатляющим, а исполнение танца — мастерским, но больше всего меня привлекали лица этих людей и уникальные деревянные скульптуры, на фоне которых разворачивалось действие. У большинства танцоров тонкие губы и узкие ноздри, выдававшие примесь чужой крови и в их жилах. Что касается скульптур, то они считаются большой редкостью в континентальной Австралии. До того как несколько лет назад в местечке Йирркалла, на северо-восточном побережье Арнемленда, обнаружили грубые деревянные и восковые изображения людей, никто не подозревал, что аборигены вообще создают скульптуры.

Между тем на Новой Гвинее и островах, разбросанных к востоку и западу от нее, уже давно существует традиция деревянных монументальных скульптур. Скорее всего, тиви обучились этому искусству у

людей, приплывавших оттуда; самое же примечательное в том, что, переняв технику резьбы, тиви сумели создать собственный уникальный вид искусства, не имеющий аналогов на континенте.

Творческий обмен, должно быть, начался много веков назад; с тех пор способность аборигенов учиться и впитывать новое ничуть не уменьшилась. В тридцатых годах нашего столетия живший в центре Австралии погонщик скота по имени Альберт Наматжира из племени аранда увидел акварели белого художника. Взяв кисточки и краски, он решил сам писать пейзажи. При этом Наматжира полностью отказался от стилизованной геометрической манеры традиционного искусства аборигенов, а перенял европейский реалистический стиль. Яркими красками изображал он во всех деталях белые эвкалипты, алые, разъеденные эрозией скалы и лиловую землю, столь близкую и дорогую ему самому и его народу. Острое художническое видение и мастерство делали его акварели произведениями искусства; очень скоро они стали высоко цениться коллекционерами по всей Австралии.

Альберт уже умер, но, поскольку он состоял в близком родстве со многими членами племени аранда, те тоже стали делать рисунки, подписываясь его фамилией. Когда мы позже приехали в Алис-Спрингс, неподалеку от которого расположена область Аранда, то там в витринах большинства сувенирных магазинов красовались акварельные пейзажи, подписанные «Наматжира». Перед фамилией намеренно неразборчиво стояло имя, которое можно читать как угодно, но только не Альберт. Картины были лишены очарования и неповторимости, отличающих работы Аль-

берта. Но оригинальность не считается особым достоинством у аборигенов. Новаторство не является частью их культурной традиции, а посему ценится невысоко. Манера письма может быть какой угодно, важно сохранить темы рисунков и их символику. Изменить их — значит непременно испортить картину.

Любопытно, как будут реагировать Магани и его коллеги-художники на новые краски и материалы, которые уже появились у аранда и со временем непременно проникнут в Арнемленд. Хватит ли у них таланта и мастерства совладать с огромным разнообразием дешевых красок? Остается только гадать. Возможно, они сохранят верность традиции и будут продолжать пользоваться привычными четырьмя цветами строгой палитры предков. Но не исключено, что внезапное появление разнообразнейших новых материалов даст новый импульс их творчеству. Они могут освоить их, подобно тому как тиви освоили скульптурное мастерство Новой Гвинеи; тогда искусство древнего рисунка постепенно начнет исчезать, и на смену ему придет нечто совершенно новое как по стилю, так и по содержанию. Это произошло уже с художниками племени аранда.

При любом исходе деятельность христианских миссионеров по искоренению ритуальных рисунков аборигенов в сочетании с новой техникой рисования должны привести к радикальному изменению характера их искусства. Когда это случится, рисунки на коре, создаваемые с такой любовью и благоговением на наших глазах в Манингриде, станут такой же древностью, как и доисторические фрески в пещерах Европы...

Глава 7 БОРРОЛУЛА

Мы заканчивали дела на севере и собирались отправиться на юг Территории — в Алис-Спрингс, чтобы познакомиться с жизнью в пустыне, занимающей центральную часть Австралии. Перед отъездом следовало запастись провизией, провести тщательный техосмотр машины и посетить представителей местных властей.

В Дарвине было невыносимо жарко, стоило пройти несколько кварталов по главной улице, как рубашка прилипала к спине. Все время хотелось пить. Дарвинцы любят хвастать, что по количеству потребляемого пива на душу населения их город стоит на первом месте в мире. Нетрудно догадаться, что при такой репутации проблемы, где пропустить кружку-другую, не

существует. Пиво можно получить в дорогом отеле, сидя в удобном кресле среди искусственных цветов, где вас обслуживают официанты в черных галстуках и в брюках с шелковыми лампасами. Но настоящие ценители этого напитка утоляют жажду в пивных барах — *пабах*. Обстановка там куда более деловая.

Мы вошли в одно из таких заведений с хромированной стойкой и выложенными кафелем стенами, где не было никаких излишеств и украшений, отвлекающих посетителей от цели визита. Одну стенку целиком занимал гигантский холодильник со стеклянными дверцами. Полногрудая барменша энергично доставала оттуда бутылки и с завидной ловкостью разливала пиво. Подавалось оно в ледяных кружках, чтобы, упаси Бог, напиток не «подогрелся» по пути к потребителю. Для привередливых австралийцев охлаждение пивных кружек — такой же важный ритуал, как подогревание заварочного чайника для англичан.

В баре мы познакомились с Дугом Локвудом. Дуг — писатель и журналист. Никто не знает Северную территорию так, как он, и никто так охотно не рассказывает о ней. Мы подружились сразу же. Дуг щедро делился с нами информацией, накопленной за годы странствий по этому району. Мы беседовали о разных типажах, встречающихся там, и разговор зашел об отшельниках.

Эти люди добровольно отреклись от благ цивилизации, променяв их на жизнь в одиночестве. Бескрайние пустыни Северной Австралии как нельзя лучше подходят для такой цели. Здешние места — раздолье для отшельников, хотя их можно встретить и в других

районах Австралии. Лет пять назад мы с Чарльзом встретили одного из них в Квинсленде.

Направляясь на Новую Гвинею, мы вышли на катере из Кэрнса и двинулись вдоль Большого Барьерного рифа к северу. Примерно в ста милях от города в моторе раздался громкий треск, и посудина затряслась мелкой дрожью. Оказалось, головка поршня отлетела совсем, а центральный вал сильно погнулся. Собрав кое-как мотор, мы смогли запустить его, но скорость катера упала до двух узлов. Пока мы отмывали вымазанные в масле руки, по радио объявили о надвигающемся урагане. Перспектива оказаться во время шторма в лодке-инвалиде была не из приятных, и мы поспешно, насколько позволял мотор, свернули к берегу.

Наиболее приемлемой гаванью представлялась точка на карте под названием Портленд-Роудс. Это единственное место на всем безлюдном, заброшенном побережье, где имелся причал, который во время войны построили американцы для снабжения военного аэродрома. Насколько нам было известно, аэродромом, расположенным в нескольких милях, давно никто не пользовался, но у причала можно переждать ураган.

Раскачиваясь на волнах, катер мучительно медленно полз к берегу. Наконец на горизонте появились очертания холмов. Подойдя ближе, мы, к немалому удивлению, увидели на краю причала крошечную фигуру. Человек сидел спиной к нам и удил рыбу. Когда катер поравнялся с причалом, я встал на нос и громко попросил его принять конец. Человек не шелохнулся. Я заорал изо всех сил, но он как будто и не

слышал. Катер заскреб бортом о сваи причала. Я спрыгнул на дощатый настил и пошел по направлению к сидящему как ни в чем не бывало человеку. Доски обросли коркой из устриц и ракушек, шагать по ним босыми ногами было очень больно. Чарльз кинул мне трос, и мы пришвартовались.

Я не мог поверить, что человек, живущий в таком безлюдном месте, не порадуетя новому лицу и откажется от возможности поговорить с себе подобным. Передо мной сидел сухонький старикашка в рваных шортах и потрепанной шляпе.

— Добрый день, — сказал я.

— Добрый день, — последовал ответ.

Разговор не клеился. Я считал, что продолжить его надлежит гостю, и поэтому объяснил, кто мы такие, откуда и зачем приехали. Старик безучастно слушал, мигая глазами, скрытыми за стеклами круглых очков в металлической оправе. Когда я закончил речь, он свернул удочку, с трудом поднялся на ноги и, безразлично взглянув на меня, обронил:

— Меня зовут Мак.

С этими словами он повернулся и медленно побрел по причалу, шлепая босыми мозолистыми ногами по выцветшим на солнце доскам.

В Портленд-Роудс мы застряли на несколько дней. Выяснилось, что Мак здесь работает. За небольшую плату он должен был дежурить на причале и помогать пришвартовываться заходящим судам. За последние два месяца мы были его единственными клиентами.

Аэродром регулярно расчишали от кустарника на случай, если он вдруг понадобится для аварийной посадки, поэтому в обязанности Мака входила также

доставка в ангар возле взлетной полосы тяжелых бочек с авиационным бензином; их раза два в год сгружали с судна на причал. Для этой цели в его распоряжении находился грузовик.

Это была уникальная машина. Работала она на высококачественном авиационном бензине. Мотор, по утверждению Мака, был само совершенство. Единственный недостаток — подтекал радиатор. Немного удрученно Мак объяснил, что перепробовал все средства — замазывал его сзади и спереди — цементом, заливал внутрь все, что только можно, включая овсяный отвар, но радиатор упрямо тек. Мак видел в этом явно злой умысел. Еще он признавал, что шасси не первой молодости, новые крылья сделаны из разрезанных бензиновых бочек, а задний бампер подвязан проволокой. Куда хуже было то, что рама, к которой крепился корпус машины, треснула, и передняя часть почти отделилась от задней. Езда в кабине поэтому превращалась в нелегкое испытание: если передние колеса попадали на бугорок, колени у вас подскакивали к подбородку, а когда они проваливались в выбоину, пол внезапно уходил из-под ног.

Отправив в Кэрнс радиограмму с просьбой выслать катером запчасти, мы в ожидании слонялись без дела. Чтобы чем-то занять время, мы стали усердно оттирать устричные раковины от досок причала. Устрицы оказались восхитительными и в сыром и в жареном виде.

Мак жил в развалюхе из ржавого кровельного железа на холме у самого берега; вокруг громоздилась немыслимая куча пустых банок из-под пива и битых бутылок. Мак обычно сидел с удочкой на причале или

без удочки у своего жилища. Просто сидел. Однажды вечером я пристроился рядом. В порыве неожиданной откровенности старик рассказал мне, как оказался в этих краях. Он приехал искать золото. Множество людей копали здесь землю до него и после него. Кое-кому удалось напасть на жилу и сколотить состояние. Но не Маку.

— Пару раз попадались россыпи, — будничным тоном сказал он, — но игра не стоила свеч. — Одной рукой он скрутил сигарету. — Я уже давно ничего не ищу. Там и сейчас полно золотого песка, так что, если интересуетесь... — добавил он. — Но, по мне, пусть он там и остается. Мне и так неплохо.

— Сколько лет вы здесь живете? — спросил я.

— Тридцать пять, — ответил Мак.

— Я знаю, почему вы здесь, — шутливо сказал я. — На этом причале самые вкусные в мире устрицы.

Мак поднес к сигарете спичку, бумага загорелась, и он несколько раз сильно затянулся, чтобы огонь добрался до табака.

— Это точно, — сказал он, — устрицы здесь знатные. — Он привалился к стене хижины. — Давно собирался попробовать, да все времени не хватает.

Дуг Локвуд всласть посмеялся над моим рассказом и заказал еще по кружке пива.

— Да, — сказал он, — ваш Мак — закоренелый отшельник, но и здесь, на Северной территории, таких немало. Если хотите увидеть троих сразу, поезжайте в Борролулу. Это город-призрак. Несколько полуразрушенных лачуг, и трое отшельников посреди руин.

— Звучит заманчиво, — сказал я. — А где это?

— Поезжайте прямо по Асфальту, после Дейли-Уотерса свернете налево и дальше опять прямо, никуда не сворачивая.

— Действительно, очень просто, — заметил Чарльз.

— Это место найти ничего не стоит, — объяснял Дуг. — До Дейли-Уотерса около четырехсот миль, а дальше на повороте увидите знак: «Борролула — двести сорок миль. Воды и бензина нет».

Раз уж мы все равно собрались в Алис-Спрингс, решено было сделать небольшой крюк и заехать в Борролулу. И хотя само путешествие комфорта не предвещало, нам было любопытно сравнить местных отшельников с Маком, о котором мы сохранили яркие воспоминания.

На следующее утро, еще до рассвета, мы проехали по темным, непривычно прохладным улицам Дарвина и взяли курс на юг. Первый день прошел без происшествий. Дорога казалась бесконечной — монотонная полоса асфальта двадцать метров в ширину и тысячу миль в длину. Движения на шоссе почти не было, а селения отстояли друг от друга не меньше чем на пятьдесят миль. В Дейли-Уотерс мы прибыли засветло.

На следующий день отправились дальше. Обещанный Дугом пугающий дорожный знак заменили на более скромный, который кратко извещал: «Борролула — 240». Деликатное умалчивание об отсутствии воды и бензина подбадривало, но не сильно. Свернув с гладкого шоссе, мы попали на совершенно прямую грунтовую дорогу, края которой сходились впереди в одну точку, напоминая диаграмму перспективы из учебника. Я с грустью подумал о несовершенстве нашей машины: лысые шины, перекошенный

корпус, перегревающийся мотор, сжиравший жуткое количество масла... Одним словом, поездка представилась чистым безумием, а тот факт, что все трое легко согласились на нее, свидетельствовал о коллективном помешательстве.

Я подсчитал в уме наши наличные запасы: сорок пять литров масла, сто пятьдесят литров бензина, сорок пять литров воды (плюс содержимое радиатора), две большие коробки с продуктами, солидный запас сухих супов, мясные консервы и фасоль в банках, которая гроыхала и, видимо, успела несколько раз поджариться в багажнике. После прикидок я немного успокоился: этого добра хватит дней на пять. Но что дальше? Меня мучил вопрос, как часто по этой дороге ездят машины. Если сформулировать еще точнее, хотелось знать, сколько нам придется загорать в пустыне, если машина сломается и починить ее не удастся.

Тревожные раздумья не отпускали. Мы катили на скорости пятьдесят миль в час по ровной дороге. Она шла настолько прямо, что добрых тридцать миль можно было не дотрагиваться до руля. По сторонам из иссушенной, каменистой земли торчали редкие сухие кустарники вперемежку с низкими термитниками. Однообразие растительности и пустота бесконечной, монотонной дороги неудержимо клонили водителя в сон. Мы часто меняли друг друга за рулем, но это мало помогало. Садясь за руль, человек начинал дремать. Открыв глаза, он опять видел все то же унылое зрелище, как будто мы стояли на месте.

Тупо отстукивали мили: 100, 110, 120. Каждые полчаса-час мы останавливались, давая мотору остыть,

подливали воду, масло и бензин. Хоть и медленно, машина все же благополучно продвигалась к цели.

И тут мы врезались в пыль. На Территории ее называют «бычьей пылью». Почему — никто толком не знает, но так она именуется в официальных документах, так что называть ее просто «пыль» было бы неправильным. Да и по сути с нормальной пылью она не имеет ничего общего. Нам рассказывали, что в Алис-Спрингс ее насыпают в бутылки и продают за неплохие деньги туристам, которые увозят ее на юг в качестве подтверждения рассказов о тяготах путешествия по Территории.

По консистенции здешняя пыль такая мелкая, что липнет, как тальк, и лежит на дороге огромными «сугробами», полностью скрывая глубокие рытвины и крупные камни; это создает серьезную опасность для машины — у нее может сломаться подвеска, если она на приличной скорости провалится в выбоину или налетит на булыжник. Когда мы с ходу врезались в «сугроб», пыль, клубясь, накатывала на капот, словно волна на мчащийся во весь опор спасательный катер. Иногда пылевые нагромождения принимали причудливые формы, напоминая чудовищ из фильмов ужасов. При малой скорости поднятые колесами облака накрывали машину грязно-белым саваном. Казалось, из этой мрачной пелены уже не вырваться никогда. Водитель спешно нажимал на акселератор.

Мы следили по счетчику километража за пройденным расстоянием. Машина шла теперь осторожно. Счетчик мучительно медленно отстукивал цифры: 220... 230... На двести сороковой миле окружающий пейзаж был все так же пуст, как и раньше. Если верить

дорожному указателю в Дейли-Уотерс, мы должны были уже прибыть в Борролулу, но впереди не было никаких признаков человеческого жилья. Возможно, счетчик плохо работал или напутали дорожники, ставившие знак. А что, если, одурев от монотонной прямой дороги, мы проскочили поворот на Борролулу? Тогда мы направлялись в Квинсленд, до которого было еще триста миль столь же однообразного пути.

Но вот на цифре 248 мы заметили валявшийся на обочине дорожный указатель. Его стрелка устремлялась в небо, а надпись гласила: «Борролула — 3 мили. Магазин. Бензин и масло».

Судя по столбу, стрелка раньше указывала путешественнику на незаметный поворот. Приободренные, мы двинулись в том направлении и через десять минут увидели под манговым деревом шаткое строение из покореженного железа. Чуть дальше зеленели густой листвой деревья, окаймлявшие реку Мак-Артур. Мы добрались до цели.

На ночь экспедиция расположилась возле воды. Палатки поставили на пологом песчаном берегу в тени казуариновых деревьев. На другой стороне широкой реки виднелось несколько хижин аборигенов. Когда стемнело, мы развели костер. Я устроился возле него в спальном мешке и читал при свете колеблющегося пламени. Из воды доносилось громкое сопение крокодилов, плескалась в реке рыба. Наконец-то наступила долгожданная прохлада. Сквозь пышные кроны деревьев хрустально мерцали звезды. После удушающей жары, пыли и гроыхания машины место казалось поистине райским. Нетрудно понять, почему люди выбрали именно его для закладки города.

На следующее утро мы осмотрели остатки селения. Сохранились всего три дома — на значительном удалении друг от друга. Старое здание полицейского участка теперь занимал чиновник по делам аборигенов. В миле от него, отделенный оврагом, по дну которого в сезон дождей несется бурлящий поток, стоял магазинчик, обозначенный на упавшем дорожном указателе. В нем продавали бензин, машинное масло, пиво, консервированные фрукты, тушенку, ковбойские шляпы из папье-маше и мармелад. Покупателями были в основном аборигены и случайные проезжие, сворачивавшие сюда по пути в Квинсленд или оттуда; иногда здесь появлялись гуртовщики с окрестных ранчо: в свободное время, оказавшись в нескольких часах езды верхом от Борролулы, они заставляли выпить пива и потолковать о жизни.

Третье строение, самое крупное, располагалось возле нашего лагеря, на берегу реки Мак-Артур. Это была ветхая гостиница, чья полуразвалившаяся железная крыша зловеще лязгала и скрипела при малейшем дуновении ветра. Полы на верандах прогнулись и сгнили. Вокруг бывшей гостиницы, словно выброшенные морем обломки, валялись кучи мусора — разбитые бутылки из-под рома, мятые ржавые пивные банки, канистры от масла, сломанное шасси грузовика, погнутый руль, какие-то железные колеса и рычаги от загадочного механизма.

Внутри дома пол проваливался под ногами — доски были полностью источены термитами. Покрытое плесенью зеркало криво висело на деревянной стене, в углу стояла ржавая кровать. Среди рухляди я подобрал книгу. Это было «Подражание Христу» Фомы

Кемпийского. Кто мог завезти в эту глухомань ученую богословскую книгу? Открыв ее, я увидел, что термиты съели почти все слова святого. Осторожно перелистывая распадавшиеся под руками страницы, я обнаружил вложенную в книгу карту. Она была датирована 1888 годом и горделиво называлась «Город Борролула».

В конце прошлого века скотоводы, уже владевшие в Квинсленде пастбищами, каждое размером с английское графство, решили двинуться на запад вдоль южного побережья залива Карпентария — осваивать пустовавшие земли Северной территории. Путь пересекала река Мак-Артур. Вода в ней оказалась солоноватой, но вполне пригодной для питья, и пастухи стали пригонять туда многотысячные стада.

Как раз до этого места река судоходна, так что сюда можно доставлять на баржах провизию и прочие грузы. И хотя тысячемильный путь из Дарвина был долгим — он занимал иногда полгода, все же это оказывалось дешевле и быстрее, чем везти товары по суше из Алис-Спрингс. Так берега реки Мак-Артур сделали торговым перекрестком. Здесь регулярно останавливались гуртовщики со стадами. Люди и животные отдыхали перед тем, как двинуться дальше в трудный путь по засушливым, пыльным равнинам Территории.

Север континента привлекал не только европейцев. В течение столетий из Макасара (ныне Уджунгпанданга) и других портов Зондских островов к берегам Австралии направлялись юркие *прау* с бамбуковыми палубами и под парусами, сшитыми из рожи.

Некоторые доплывали только до Арнемленда, другие добирались до залива Карпентария в поисках жемчуга и моллюсков. Австралийские власти, до конца прошлого века не занимавшиеся охраной своих границ, решили, что пора упорядочить въезд в страну и заход в ее территориальные воды. Небольшие суда с таможенными чиновниками были командированы для перехвата нарушителей.

В 1885 году из Дарвина в один из таких дежурных рейсов отправился маленький пароход «Палмерстон». На борту его находились сборщик таможенных пошлин Альфред Сирси и правительственный инспектор. Войдя в залив Карпентария, «Палмерстон» задержал двадцать индонезийских баркасов и потребовал уплаты таможенных пошлин.

Но оказалось, что закон нарушали не только индонезийцы. К югу от острова Грут-Айленд «Палмерстон» натолкнулся на кеч (двухмачтовое парусное судно) «Гуд Интент», набитый провизией, спиртом и табаком; выйдя из Нормантона, на другой стороне залива, кеч держал путь в Дарвин. В те времена каждый австралийский штат взимал таможенные пошлины с ввозимого товара. Сирси установил, что «Гуд Интент» уже успел незаконно выгрузить немалую часть товаров возле устья реки Мак-Артур, тем самым уклонившись от уплаты пошлины, которой его должны были обложить в Дарвине. Кстати сказать, легкость осуществления контрабандных операций явилась дополнительной причиной бурного роста поселений в этой части страны.

Кеч был задержан, Сирси именем королевы обвинил его капитана в контрабанде и взял судно на бук-

сир. Вместе с нарушителем «Палмерстон» вошел в устье Мак-Артура и прошел двадцать пять миль вверх по реке. Здесь они встретили старого бушмена¹ Вильяма Маклеода, который полтора месяца назад доставил пароходом немало добра, собираясь в этом месте открыть магазин. Он предусмотрительно заплатил пошлину за всю партию товара, хотя горя успел хлебнуть с ним немало. Ему уже несколько раз приходилось отбиваться от мародеров.

— Не на того напали, — с присущей австралийцам краткостью объяснял он Сирси. — Шесть выстрелов, и они отчалили.

Сирси с инспектором пробыли на реке Мак-Артур десять дней. За это время они провели топографическую съемку местности, поскольку там было решено основать поселок. Даже для закаленных пионеров жара казалась невыносимой, а работать с топографическими инструментами было почти невозможно из-за немислимого количества мух и насекомых, облеплявших лицо, руки и глаза. Однако, несмотря на все трудности, поселок был заложен, и его решено было назвать Борролула, что, по словам Сирси, на языке туземцев означает «свежая вода».

Вскоре на западе, в Кимберли, обнаружили золото, и со всех концов Австралии туда ринулись искатели скорого богатства. Многие из них шли тем же маршрутом, что и погонщики со стадами, — из Квинсленда на Северную территорию через Борролулу. Времена были жестокие. Белые копали где им вздума-

¹ В Австралии так называют людей, осваивающих пустынные районы континента. — *Примеч. пер.*

ется, не считаясь с тем, что на этой земле исстари жили и добывали себе пропитание аборигены. Стычки возникали постоянно, порой переходя в ожесточенные бои. Опасность поджидала одинокого золотоискателя на каждом шагу. Помимо всего в сухой сезон человек быстро умирал от обезвоживания. Те, кто поумнее, осторожно перебирались от одного источника до другого.

Наиболее удачливым оказался один малый из Борролулы, женившийся на аборигенке. Вдвоем они смогли пройти по таким местам, где не ступала нога белого человека; жена была прекрасным проводником, за годы кочевой жизни она научилась распознавать, в какой складке скалы дольше всего держится влага или где надо рыть землю, чтобы добраться до коричневатой-пенистой подпочвенной воды. Так они обследовали глубинку Территории, двигаясь на запад от Борролулы.

Каждую ночь они разжигали костер, и, когда жена ложилась спать, опытный бушмен сворачивал одеяло, придавал ему форму тела и укладывал чучело по другую сторону костра. Сам он забирался на дерево и устраивался спать на ветвях, не выпуская из рук ружья. Утром он не раз находил торчавшее из одеяла копье...

К тому времени Борролула разрослась до размеров небольшого пограничного поселения и имела все шансы превратиться в цветущий город. На карте, которую мы нашли в бывшей гостинице, значились предполагаемые магистрали и площади со звучными названиями — авеню Лейхардта, улица Берта, терраса Мак-Артура. Главная улица — терраса Риддока — уходила в никуда и заканчивалась указателем «На Пал-

мерстон». Возможно, это была мрачноватая шутка топографов или приглашение спекулянтам недвижимости с Юга скупать земельные участки. Дело в том, что Палмерстоном именовался тогда нынешний Дарвин и от новорожденного городка его отделяли «все-го» пятьсот сорок миль пустыни и бездорожья.

Как бы то ни было, Борролула действительно обрела признаки города. Здесь обосновался полицейский капрал, пытавшийся внести какое-то подобие правопорядка в жизнь орды диких погонщиков и отчаявшихся золотоискателей, стекавшихся на берега Мак-Артура. Это был человек с литературными склонностями: он обратился в Мельбурн с просьбой прислать библиотеку. Как бы фантастично это ни выглядело, но ему немедленно выслали тысячу книг. Шесть месяцев они пробыли в дороге, прежде чем достигли пункта назначения. В дальнейшем собрание пополнилось еще двумя тысячами томов. У речных причалов, куда подходили для разгрузки суда, стояли вереницы пароконных повозок; они развозили товары по всей Территории и даже добирались до тучных пастбищ Баркли.

В 1913 году, свернув с главной дороги в центре Территории, в Борролулу прибыла первая машина. Ее шины были обернуты в буйволу шкуру. Автомобиль проделал за несколько дней путь, занимавший прежде добрую часть года. Вблизи Борролулы обнаружили золото, уголь, медь и серебро. Теперь в городке кроме полицейского участка были две гостиницы и пять магазинов, а постоянное население насчитывало уже пятьдесят белых. Казалось, Борролула оправдывала надежды тех, кто много лет назад ставил первые колышки, размечая в пустыне будущие улицы и проспекты.

Но в Австралии, как нигде в мире, города очень непостоянны. В многолюдной Европе поселение редко умирает. Возникнув, оно развивается дальше естественным путем, и, даже если исчезает первоначальный стимул, населенный пункт продолжает разрастаться, открывая перед жителями новые сферы деятельности. Но на Территории с ее огромными пустыми пространствами поселок возникает лишь «к месту». Новые селения быстро появляются и столь же быстро пустеют; в редких местах они сохраняются надолго. Когда поселок умирает, люди уходят в другое место, оставляя после себя пустые дома. И не находится никого, кто стремился бы занять их, равно как никто не думает сносить эти полуразвалившиеся хижины, поскольку земли здесь с лихвой хватает на всех. Брошенные дома так и стоят, разрушаясь от времени.

Фермеры начинают сажать рис, и в этом месте возникает поселок, как это было, например, в Хампти-Ду; но плантации не приносят дохода, и люди покидают свои хижины, машины и хозяйства, чтобы искать работу в другом месте. Находят урановые залежи, и тут же возникает поселок Рам-Джангл. Рынок урановой руды насыщается, и поселок умирает так же быстро, как и зародился. Даже Дарвин по всем признакам уже превращался в деревню, и наверняка так бы и случилось, не стань он перевалочной базой авиалинии. Но самолеты теперь летают все быстрее и быстрее, необходимость в остановках для заправки скоро отпадет, так что даже столица Территории рискует впасть в спячку. Не суждено было выжить и Борролуле.

Шло время, в глубине Территории пробурили большое число артезианских скважин, и Борролула

потеряла свою роль водопоя. Золотые запасы Кимберли иссякли, лихорадка схлынула. Закончился процесс миграции людей и скота из Квинсленда. По Территории пролегли новые дороги. Перевозить грузы к скотоводческим фермам по ним стало легче, чем по реке.

Брошенные повозки сгнили на месте, от них остались лишь железные колеса. Термиты разъели бумагу, и из всей библиотеки уцелела одна-единственная книга, которую мы нашли в бывшей гостинице. По пути, проложенному в 1913 году первым автомобилистом, проследовало всего несколько машин. Те из них, что, кашляя и рыча, добрались до Борролулы, застряли там навсегда: австралийские бушмены хотя и славятся своей изобретательностью, но серьезные поломки, полученные на этих чудовищных дорогах, можно было исправить, только имея запчасти, а они в Борролуле отсутствовали. Последний золотодобытчик, сидя в одиночестве на застолбленном участке, застрелился от отчаяния. Борролула тоже вскоре зачахла и умерла.

Но для троих мужчин, к которым мы направлялись, прах мертвого города оказался привлекательнее шумного многолюдья.

Глава 8 ОТШЕЛЬНИКИ

Джек Мулхолланд был последним управляющим гостиницей в Борролуле. Мы увидели его сидящим на пороге маленькой полуразрушенной пристройки, некогда служившей почтой. Он сидел там постоянно, словно статуя на пьедестале. Когда бы мы ни приходили к нему, Джек был на месте в одной и той же позе. Проезжая в сумерках мимо дома, мы неизменно видели контуры его фигуры на фоне всегда открытой двери. Рано утром, едва пробивались первые лучи солнца, он уже сидел на посту. Меня подмывало подкрасться ночью с фонариком и проверить, не спит ли он в той же позе.

Мы так привыкли видеть его сидящим у двери, что, когда однажды где-то к концу нашего пребывания

ния в Борролуле не обнаружили его на месте, я решил, что произошла катастрофа. Как будто адмирал Нельсон исчез со своей колонны. Встревоженный, я заглянул внутрь. Джек лежал на полу среди разбросанных одеял, старых аккумуляторов и разодранных журналов. Подозревая недоброе, я шагнул в помещение. Грудь лежавшего поднялась, и, к своему облегчению, я услышал богатырский храп.

Джек — ирландец, невысокий, крепкого сложения, лет шестидесяти. Большую часть жизни он провел в Австралии, но все же сохранил легкий ирландский акцент. Говорил он неторопливо, тихо, постоянно шурился — привычка, выработанная за годы жизни на ярком солнце. У него густая шевелюра без единого седого волоса. Джек приехал сюда, прослышав, что Лу (так бушмены называют для краткости Борролулу) — стоящее место. В этих краях он никогда не бывал и решил посмотреть. Ему здесь все понравилось, люди не зря расхваливали Лу.

— Взял и остался, — сказал он. — Четыре-пять месяцев провел в библиотеке, читал книжки. Потом владельцы гостиницы предложили мне стать управляющим. Я взялся за дело, с тех пор тут и живу.

Он внимательно оглядел рассыпающуюся постройку.

— Работа была нехлопотная, — скромно добавил он, — меня это вполне устраивало.

— Сколько постояльцев бывало у вас за раз?

— Больше одного никогда не было, — ответил Джек, сам подивившись сказанному. — Сейчас стараюсь вспомнить, но за все время, что я здесь, припоминаю только троих.

— Немудрено, что ее закрыли, — заметил я.

— Да-а, — протянул Джек, задумчиво почесывая небритый подбородок и глядя на высохшую пальму, прибитую ветром к зданию. — Не могу сказать, что это было грандиозное финансовое предприятие.

Мы сидели на крылечке его хижины. Вокруг валялись горы пустых консервных банок и битых бутылок из-под рома.

— Ваша работа? — спросил я.

— Нет, — стоически ответил он, — не было случая. Этим бутылкам больше двадцати лет.

— Почему же вы не убрали этот мусор?

Он строго посмотрел на меня:

— Убрать?! Страсть к чистоте — проявление психической болезни.

У Джека было мало материальных потребностей, но все же надо было покупать муку, табак и патроны. Я спросил, откуда он берет деньги.

— Стреляю крокодилов, продаю шкуры. Еще охочусь на динго, только они почти перевелись в наших краях. Занимаюсь починкой радиоприемников.

Последний род деятельности казался совершенно невысказанным в этом Богом забытом месте. Как выяснилось, у него действительно была репутация человека, умеющего приводить в чувство любые допотопные радиоприемники. Починку он осуществлял прогрессивным методом «пересадки органов».

Проезжая мимо Борролулы, погонщик или кто другой подкидывал Джеку неисправный приемник. Прежде всего Джек ставил диагноз. Нередко от жары отпаивались провода, и починка была делом пустяковым. Но чаще всего перегорала лампа или выходила

из строя деталь, которую надо было заменить. Тогда Джек ждал, пока ему привезут другой приемник. Ждать приходилось долго — иногда по полгода. Из второго приемника он вытаскивал нужную деталь и вставлял ее в первый. Но поскольку для починки необходимо было иметь под рукой полный комплект, а не частичный, одному из заказчиков он говорил, что его вещь починить не удастся. На самом деле приемник неудачника лежал в хижине Джека без ламп или конденсаторов. Затем процесс трансплантации продолжался.

— Один чиню, другой ломаю, — пояснил Джек.

Его способности механика граничили с гениальностью. Возле хибары мастера стоял «понтак» выпуска 1928 года — по крайней мере, именно эта дата значилась на капоте. Почти ни одной первородной детали не сохранилось, и машина представляла ценность скорее как антология автомобильных частей, извлеченных из самых разных транспортных средств, оказавшихся в Борролуле за последние пятьдесят лет. Гигантские, как мамонты, задние колеса с деревянными спицами ничего общего не имели с передними. Шины были совершенно лысыми, а в моторе, на прямоугольном блоке цилиндров, возвышалось подобие термитника. С виду это чудовище невозможно было отличить от валявшихся повсюду обломков, и уж никак нельзя было представить, чтобы последние десять лет оно работало.

Я чуть не спросил Джека, когда он последний раз ездил на ней, но, к счастью, эти жуткие оскорбительные слова не успели слететь у меня с губ. Я вовремя одумался и задал вопрос в такой форме:

— Как часто вы на ней ездите?

— Могу завести хоть сейчас, — с вызовом ответил он, — и, между прочим, она пройдет там, где вашему «лендроверу» и не снилось!

В доказательство он предложил устроить на следующий день маленький автопробег. Подготовка шла тщательная. Джек суетился изо всех сил, тем более что он явно воспринял мой вопрос как попытку бросить тень на его детище. Прежде всего ему пришлось прилаживать водяной насос. Джек нашел его среди валявшегося во дворе хлама и полдня подпиливал резьбу, пока наконец насос не подошел к «пontiаку». К утру все было готово.

«Понтиак» в его изначальном виде был сконструирован задолго до изобретения электрического стартера, но входившая в комплект заводная ручка давным-давно пропала. Однако у Джека имелся свой исключительно восхитительный метод приведения машины в движение. Он поднял домкратом заднюю часть машины, включил передачу и, налегая на спицы, начал вращать колеса. Работа была не из легких, с Джека ручьем лил пот. Минут через пять раздалось громкое рычание, и мотор ожил. Джек стремглав кинулся к рулю, переставил рычаг скоростей в нейтральное положение и опустил домкратом зад машины. После этого он очень солидно прошеествовал к водительскому месту, сел за руль и гордо совершил круг почета, объехав гостиницу.

Позже мы узнали, что однажды Джек совершил на этом драндулете далекую вылазку в буш; стимулом послужило прибытие в Борролулу полицейского инспектора. Дело не в том, что Джек испугался его или

собирался что-то скрывать, вовсе нет, просто у него не было ни малейшего желания входить в какие-либо взаимоотношения с законом. Он исчез на три недели; никто его за это время не видел. Затем в один прекрасный день далекий грохот безошибочно оповестил о его возвращении. К сожалению, мотор заглох буквально в полумиле от дома.

У Джека был выбор: либо чинить машину на месте, либо отправиться домой пешком и после долгого отсутствия провести наконец ночь под собственной крышей. Он не сделал ни того, ни другого. Джек вылез, разжег костер, разогрел чай в котелке, разложил свои пожитки и лег спать в тени машины. Там он пробыл еще три дня, обдумывая, что могло случиться с мотором. Наконец он решительно открыл капот и прочистил контакты. Машина немедленно завелась, и Джек невозмутимо завершил путешествие.

Я спросил его, чем он занимался во время поездок в буш.

— Чем занимался? Главным образом поисками, — был ответ.

— Удалось найти что-нибудь?

— Ну, как сказать, немного золота, опал, серебро. Ничего особенного, на этом не разбогатеешь.

— Вам не было обидно?

— Ничуть, — бросил он с непривычной резкостью. — Наоборот, те, что нашли жилу, загубили себя. От денег никакого проку.

— Ну почему же? Жизнь становится удобней и легче, — возразил я.

— Сам подумай, что с ними делать? — закрутил головой Джек. — Накупить роскошных яхт, начать

пьянствовать, тратить на красивых женщин? Мне это неинтересно. Жизнь научила меня: чем меньше человеку нужно, тем он богаче. Я вполне счастлив.

— Понимаю, — сказал я. — Правда, на свете найдется мало людей, которые могут жить как вы и при этом быть счастливы.

— Да-а, — сочувственно отозвался Джек, — значит, что-то у них не так. Мозги набекрень.

Ближайший сосед Мулхолланда — Роджер Джози — старейший житель Борролулы. Он приехал сюда в 1916 году и отлучался всего три-четыре раза. Ненадолго. У него очень благообразный вид: длинная, как у патриарха, седая борода, кудрявые серебряные волосы. Одет он весьма экзотично — странного вида шляпа, смахивающая на кепи французского легионера, но сплетенная из волокон пандануса по его собственному проекту, рубашка с отрезанными у плеч рукавами и подвернутые до колен брюки. Будь он на сцене в роли Бена Ганна из «Острова сокровищ», публика наверняка решила бы, что художник по костюмам и гример слишком вольно обошлись с персонажем.

Никто не знает, сколько ему лет; сам Роджер последние шесть лет утверждает, что ему исполнилось шестьдесят девять.

Дом, где живет Роджер, выглядит столь же странно, как и его одеяние, — круглое сооружение из гофрированной жести с крохотной дверью, но без окон. Первоначально это был гостиничный резервуар для дождевой воды емкостью около двадцати пяти тысяч литров. Роджер разобрал его и снова воздвиг в миле от

гостиницы; тому были две причины: во-первых, шквальный ветер, налетающий иногда в пустыне, мог снести лист железа с кровли отеля на голову, а во-вторых, присутствие там Джека создавало ненужную толкучку.

Роджер был последним хранителем библиотеки. Он успел прочитать почти все книги, до того как их съели термиты. В процессе чтения он приобрел страсть к изящной словесности. Слова занимали его до невозможности; он глотал их, как сласти, с наслаждением перекатывая на языке. Его безумно интересовало точное значение тех или иных слов, он мог часами размышлять об их происхождении.

На вопрос, что он ест, Роджер дал следующий ответ:

— Я бы с превеликим удовольствием поглощал филейные части говяжьих туш, но, увы, обстоятельства не позволяют делать это, а посему приходится довольствоваться приткими сумчатыми.

Иногда Роджера навещал живущий в бывшем полицейском участке чиновник управления по делам аборигенов Тас Фэстинг. Роджер всегда бывал рад случаю поделиться новым звучным словечком, выуженным из памяти за время, прошедшее с последнего визита. Разговор обычно начинался небрежным замечанием Роджера:

— Я тут прочел на днях...

По мнению Роджера, «на днях» могло с таким же успехом означать и десять и пятнадцать лет назад, поскольку вот уже долгие годы зрение не позволяло ему читать вообще. Затем Роджер с невинным видом задавал какой-нибудь вопрос в надежде, что у Таса не най-

дется ответа или что он ошибется. Вот тут-то Роджер с затаенным торжеством и поправит его.

Но однажды Тас неожиданно захватил инициативу в свои руки.

— Роджер, — спросил он, — встречался ли тебе когда-нибудь леотар?

Роджер подозрительно стрельнул глазом в сторону собеседника.

— Помнится, как-то раз видел его шкуру, — уклончиво ответил он.

— Не могло такого быть, — сказал Тас, — у леотаров нет шкуры.

— Так что же это такое — леотар? — кинулся в атаку Роджер.

Но Тас не сказал ему. Прошло три дня. Наконец Роджер не выдержал и отправился к дому Таса. Неожиданный пробел в знаниях так мучил его, что он не мог спать. Старику необходимо было знать ответ. Смиловитившийся Тас растолковал ему, что «леотар» означает балетное трико.

— Чувствовал себя полным идиотом, — сокрушался Роджер, рассказывая нам эту историю. — Я обязан был знать это слово.

Надо отдать ему должное: он извлек из чтения не только страсть к словам. Он хорошо знал поэзию и обожал цитировать Грея, Шекспира, Омара Хайяма и Библию. Роджер признавал, что он необычная личность.

— Но совершенно нормальная, — быстро добавил он. — Боюсь, у вас могло сложиться обо мне превратное впечатление. Когда-то я жил в городах, среди толпы, и все было прекрасно. Но затем у меня развился

комплекс превосходства — я понял, что с самим собой мне гораздо интересней, чем с окружающими. И тогда я отправился в пустыню, дабы обрести покой. Добрался до этого места. Для меня в каком-то смысле это конец света.

— И у вас никогда не возникало чувства тягостного одиночества? — спросил я.

— Я вовсе не одинок, — тихо ответил он, — мною Бог. — Голос его прервался. Помолчав, он добавил с улыбкой: — И старый Омар, и бессмертный Уильям.

В двух милях от дома Роджера, по другую сторону высохшего ручья, живет самый бескомпромиссный затворник Борролулы — Джек, по прозвищу Безумный Скрипач. Он неделями сидит в своей хибаре, играя на скрипке. Нас предупредили, что без приглашения к нему лучше не являться: он мог встретить незваных гостей злобной руганью и пригрозить им ружьем. Такое за ним водилось.

Однажды утром, подъехав к гостинице навестить Мулхолланда, мы увидели у старого здания почты незнакомый грузовик. На подножке сидел крохотный, похожий на птичку человек в очках, с тоненькими как спички ножками.

Мул представил нас друг другу. Скрипач окинул нас подозрительным взглядом, пробурчал «здрасьте», встал и открыл дверцу грузовика. Я решил, что он собрался уехать. Но он вытащил из кабины флягу с водой, открутив крышку, сделал несколько глотков, аккуратно завинтил флягу и положил ее на капот грузовика.

Оба Джека были поглощены разговором о том, что такое свобода воли и какова суть этого понятия. Поистине могло сложиться впечатление, что эти люди, оказавшись в одиночестве, озабочены исключительно философскими проблемами. На самом деле это не совсем так. Мне думается, в таких обстоятельствах у них просто нет почвы для бытовых бесед или сплетен. Скрипач говорил быстро и нервно, с легким аристократическим акцентом эдвардианской эпохи, проскальзывавшим сквозь австралийскую фразеологию. Он говорил о девушках и автомобилях. Я вспомнил, что, по слухам, старик — отпрыск титулованной английской аристократической семьи.

— Эти ребята, — сказал Мул Скрипачу, указывая на нас, — интересуются, почему я оказался здесь. Как ты думаешь, Джек, зачем ты сюда приехал?

Скрипач злобно посмотрел на нас.

— Меня выслали из Англии ради блага страны, — сформулировал он.

Возникла неловкая пауза.

— Говорят, вы играете на скрипке, — сказал я, стараясь сменить тему.

— Да, вот уже семь лет, как играю.

— А что именно?

— Главным образом гаммы, — ответил он.

— А из мелодий?

— Видите ли, — терпеливо объяснил маэстро, — скрипка — очень непростой инструмент. У Фрица Крейсlera и ему подобных было немалое преимущество передо мной: они начинали учиться, когда были еще быку по колено. А я занялся этим делом довольно поздно.

Он отхлебнул глоток из фляги.

— И все же, — продолжал он, — в следующем году я намереваюсь одолеть «Largo» Генделя. Торопиться мне некуда.

Больше всего он любил музыку XVIII века; по мнению Скрипача, ни до, ни после ничего лучшего создано не было.

— К тому же вообще, — добавил он, — ноты современных композиторов стоят бешеных денег, а Баха с Бетховеном можно иметь навалом за несколько долларов. — А теперь мне пора, — закончил маэстро, — нет времени болтать с вами.

С этими словами он сел в машину.

— Не возражаете, если мы как-нибудь заедем к вам?

— Зачем? Не стоит, — ответил он, — я могу быть не в духе.

Он включил зажигание, мотор астматически закашлял и захрипел. Скрипач высунулся из окна:

— Если без камер и магнитофонов, то можно. До встречи.

Грузовик тронулся с места.

На следующий день мы отправились в гости. Его хижина располагалась на берегу выгибавшегося полумесяцем романтического залива, где плавали пеликаны, цапли и утки. У берега кружили стаи какаду. Когда мы подъехали, Джек был чем-то занят и даже не вышел поприветствовать нас. Может, он не в силах оторваться от важного дела и мы некстати? Наконец он появился на пороге и любезно предложил нам сесть. Не успели мы присесть на стоявшие у дома ящики, как он снова исчез. Через дыры в стене, слу-

жившие окнами, я увидел, что он стоит держа скрипку и внимательно разглядывает инструмент. Прошло минуты две, прежде чем он аккуратно уложил скрипку в футляр и медленно закрыл крышку. Когда он вышел, я спросил, можно ли посмотреть инструмент.

— Лучше не надо, — мягко ответил он.

Излишне упоминать, что мы явились к нему без камеры и магнитофонов. Немного поболтав, я снова вернулся к теме скрипки.

— Почему бы миру не знать, что на Северной территории живет многообещающий скрипач? — заметил я шутливым тоном. — Кто знает, может быть, из вас выйдет звезда.

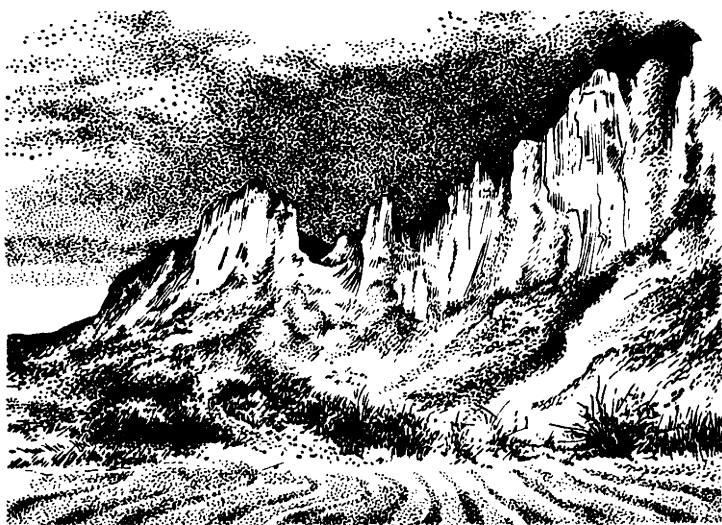
— Я уже пережил славу. Сорок лет назад играл в театре на севере Англии с актерами, у которых теперь мировая известность. Мне этого ничего не надо.

Я вдруг испугался, что обидел его. Он поднялся, взял с грубо сколоченного стола эмалированную кружку и начал яростно вытирать ее.

— Нас называют старателями, — с горечью промолвил он. — Мы и вправду стараемся... Вы думаете, что Мул и Роджер — счастливые люди? Они наверняка говорили вам об этом. Так вот, все это неправда. Они такие же старатели, как я. И так же несчастны. Люди оказываются здесь по разным причинам, а когда приходит время и они начинают понимать, что произошло, уже поздно что-либо менять, даже если захочешь.

Он повесил кружку на гвоздь рядом с выщербленной эмалированной тарелкой.

— Вам пора идти, — пробормотал он и исчез в хижине.

Глава 9 ЦЕНТР

Мы пробыли в Борролуле вдвое меньше, чем намечали. В магазине, куда я зашел купить продуктов, стоявшая за прилавком женщина обратилась ко мне с вопросом, не знаю ли я человека по фамилии Лагос или что-то в этом роде.

— Он должен быть среди вас, киношников, — продолжала она. — Диктор Дарвинского радио просил что-то ему передать. У меня приемник барахлит, я не уловила, о чем речь, но, кажется, дело серьезное.

Целый день ушел на то, чтобы связаться с Дарвином. Новость оказалась неприятной: серьезно заболел близкий родственник Чарльза Лейгуса, и ему надо было срочно возвращаться в Лондон. С помощью Та-са мы зафрахтовали по радио самолет, и на следую-

ший день все вместе вернулись в Дарвин, оставив машину и багаж на месте. В Борролулу мы добирались два дня по дорогам Территории, а вернулись за два с половиной часа. Вечером мы попрощались с Чарльзом, проводив его до трапа самолета; через сутки он должен был приземлиться в Лондоне. Было чрезвычайно отратно сознавать, что даже из такого захолустья, как Борролула, казавшаяся Роджеру Джози, да и нам тоже концом света, благодаря радио и самолету можно быстро перенестись на другую сторону планеты.

В Дарвине меня ждала телеграмма из Лондона: взамен Чарльза направлялся другой оператор — Юджин Карр. Сами того не ведая, Чарльз и Юджин оказались в одно и то же время где-то над Индией, и вечером следующего дня новый оператор приземлился в Дарвине. Наутро мы вместе гоняли по городу, пытаюсь раздобыть для него водительские права и шорты, полдень встретили в самолете, а ужинали уже в Борролуле.

Джин с трудом ориентировался и плохо понимал, что происходит. Немудрено, если вчера вы снимали политических деятелей в Лондоне, а четыре дня спустя — Джека Мулхолланда в Борролуле. Вопрос о том, какая работа представляется ему более важной для человечества, он обошел молчанием.

Джин был типичный флегматик. Резкая перемена жизни и личных планов никоим образом не вывела его из равновесия. Для него все было в новинку, он никогда раньше не был в подобной поездке и тем не менее оставался совершенно невозмутим. Дикая жара, омерзительные мухи, сомнительные удобства по-

ходной жизни — все воспринималось им без особых эмоций. Даже не совсем обычная пища, которую мы припасли, ориентируясь на собственный вкус, — майонез, консервированные груши и шоколад — несколько не удивляла Джина. Лишь однажды он выказал недоумение. Это случилось, когда он увидел нашу машину — кособокую, с залатанными шинами и подозрительно стучащим мотором. Очень мягко и ненавязчиво он заметил, что доехать на «таком» можно было лишь чудом. Между прочим, он еще не знал тогда ни о рывках, ни о «бычьей пыли», сквозь которую нам предстояло продираться назад.

Но ему не долго оставалось пребывать в неведении. Спустя несколько дней, закончив дела в Борролуле, мы отправились обратно к шоссе на Алис-Спрингс. Как и следовало ожидать, предчувствия Джина оправдались: стертые шины и неполадки в моторе давали себя знать. «Лендровер» то и дело замирал. Каким-то необъяснимым образом мы умудрялись приводить его в чувство и со скрипом двигались дальше. Когда в очередной раз — уже возле самого шоссе — мы ковырялись в моторе, на наше счастье подъехала машина, и водитель предложил свои услуги.

При взгляде на наш экипаж у него вырвались такие словеса, что мы вспоминали их весь оставшийся путь. Не то чтобы он как-то уж особенно замысловато выражался, нет. Просто он укорачивал обычные слова до неузнаваемости. Мы уже привыкли и даже получали удовольствие от местного наречия: в словах непременно откусывалась какая-то часть, добавлялась новая, и порой мы с трудом угадывали смысл. Но

наш добровольный помощник превращал английский язык в нечто совсем несусветное. Осмотрев машину, он высказал мнение, что либо испортилась электрическая часть зажигания, либо в карбюратор попала пыль. Вооружившись гаечным ключом, он принялся за работу. Минут через десять он поднял голову и озадаченно посмотрел на нас.

— Свечи в порядке, карбюратор чист. Если сейчас не поскачет, пните ее как следует ногой.

Рецепт подействовал.

Теперь мы ехали по прямой, словно прочерченной по линейке автостраде. С обеих сторон в бесконечность убегали песок, камни и высохшие кустарники. Лишь иногда дорога чуть отклонялась в сторону, огибая скальные выступы или песчаные дюны. Машин было мало, и все они мчались на огромной скорости. В этой безлюдной пустыне тормозить или сбавлять скорость не было никакой нужды. Все старались как можно быстрее проскочить этот не тронутый цивилизацией тяжкий тысячемильный путь, отделяющий Алис-Спрингс от Дарвина.

Пару раз навстречу нам проносились гигантские грузовики с прицепами размером с мебельный фургон каждый; этих пятнадцатиметровых мастодонтов тянул мощнейший дизель, по виду напоминавший бронетранспортер. Разогнав такой трейлер до предела, водитель, высоко восседающий в гигантской кабине, не в состоянии ни резко свернуть, ни быстро затормозить. Всем остальным машинам рекомендуется обходить его стороной. Эти слоны на колесах связывали станцию в Алис-Спрингс со странной железно-дорожной веткой, тянущейся от Дарвина на юг на сто

сорок шесть миль и неожиданно обрывающейся посреди буша, не дойдя восьмисот миль до Алис.

Вдоль всего шоссе над нами гудела телеграфная линия, проложенная через континент задолго до появления первых дорог. Столбы стояли здесь, еще когда на месте Дарвина располагался мелкий поселок, Алис-Спрингс не было и в помине, а по бескрайним пустыням бродили лишь аборигены. Строительство телеграфа — один из самых поразительных эпизодов истории Северной территории; это сага об отваге и выдержке сотен пионеров, совершивших, казалось бы, невозможное, то, что большинству жителей Австралии представлялось чистым безумием.

Все начиналось в 1870 году. До этого многие годы любые известия шли из Англии в Австралию и обратно со скоростью парусников. Путь занимал не менее трех месяцев, и к тому времени новости успевали порядком устареть. Затем англичане, проложив кабель через Суэцкий канал, дотянули его до Индии. Вскоре он достиг Явы, но все равно расстояние между Лондоном и Австралией оставалось огромным; это означало, что о падении британского правительства или начале войны в Европе жители Сиднея и Аделаиды узнавали лишь несколько недель спустя.

Тогда англичане предложили следующий план: они готовы проложить подводный кабель еще на тысячу шестьсот миль от Баньюванги, на восточной оконечности Явы, до северного побережья Австралии при условии, что австралийцы протянут через весь континент наземный телеграф, причем завершат работу к 1 января 1872 года.

В Лондоне слабо представляли себе, о чем шла речь. Между тем лишь одному человеку, Джону Макдоуэллу Стюарту, удалось преодолеть двухтысячемильную пустыню, по которой предстояло проложить телеграф. Землепроходцу понадобилось для этого гигантское мужество и упорство. Поначалу он намеревался присоединиться к группе под началом капитана Чарльза Стерта в качестве картографа. Но Стерт вскоре отказался от этой идеи, и Стюарт организовал собственную экспедицию. Однако ей не удалось пройти. Раз за разом пускался он через пустыню, но лишь шестая по счету экспедиция увенчалась успехом. Его победу завершил целый ряд исследовательских походов, в которых приняли участие многие смельчаки. Немало из них погибло. Люди умирали от голода и жажды, некоторые бесследно исчезали в пустыне, и судьба их по сей день не установлена. Стюарту удалось проделать беспримерный путь от Аделаиды до Порт-Эссингтона¹. Но к тому времени, о котором мы рассказываем, его уже не было в живых. Решился ли кто-нибудь пойти по стопам Стюарта?

Вызов принял Чарльз Тодд. Лондонец по рождению, он пятнадцать лет прожил на юге Австралии, возглавляя там астрономическое ведомство. У него уже был опыт постройки телеграфа между городами восточного побережья, но новый проект по размаху не имел прецедента. Тодд заказал две тысячи миль железного провода, тридцать шесть тысяч керамических

¹ Экспедиция Стюарта достигла северного побережья Австралии 24 июля 1862 г. Два дня спустя Стюарт пустился в обратный путь и 18 декабря того же года вернулся в Аделаиду. Таким образом, он первым дважды пересек Австралийский континент от края до края. — *Примеч. пер.*

изоляторов и объявил набор добровольцев. Как ни странно, нашлось немало охотников возить через пустыню фургоны и терпеть мучительную жажду, от которой трескаются губы, а язык прилипает к нёбу, готовых день за днем брести к горизонту, за которым открывалась все та же бесконечная пустота.

Тодд разделил трассу на три части; все три участка должны были строиться одновременно. Первый предполагалось протянуть на шестьсот миль в пустыню с юга на север от Порт-Огасты, недалеко от Аделаиды; второй отрезок, покороче, должны были вести от Дарвина на юг через тропические джунгли прибрежной зоны. Обе трассы проходили по территории, уже известной горстке бушменов, обживших невозделанные земли, и прокладка линии была отдана частным подрядчикам. Третий, центральный отрезок в тысячу миль предстояло прокладывать в середине материка, и он был самым тяжелым. Описание этих мест в дневнике Стюарта навевало мрачные мысли. Осуществление идеи казалось весьма проблематичным. Ответственность за этот участок взял на себя сам Тодд.

Для разведки он направил по трассе изыскательскую партию во главе с Джоном Россом. На севере Австралии сколотили деревянный блокпост, куда должны были дотянуть кабель с Явы; топографы разметили путь от побережья сквозь заросли панданусов. Для прокладки южного отрезка магистрали из Порт-Огасты вышел огромный караван. Среди всадников на лошадях, мулов и волов, тянувших груженные проводом повозки, выделялась вереница верблюдов с погонщиками-афганцами.

Верблюдов вместе с погонщиками завезли в Австралию лет десять назад, и животные оказались наиболее выносливой тягловой силой в пустыне. Но даже они впервые отправлялись в такой тяжкий путь. Караван вез помимо проволоки огромный запас провизии: в те времена на равнинах, где теперь пасется крупный рогатый скот и овцы, прыгали лишь кенгуру и бандикуты. В повозках среди мешков с мукой и солью были и банки с солониной, специально приготовленной одним предприимчивым скотоводом из Южной Австралии. Консервы варили в местечке Були. Позже прозвание «булибиф» («бычатина») прилепилось к мясным консервам во многих частях света, хотя те были куда более съедобными.

Сражаясь с засухой и голодом, песчаными бурями и паводками, люди шли вперед, оставляя позади столбы с натянутой на них проволокой. Пока они пробились сквозь пустыню, английские суда пересекали Тиморское море, разматывая подводный кабель от Явы к берегам Австралии. 20 ноября он достиг Дарвина. Наконец-то Англия установила прямую связь с Австралией. Поздравительное послание помчалось из Лондона по дну океана.

Но в Аделаиде его не могли услышать: Тодду и его людям на центральном участке оставалось пройти по пустыне еще несколько сотен миль. На севере уже наступил сезон дождей, и работавшие на этой трассе ютились на крохотных островках, выступавших посреди затопленных равнин. Проложенная ценой нечеловеческих трудов линия рушилась от шквального ветра у них на глазах.

В положенный срок сезон дождей кончился. Земля высохла, и груженные повозки снова двинулись в путь. Северный отрезок стал удлиняться. К июню 1871 года запланированные триста миль были закончены. Весь южный и большая часть центрального участка к этому времени тоже были готовы. Линия уже доходила от Порт-Огасты до Теннант-Крик, покрыв тысячу двести миль. Сделать удалось невероятно много, но в центре все еще оставался пробел в триста миль. График ввода телеграфа в строй срывался.

В Аделаиде настойчиво требовали скорейшего завершения работ: начальству не терпелось заговорить с Лондоном. Тодд решил эту проблему незамедлительно. Телеграммы, полученные на одном конце провода, вручались верховым гонцам, те доскакивали через пустыню до другого конца, откуда телеграфисты передавали их дальше. Таким образом, связь между Лондоном и Аделаидой занимала считанные дни. Близкую победу отмечали бурно.

Но радость оказалась преждевременной: через несколько дней линия замолчала. И не по вине людей, работавших в пустыне: где-то к востоку от Явы оборвался подводный кабель. Пока английские суда бороздили моря, пытаясь найти место разрыва, строители Тодда отчаянно пробивались навстречу друг другу. 23 августа 1872 года концы провода соединили на середине континента. Теперь всю Австралию пересекала тонкая линия длиной две тысячи миль, и сообщения в виде точек и тире неслись с одного конца планеты на другой.

Однако это было только началом истории наземного телеграфа. Ее продолжили не менее отважные и

выносливые люди — работники пятнадцати усилительных станций, построенных по всей длине линии. При обрыве тонкого провода — а такое случалось нередко — они объезжали линию и восстанавливали связь.

Провод перекусывали клювами какаду, столбы валил сильный ветер. Аборигены быстро смекнули, что острые и прочные как кремень керамические изоляторы прекрасно подходят в качестве наконечников для копий. Всякий раз, как голый бородатый охотник в пустыне собирался изготовить оружие для охоты на кенгуру, бизнесмены в Аделаиде и Лондоне теряли связь друг с другом. Охранять каждый столб было немыслимо. Вместо этого все смотрители телеграфной линии стали оставлять у столбов пустые пивные бутылки. Чернокожие сограждане скоро убедились, что стекло годится для их целей даже лучше, чем белая керамика, так неудобно прицепленная к верхушкам столбов. В наши дни уловка уже не срабатывает, потому что пиво продают в жестяных банках. Правда, и большинство аборигенов обходятся без копий.

Мы ехали из Борролулы в Алис-Спрингс, и об истории наземного телеграфа напоминало не только гудение проводов, но и названия встречающихся в пути впадин, гор и озер. Строившие его люди либо не знали местных наименований, либо считали их непроницаемыми; так появились на карте фамилии главных героев эпопеи, их жен и соратников.

Недалеко от Асфальта расположено животноводческое хозяйство Даунс, где, как говорят, и сейчас еще лежат мотки проволоки и кучи изоляторов, оставшиеся от постройки. Их везли на судах из залива Кар-

пентария по реке Ропер, а дальше посуху вместе с провизией для строительных бригад центрального участка. Этот путь был короче и удобнее сухопутного из Дарвина. Шоссе, как и полагается, носит имя первопроходца Стюарта. Мы въехали на него у Дейли-Уотерса, где помещается одна из усилительных станций. В пятидесяти милях к юго-востоку от него лежит озеро Вудс. Отряд строителей под началом Вудса провел в этом месте три дня. Изнуренные невыносимой жарой и жаждой, люди молили Бога, чтобы мерцавший на горизонте мираж действительно оказался озером; один из них не выдержал, отправился на разведку и вернулся с невероятной вестью — озеро настоящее!

Дальше к югу мы миновали Реннер-Спрингс — крохотное селение в несколько домов; в семидесятых годах прошлого века доктор Реннер объезжал на шарабане лагеря строителей, ухаживая за больными.

В Теннант-Крик Тодд построил очередную усилительную станцию. Теперь вокруг нее вырос один из самых крупных поселков между Алис-Спрингс и Дарвином; его появление, правда, связано не с созданием телеграфа, а с открытием в окрестных горах месторождения руды. Там мы и заночевали.

На следующий день мы увидели Девилз-Марблз — несколько гигантских глыб на вершукке невысокого холма. Палящие лучи и песчаные бури за долгие века настолько отполировали поверхность этих камней, что они приобрели форму шаров; полюбоваться фантастическим зрелищем сюда приезжает немало туристов. Кроме камней, мне было любопытно взглянуть на растительность равнины. Я знал историю о том,

как один скотовод натолкнулся в этом месте на пастбище с высокими цветущими растениями под названием гастролобиум. Овцы с жадностью набросились на зеленые побеги, и в ту же ночь около двух тысяч животных погибло от отравления.

Приближаясь к Алис-Спрингс, мы проехали Барроу-Крик. Дошатое здание усилительной станции сохранили здесь как памятник первым телеграфистам. А южнее Барроу-Крик стоит невысокий холм Сентрал-Маунт-Стюарт — главная историческая достопримечательность линии. Здесь, в лагере, Тодд установил приемное устройство в тот самый день 23 августа 1872 года, когда первые восторженные поздравления пробежали по всей линии, возвещая о завершении долгого, изнурительного труда. Этот холм имеет отношение и к эпохее дотелеграфного периода. Впервые его нанес на карту Джон Макдоуэлл Стюарт во время четвертой безуспешной попытки достичь северного побережья. Он не стал нарекать его своим именем — настоящие путешественники так никогда не поступали, — а назвал его в честь своего старого учителя Чарльза Стерта. Однако типографы, печатавшие карту, перепутали похожие фамилии, и холм стал памятником своему первооткрывателю.

Дорога до Алис-Спрингс заняла у нас два дня. На окраине города, возле станции, мы увидели огромный электровоз. На его кабине было выведено название «Хан» — в честь погонщиков, водивших через пустыню караваны верблюдов задолго до появления железных дорог. Сам город, изобилующий богатыми источниками, — диво в сердце пустыни — был назван экспедицией Росса именем жены Чарльза Тодда —

Алисы. Через центр города проходит река, окаймленная эвкалиптовыми деревьями; большую часть года она представляет собой высохшее песчаное русло. Росс нарек ее в честь человека, благодаря которому континент обрел уникальную телеграфную линию. Он назвал ее рекой Тодд.

Даже в самой суровой пустыне должно быть место, где ее жители, кочующие большую часть года, могут собраться, обменяться новостями, повидать старых друзей и повеселиться. В Центральной Австралии это Алис. Задолго до того, как сюда добрался Росс со своей изыскательской группой, вереницы босоногих аборигенов с длинными копьями и бумерангами стекались из красного безмолвия к глубокому источнику среди скал. Так повелось с незапамятных времен. Сто лет назад сюда пришли белые, и строй телеграфных столбов протянулся с юга до горизонта и дальше, дальше в безводные пустыни Севера. Телеграфисты построили здесь деревянную усилительную станцию. Вскоре поселок стал их главной базой. Вслед за телеграфными столбами появились железная дорога, складские помещения, и Алис превратился из деревни в город.

Жилистые, заросшие щетиной гуртовщики пригнали с севера стада и грузили их здесь в вагоны, направлявшиеся на юг. Закончив дело, они оставались на два-три дня в Алисе отдохнуть и кутнуть. Чтобы им легче было тратить деньги, город обзавелся барами и ипподромом. Позже, когда самолетики из фанеры начали бесстрашно бороздить небо над пустыней, священник Джон Флинн сделал город центром службы

«Скорой помощи», укомплектованной штатом «летающих врачей».

В наши дни Алис-Спрингс превратился в место паломничества туристов. Для австралийцев он стал олицетворением Дикого края — волшебной земли, бередящей воображение жителей больших городов. Они подспудно ощущают эту бескрайнюю пустыню своей вотчиной и, приезжая в «родовое имение», ожидают встретить здесь легендарных первопроходцев, суровых парней, сутками не вылезавших из седла и не боящихся ни Бога ни черта.

Алис старается не разочаровать их. Турист получает сполна вождеденную порцию экзотики, разумеется снабженную всеми современными удобствами и комфортом. Для этой цели здесь построен шикарный отель — единственное многоэтажное здание, возвышающееся над бунгало. Остальное можно приобрести сообразно со вкусами и склонностями. В витринах магазинов выставлены седла и хлысты, наконечники для копий, ожерелья из ракушек, сделанные девочками-аборигенками из прибрежных миссий, находящихся в тысяче миль севернее, и миниатюрные бумеранги с аляповато изображенными на них бородами, морщинистыми лицами аборигенов. В колоритные горные ущелья и миссии, где живут черные сограждане, добираются на автобусе, а самолет может доставить туристов к скале Айерс-Рок, символическому центру континента.

Мы попали в Алис-Спрингс в ноябре, когда туристский сезон уже заканчивался. Наступал жаркий период, город пустел, и нам предстояло любоваться скалой почти в полном одиночестве. Она стоит в

трехстах милях к юго-западу от Алиса. Если туристу, прибывшему в Лондон, сказать, что знакомство с британской столицей будет неполным без однодневной поездки на шотландские озера, он немало удивится. Но здесь, по местным понятиям, триста миль — пустяк, совсем рядышком. Да и потом, как не взглянуть на это чудо света?

В буклетах туристических компаний Айерс-Рок рекламируется как крупнейший в мире монолит. На бумаге подобная фраза почти ничего не значит, но, когда к концу однодневного путешествия из Алиса, перевалив через холмы, видишь перед собой эту скалу, слова сразу обретают смысл. Айерс-Рок стоит посреди ровной пустыни. Вокруг нет ничего, так что глаз сразу оказывается прикованным к строго очерченным контурам этого гиганта. Огромный монолит с вертикальными стенами поднимается, словно половина надутого воздушного шара. Высота его более трехсот метров, а длина окружности у подножия — одиннадцать километров.

Ранним утром, когда воздух еще прозрачен, первые лучи солнца освещают скалу каким-то театральным кроваво-красным светом на фоне черной пустыни; в это время она похожа на рдеющий в топке раскаленный уголь. Но вот занимается день, и скала меняет цвет, становясь рыжеватой. К вечеру, когда за ней прячется солнце, все складки и морщины сглаживаются, скала «гаснет» и вновь погружается во мрак. Порода, из которой состоит монолит, называется аркоз — серая разновидность песчаника. Ее поверхность покрыта окислами железа, образующимися под воздействием дождей и заносимых из пустыни крас-

ных песков. Вот почему в сезон дождей скала вновь меняет цвет: вода смывает поверхностный слой, и серо-голубая аркозовая сердцевина проступает сквозь ржавые доспехи.

Земля вокруг скалы казалась абсолютно безжизненной, как и в любой пустыне. Днем, когда нещадно палит солнце, почти все живое прячется в тень. Наслаждаются пеклом лишь один-два вида рептилий; из птиц его почти никто не может вынести.

В клочковатой траве на склоне песчаной дюны мы увидели маленькую колючую ящерицу. Будь она величиной с гоану, ящерица производила бы ужасающее впечатление — все ее тело от глаз до хвоста покрывали бородавчатые шипы. Но это крошечное создание легко умещается на ладони. На шее у нее болтается жировой мешок, в котором откладывается запас на черный день. Подобно хамелеонам, ящерица меняет окраску в зависимости от обстановки и настроения, но в нормальном состоянии она черная с желтыми и кирпично-красными пятнышками.

Ее научное название — *Moloch horridus*. Молох — бог с неумемной страстью к огню, так что эта часть имени вполне подходит к созданию, получающему наслаждение от дикой жары; но вторая часть — *horridus* («страшный», «жуткий») — не совсем точна. Шкура у нее действительно жесткая и шершавая, но это ведь не повод клеветать на несчастное создание! Наоборот, не будь ящерица совершенно безобидна, ей не понадобились бы для защиты от недругов столь экстравагантные шипы. Рот у нее настолько мал, что она не способна толком укусить никого; ядовитых зубов, вопреки ходячему представлению, нет и в поми-

не, а те, что есть, не заострены. Питается кроха еще более крошечными муравьями, подцепляя их микроскопическим язычком; во время еды она припадает к земле, задрав вверх свернутый кольцом колючий хвост.

В нескольких милях от Айерс-Рок, под фиговым деревом, укrywшимся в тени скального выступа, мы натолкнулись на кучу выгоревших добела раковин улиток. Их было не меньше сотни. В куче выделялись несколько осколков белого кварца, чьи-то выгоревшие кости и кусочек стекла. Позади этого странного сооружения тянулась траншея полуметровой длины с толстыми стенками, сплетенными из прутьев и тоже украшенными раковинами. Это была сокровищница шалашника.

Шалашник — единственная птица-архитектор, которая помимо гнезда возводит еще и «дачу», или шалаш. Ее постройкой и сбором коллекции занимается самец. Он самозабвенно работает месяцами, подновляя и ремонтируя «дачу» каждый сезон, как и положено хозяйственному владельцу. Не менее усердно он пополняет коллекцию. В отношении драгоценностей вкус этих птичек устоялся давным-давно и редко меняется, хотя разные особи могут выказывать склонность к какому-то определенному цвету, например голубому. Некоторые даже собирают ягоды подходящего цвета, приносят их в клювах в сокровищницу.

Обитающие в Центральной Австралии шалашники обожают белые блестящие предметы и охотятся за ними со страстью истинных коллекционеров. Жители отдаленных поселков и ранчо считают, что знать мес-

тонахождение этих птичьих «дач» весьма полезно: если вам случится потерять монету или ключ, через день-другой их можно найти в коллекции шалашника. Рассказывают, что однажды старый бушмен вытащил стеклянный глаз и задремал под деревом. Проснувшись, он хватился глаза, но того и след простыл. Вечером владелец, однако, отыскал его в куче раковин на «даче» шалашника.

Никакого отношения к гнездам шалаш не имеет. Это место тока и спаривания. Самка-шалашник время от времени прилетает к домику взглянуть, как идут строительные работы и какие драгоценности припас для нее жених. Затем, когда подходит срок выбрать суженого, она забирается в приглянувшуюся ей траншею, где и происходит спаривание. Яйца она откладывает и высиживает птенцов в гнезде, расположенном иногда довольно далеко от загородного «коттеджа».

Родственников шалашника — райских птиц, — обитающих дальше к северу, на Новой Гвинее, природа одарила сказочной внешностью: красивейшие длинные перья тянутся у них шлейфом, расходятся вокруг шеи. Рядом с этими красавцами шалашник выглядит непритязательно. Размером и формой тела он напоминает скорее крупного дрозда, перья у него серовато-коричневые, только на загривке выделяется маленький розовый хохолок. Райские птицы привлекают подруг, распуская в танце свои роскошные одеяния. А неказистым шалашникам приходится компенсировать заурядную внешность блестящими драгоценностями, которые они собирают для невест в окружающей пустыне.

Владелец обнаруженного нами загородного домика, видимо, отлучился, но я знал, как заставить его вернуться. Отойдя метров на десять, мы спрятались за большим камнем и установили камеру. Я оборвал на соседнем кусте бобовника горсть ярко-красных семян и разбросал их между раковинами. Пять минут спустя из-за скалы послышалось гневное щебетание. Подлетев к домику, птичка вне себя от ярости запрыгала возле сокровищ, подбирая нарушивший цветовой единство мусор и возмущенно выбрасывая его вон. Семена отлетали на метр от сокровищницы. Шалашник рьяно трудился до тех пор, пока наконец не навел идеальный порядок; коллекция вновь стала безукоризненной, никакой посторонний омерзительный цвет не нарушал ослепительной белизны «приданого». Птичка так была поглощена работой, что не заметила киногруппы. Мы снимали ее не таясь.

Земля вокруг Айерс-Рок на редкость сурова. Путешествующему в машине она может даже показаться красивой, если его не мучат голод и жажда. Здесь есть чем полюбоваться: стройные эвкалипты с элегантной кроной, красноватые песчаные дюны и бело-желтые цветы, вырастающие словно по волшебству после короткого дождя. Но для одинокого путника это ад; ему не найти тут ни воды, ни пищи. Лепестки цветов сухи, как бумага, и ветер почти сразу уносит их прочь, оголяя красную, выжженную землю. Крохотные листочки деревьев не дают никакой тени. По равнине то и дело проносятся густые клубы пыли — торнадо в миниатюре, — сметая на пути пучки высохшей, колючей травы. Солнце палит

так свирепо, что крошит гранит, превращая камни в песок. В тени Айерс-Рок температура достигает в полдень 67°C; на солнце термометр показал однажды 78,5°C и, не выдержав, лопнул.

Все живое жметя к скале. Ветер и песок выбили в ее основании глубокие складки, где можно найти спасительную тень. Во время редких дождей вода, скапливаясь на гигантской поверхности монолита, стекает вниз по вертикальным «морщинам», наполняя огромную, почти никогда не пересыхающую лужу у подножия горы. На рассвете и под вечер к этому живительному источнику приходят кенгуру, эму и бандикуты. Только Айерс-Рок способен дать человеку приют, воду и пищу.

Неудивительно, что скала, видная отовсюду за много миль, играла важнейшую роль в жизни аборигенов. Для них это было священное место, центр мироздания, райские куши, откуда вышли духи предков. Каждый рубец, каждая трещина и расселина связаны с каким-либо эпизодом мифа о сотворении мира. Так, на одной стороне скалы имеется ущелье, которое, по преданию, служило ареной битвы между племенем ядовитой змеи и их родичами из племени безвредной змеи. Вождь ядовитых змей был убит, а тело его превратилось в огромную глыбу, откатившуюся к подножию Рока. На отвесных стенах ущелья сохранились черные пятна от крови раненных в сражении, а чуть выше — вмятины от вонзавшихся в камень копий. На другой стороне скалы поверхность кое-где разъедена; это места, где некогда кенгуровые крысы готовились к *коррбори*; они плясали вокруг шестидесятиметро-

вого священного столба, который и поныне возвышается рядом с монолитом.

Для аборигенов Рок был священным храмом. Они украшали его стены рисунками, но за долгие годы краску смыло водой, а сами аборигены исчезли. Людей, способных выжить в этом безжалостном крае, следовало искать в другом месте.

Глава 10 ЖИВУЩИЕ В ПУСТЫНЕ

На запад от Алис-Спрингс, вдоль тропика Козерога, тянется горячая пустыня; многие обожглись, пытаясь одолеть ее. Пустыня мучила жаждой, палила кожу, калечила их лошадей, обманывала миражами и выбрасывала назад полуслепыми и еле живыми от изнурения.

Нас привело туда желание познакомиться с местными аборигенами. Эти люди досконально изучили каждый камень, каждую травинку и повадки каждого животного пустыни; в результате им удастся выжить там, где случайный человек умирает в считанные дни. Большинство племен, населявших этот край пятьдесят лет назад, теперь покинули его и перебрались поближе к белым — батраками на фермы или чернора-

бочими в маленькие города. Некоторые исчезли совсем. И лишь единственное племя — вальбири — упрямо отвергает попытки изменить его жизнь, по-прежнему цепляясь за выжженную и безжалостную землю своих предков.

Первым из европейцев увидел вальбири Джон Макдоуэлл Стюарт в 1862 году. Это была его шестая и на сей раз удачная попытка пересечь континент в меридианальном направлении. Вальбири отнеслись к нему настороженно; Стюарт, со своей стороны, проявил дружелюбие, стараясь ничем не обидеть их. Это был человек замечательных душевных качеств, к тому же за годы странствий он научился находить общий язык с аборигенами.

До конца прошлого века мало кто осмеливался ступить на их территорию. К этому времени иссякло одно из крупнейших золотых месторождений — у Холз-Крик, на западе Австралии, и старатели двинулись на поиски новых россыпей. Кое-кто наталкивался на золото у западной границы территории вальбири. В те же годы на севере их территории, где больше воды и земля не такая бесплодная, первые фермеры-овцеводы начали заводить огромные хозяйства. Телеграф почти не задел вальбири, пройдя по восточной окраине их владений, а многочисленные поселки, выросавшие по пути линии, словно воткнутые в грядку саженцы, не оказали на аборигенов практически никакого влияния.

Те из вальбири, кто хотел получить от белых людей топоры, ножи и одеяла (эти предметы представляли особую ценность), нанимались в помощники к изыскателям или фермерам. Но вальбири оставались неза-

висимыми от своих временных хозяев и, заработав достаточно денег, чтобы купить нужные вещи, уходили назад, в пустыню. Так же они поступали, если им не нравился белый хозяин. За вальбири укрепилась репутация людей своенравных и опасных. Следует отметить, однако, что характеристика исходила подчас от людей, смотревших на аборигенов как на досадную помеху в попытках вырвать у пустыни скрытые богатства.

Так продолжалось до 1924 года, когда на Северную территорию обрушилась самая страшная в ее истории засуха. Колодцы, где даже в самое жаркое время года сохранялись остатки мутной зеленоватой воды, высохли. Кенгуру, опоссумы и бандикуты, которыми питались аборигены, исчезли. К концу года вальбири не выдержали. Многие погибли в пустыне. Оставшиеся, измученные голодом, побрели за помощью в поселения белых, осевших на границе их земель.

Засуха продолжалась еще четыре года. Однажды группа вальбири, доведенных до отчаяния голодом, наткнулась у источника на старика золотоискателя. Вальбири хотели выменять у него еду. Тот отказался. Тогда они убили его и взяли его запасы. В отместку полицейские отправились верхом по следам вальбири и, подъехав к становищу, застрелили семнадцать человек. Ни один из этих аборигенов не принимал участия в убийстве белого старателя. Но это не имело значения. Никто и не думал разбираться: чернокожим надо было преподать хороший урок.

Когда закончилась пятилетняя засуха, часть вальбири осталась работать на рудниках и скотоводческих

фермах, но большинство, памятуя мстительную жестокость белых, вернулось в пустыню.

Австралийское правительство основало для них несколько поселений; первое разместилось в Хаастс-Блаф, на юге Территории, второе возникло в 1946 году в Юендуму, в ста семидесяти милях к северо-западу от Алис-Спрингс. Обе станции существуют уже много лет, но обитающие там вальбири ревностно сохраняют традиционный уклад жизни.

Наш путь лежал в Юендуму.

В центре поселения на высокой мачте скрипели лопасти ветровика, соединенного с насосом, качавшим воду из тридцатиметровой скважины. Вода лилась с мелодичным звоном в огромный резервуар. Эта скважина крепче любых кандалов приковывала кочевников к станции. Здесь в редком кустарнике они построили себе из коры, веток и кусков ржавого железа нехитрые жилища. Поселение насчитывало около четырехсот душ.

Вальбири выглядят суровыми людьми с горделивой осанкой. У многих мужчин, в особенности у стариков, тела изборождены шрамами. Надрезы на бедрах они наносят себе сами в знак того, как глубоко и сильно их горе от потери близких. Шрамы на плечах — следы поединков. Воины-вальбири решают конфликты простым способом, требующим фантастической выдержки и мужества. Противники садятся скрестив ноги друг против друга, один наклоняется и наносит ножом рану другому. Затем наступает черед второго. Так продолжается до тех пор, пока один из них не сдастся или, что бывает чаще, не теряет сознание от потери крови.

Физически вальбири крупнее и крепче арнемлендских аборигенов, с которыми мы познакомились раньше. У них широкие плечи и сильные мускулистые ноги. Согласитесь, не так уже просто сохранять благородный вид, стоя в лохмотьях в очереди у грузовика, где происходит ежедневная раздача муки и сахара. В этих людях не было ни тени униженности или раболепства. Когда мы заговаривали с кем-нибудь, вальбири смотрели нам прямо в глаза. У них были свои представления о жизни, у нас — свои. Мы обитали в разных мирах, и здесь, где наши пути скрестились, они оказались в худшем положении. Но мы, равно как и они, хорошо понимали, что, лиши нас материальных благ, дарованных обществом, и оставь на произвол судьбы в пустыне, они окажутся сильнее. Мы погибнем, а они выживут.

Завязать с ними дружбу за короткий срок не удалось, требовалось время, чтобы присмотреться друг к другу. Мы не искали дешевой популярности, раздавая подарки направо и налево. Вальбири взяли бы их, но при этом сочли бы нас расточительными дураками.

В первый день мы познакомились с пожилым человеком по имени Чарли Джагамара. В его возрасте обучаться уходу за животными на ферме было уже поздно, так что, в отличие от молодых, его легко было застать в лагере. Несмотря на преклонные годы, дряхлости в нем не чувствовалось. Старейшины племени часами сидели в тени хижин в ожидании раздачи пищи, но Чарли среди них не было. Он постоянно находил какое-нибудь занятие.

Внешность у Чарли была весьма колоритная. На голове шляпа, похожая на парик из жесткой травы,

туго перевязанной веревочками из сплетенных волос. Бедро, плечи и грудь украшали глубокие шрамы и длинные рубцы от порезов. Кроме набедренной повязки, никакой другой одежды он не признавал. Чарли, как и другие жители пустыни, привык ценить каждую каплю воды на вес золота, поэтому мытье представлялось ему кошунством.

Мы попросили его рассказать, как люди его племени жили в пустыне в те времена, когда «вся земля принадлежала вальбири». Чарли согласился.

К сожалению, я плохо понимал, что он говорит; его пиджин был хуже, чем у молодых, и зачастую мы тупо шли за ним, толком не зная, что именно он хочет показать.

Направляясь в буш, он брал с собой два-три бумеранга и *воммару*. Функционально она не отличалась от той, что мы видели в Манингриде: надетая на тупой конец копья, она как бы удлиняла руку охотника, увеличивая силу броска. Но форму имела другую — манингридские *воммары* представляли собой простые бруски с прорезью для копья, а здешние имели вид вытянутых элегантных сосудов полуметровой длины, пригодных также для ношения мелких вещей.

Бумеранги мы видели впервые; в Арнемленде их не делают, поскольку в густом буше севера они непригодны. У Чарли были не совсем обычные бумеранги — они не возвращались после броска; кстати, классические модели изготавливают только племена, живущие на восточном и западном побережье Австралии, причем ими редко пользовались для охоты — разве что запускали над стаей уток, чтобы те в испуге бросились в сеть. Как правило, они служили лишь для заба-

вы. У Чарли бумеранг был оружием. Он представлял собой длинный тяжелый брусок, вырезанный из древесины твердой породы, с изгибом на конце. Воин-вальбири бросает его в животное или во врага. Его бумеранг не должен возвращаться, его назначение — ранить или убивать.

Следует отметить, что Чарли называл эти предметы «бумерангами» и «воммарами» только для нас, на языке вальбири они звучат иначе. Слова, которыми белые обозначают сегодня обряды аборигенов и предметы их быта, пришли с юга материка. Европейские колонисты, осевшие в Ботани-Бей и по соседству, услышали их от тамошних племен. Слова сохранились как единственная память о людях, создавших их. Сами же люди исчезли с лица земли...

Чарли повел нас к холмистой гряде. Подойдя к лежащим глыбам, он жестами и мимикой стал показывать, что они имеют особую ценность. На наш же взгляд, камни ничем не отличались от тысяч остальных, разбросанных по всей пустыне. Подняв булыжник, Чарли тремя ловкими ударами отколол от глыбы несколько кусочков и поднес их к моему носу. Сразу стало ясно, что осколок — почти готовый нож. Чарли объяснил, что это еще не все. Велев нам следовать за ним, он решительным шагом двинулся вдоль ограды пастбища, мимо второй артезианской скважины, в ложину. Там он собрал кучку сухой травы и палкой измельчил ее в порошок, который аккуратно ссыпал на кусочек коры.

Неподалеку валялось сухое, растрескавшееся бревно. Сунув в трещину острый конец *воммары*, Чарли начал с силой тереть им о бревно. Из трещины за-

курился дымок, ее край чуть обуглился. Чарли быстро стряхнул угольки на солому, с силой подул, и солома загорелась. Вся процедура заняла меньше двух минут. Набросав щепок, Чарли разжег настоящий костер и кинул в пламя булыжник.

Когда камень раскалился, он, жмурясь от жара, выкатил его и, подцепив двумя палочками, бросил на растертую в порошок траву. Раздалось шипение, вся масса задымилась, и порошок, состоявший из мелких, затвердевших на стебельках бусинок смолы, расплавился, превратившись в пластичное месиво. Чарли собрал похожую на замазку массу и, перекидывая ее с руки на руку, плотно облепил отбитый от глыбы осколок. Потом он снова поднес его к огню и, когда масса опять стала мягкой и податливой, придавал изделию окончательную форму. На наших глазах из камня и травы получился превосходный острый нож; им вполне можно было проколоть шкуру животного... или нанести смертельную рану врагу.

В другой раз, когда мы отправились в пустыню, Чарли, как нам показалось вначале, просто бесцельно бродил. Но вдруг он замедлил шаг и начал что-то разглядывать в сухой траве. Оказалось, он искал муравьев. На тельце у них виднелись крохотные желтоватые пятнышки. Они-то, объяснил нам Чарли, отличают их от прочих муравьев. Насекомые суетливо бегали по извилистой дорожке. Двигаясь за ними, мы вскоре дошли до входа в муравьиную нору.

Орудя бумерангом, Чарли начал рыть в красной земле яму и на глубине около метра добрался до огромного муравейника. Нагнувшись, он осторожно вытащил из гнезда пригоршню каких-то полупроз-

рачных предметов янтарного цвета, формой и размером похожих на игрушечные стеклянные шарики. Один из них Чарли протянул мне. «Шарик» оказался живой: это был муравей с шестью тоненькими лапками, торчащими из круглого раздутого брюшка. Зажав головку муравья пальцами, Чарли запустил его в рот и жестом призвал меня сделать то же самое. Раскусив мягкое тельце, я почувствовал вкус теплого меда и расплылся в улыбке. Чарли облизнул губы, причмокнул и громко рассмеялся.

Это были муравьи-медосборщики. Во время короткого сезона дождей они собирают проступающую на пустынных растениях медвяную росу, но, в отличие от пчел, не откладывают ее в соты, а откармливают новорожденных муравьев, набивая им брюхо так, что те уже не могут двигаться. В виде «живых консервов» они сидят безвылазно на дне подземной галереи; в сухой сезон, когда есть становится нечего, рабочие муравьи требуют этот мед обратно.

Так понемногу Чарли знакомил нас с приемами выживания в пустыне. Но всего он показать не мог: часть работ выполняли только женщины; взяться за них было бы совершенно недостойно мужчины. Прекрасно понимая это, мы попросили Чарли отвести нас туда, где женщины собирали корни и семена. Это оказалось нелегким делом. В Манингриде невидимые границы разделяли географические зоны, принадлежавшие разным племенам. Здесь границы проходили между ареалами мужчин и женщин. Обширная территория, прилегавшая к лагерю, целиком принадлежала женщинам. Любой зашедший на нее мужчина

будет заподозрен в дурных намерениях, и ему не миновать схватки с чьим-нибудь разгневанным мужем.

После некоторых раздумий Чарли решил, что, если отправиться туда всем вместе, да еще в сопровождении одной из его трех жен и юной дочери, все должно сойти гладко. Так мы и поступили. Однако, когда мы подъехали к месту, Чарли передумал и счел за благо остаться в машине; нам он позволил отойти от нее на несколько метров.

Женщины длинными, заостренными с обоих концов палками копали землю у подножия низкой акации. Вскоре они вырыли несколько кореньев и разломали их. Внутри извивались жирные белые личинки жука-древоточца, которых женщины тут же с аппетитом съели.

Чарли утверждал, что уже стар для охоты и нам лучше взять кого-нибудь помоложе. Как только мы объявили, что собираемся отправиться на машине в пустыню, желающих нашлось сколько угодно — их привлекала возможность поохотиться в отдаленных местах, богатых дичью; район вокруг лагеря уже оскудел. Перед отправкой трое мужчин, с которыми мы договорились ехать, обсудив варианты, выбрали место в пятнадцати милях от станции. По их мнению, там должно быть много дичи; кроме того, по соседству находились небольшой источник и цветущее дерево.

Все оказалось точно как они предсказывали. Мы подъехали к низкому гранитному холму и в углублении на склоне обнаружили воду. Напившись, охотники направились к утопавшему в желтых цветах дереву. Нарвав сочных лепестков, они стали горстями есть их, наслаждаясь вкусом нектара. Подкрепившись,

мужчины пошли дальше. Копья и *воммары* они перекинули через плечо, а бумеранги держали в руках. Мы решили остаться на месте, понимая, что в нашей компании шансы на успех будут значительно меньше. Охота на кенгуру требует умения незаметно подкрасться к животному и застыть как вкопанному в момент, когда оно поворачивает голову в сторону охотника. Нерасторопные любители могли лишь помешать, поэтому мы забрались на гранитный холм, горбом торчавший над местностью, и стали наблюдать за ними в бинокль.

Рассыпавшись по сторонам, охотники начали искать на земле следы. Все люди, живущие охотой, обладают фантастической наблюдательностью, кажущейся непосвященным каким-то чудом. Но думаю, никакой самый остроглазый следопыт не сравнится с аборигенами. По незаметному для неопытного глаза следу они умудряются немедленно распознать не только вид зверя, но и его возраст, пол и величину, а также определить, ранен он или здоров. И что уж совсем невероятно, они прекрасно знают отпечатки ног всех своих соплеменников и мгновенно обнаружат следы непрошеного гостя, вторгшегося на их территорию.

Один из белых работников в Юендуму рассказывал нам о старике аборигене, который, бродя по бушу, натолкнулся на какой-то неясный след на песке. Он узнал в нем след своего брата, которого не видел много лет. Судя по отпечатку, брат проходил здесь несколько дней назад, но старик решил отыскать его. Пять дней он шел по следу, пока наконец не нагнал брата, расположившегося на отдых у источника. Они

проговорили целый день и две ночи, после чего старик, прошагав пять дней, вернулся в Юендуму...

Довольно быстро наши охотники обнаружили след кенгуру. Поскольку полное соблюдение тишины было залогом успеха, они переговаривались с расстояния в несколько сотен метров красноречивым языком жестов. Вскоре люди исчезли из поля зрения. Час спустя все трое вернулись; каждый волок на плече тушу кенгуру. Одного зверя решено было зажарить немедленно. Аборигены разожгли костер тем же способом, что и Чарли, — добыв огонь с помощью *воммары*, — подкинули в него веток и начали разделять кенгуру. Вытащив часть внутренностей, в том числе желчный пузырь, они бросили зверя вместе со шкурой в костер. Когда костер прогорел, они зарыли тушу в тлеющие угли, а сами отправились под дерево вздремнуть. Через полчаса мясо было готово, оно получилось сочным и нежным на вкус.

В тот день вальбири наглядно показали нам, каким образом знания и мастерство, передаваемые из поколения в поколение, позволяли им выжить в пустыне, где люди другой расы, мало что знавшие об этой земле, погибали от голода и жажды. Но в Юендуму аборигенов обучают совсем другим навыкам. Сотрудники станции готовят из них скотоводов, показывают, как надо обращаться с домашними животными, ловить их арканом, сортировать, собирать в гурты и пригонять отбившихся от стада.

Несколько бригад возводят вокруг пастбищ ограду, чтобы скот не разбрелся по пустыне. Наиболее способные уже работают на соседних фермах, но ре-

гулярно возвращаются домой в Юендуму. Женщин обучают шить, стирать и готовить.

Много лет в лагере работает баптистский миссионер. Двое учителей ведут ежедневные занятия с детьми, а два раза в неделю управляющий Алек Бишоу собирает совет старейшин для обсуждения текущих проблем. Я присутствовал на одном таком заседании; правительство намеревалось построить в ближайшее время несколько новых домов, и речь шла о том, кто заселит их. Вопрос дебатировался долго и горячо. Алек с огромным терпением выслушивал мнения. Рядом с ним сидел переводчик, молодой мальчик-вальбири, осиротевший еще младенцем и воспитанный миссионером. Его английский был безукоризненным.

Мальчик нервничал, и этому не приходилось удивляться. На нем лежала гигантская ответственность; напряжение, которое он испытывал, фактически было не под силу не то что ребенку, но и взрослому. С одной стороны, его приемные родители, равно как и все белые в лагере, ожидали, что мальчик будет вести себя в соответствии с традициями и нормами христианской морали. Но он всегда чувствовал себя среди белых чужаком. С другой стороны, его единокровные родственники — старые закаленные воины и ровесники, прошедшие суровую школу испытаний в пустыне, — не считали его настоящим вальбири хотя бы потому, что он не совершил обязательного для всех членов племени обряда инициации. В отличие от остальных, у него на теле не было ритуальных шрамов.

Незадолго до нашего приезда мальчик стал предметом конфликта между Алеком и одним из старей-

шин племени. Старик не соглашался с каким-то предложением управляющего, и Алек, желая разобраться в сути возражений, призвал мальчика в качестве переводчика. Старики горячо запротестовали: непосвященному не полагалось участвовать в обсуждении подобных вопросов! После того как возмущение улеглось, остановились на компромиссном варианте. Старики увели мальчика и выцарапали ему на ногте большого пальца руки ритуальный символ. Но эта инициация была неполной, так что проблема оставалась нерешенной. Судьбе мальчика нельзя позавидовать...

После собрания старики вместе с подростками, только что закончившими занятия в школе, уселись смотреть кино. Это был документальный фильм о выборах в Папуа—Новой Гвинее¹. Операторы показывали, как жители глухих деревень, недавно получившие право голоса, направлялись из джунглей к наспех сколоченным избирательным пунктам. Вальбири откровенно хохотали, глядя на разукрашенных папуасов с жемчужными раковинами в носу и изысканными головными уборами из перьев райских птиц.

— Нет, ты глянь на них, — заливался презрительным смехом Чарли. — Думают, они теперь стали начальниками!

Австралийские аборигены тоже получили право голоса. Любой желающий может зарегистрироваться и во время выборов отдать свой голос за одного из кандидатов. При этом избирателю не обязательно

¹ Территория Папуа—Новой Гвинеи находилась под опекой Австралии. С 1975 г. — независимое государство. — *Примеч. пер.*

уметь читать и писать. Вряд ли это можно назвать сознательным актом, но, будучи гражданами страны, вальбири должны быть наделены правом голоса. Правительство Австралии официально объявило о намерении проводить в отношении аборигенов политику ассимиляции. Коренные жители не должны оставаться в резервациях наподобие живых музейных экспонатов. Правительство считает необходимым стимулировать и поощрять их вхождение в австралийское общество в качестве полноправных граждан, пользующихся наравне с остальными всеми его благами.

Намерения законодателей весьма благородны и гуманны. К сожалению, их реализация сопряжена с немалыми проблемами. Нам не раз доводилось слышать от белых граждан, что они считают саму идею безумием.

Вряд ли есть нужда опровергать подобные утверждения, выдающие прежде всего невежество их авторов. Сошлемся лишь на известные факты. В Манингриде мы познакомились с психологом, изучавшим аборигенов во многих частях Австралии. Он говорил нам, что проводил среди аборигенов тесты на определение умственных способностей, очистив их от незнакомых им реалий. Итог всегда получался однозначный: пропорция людей способных и неспособных была точно такой же, как среди представителей любой другой расы. Можно вспомнить и знаменитую историю о школе для аборигенов, открытой на юге страны: ученики ее не только успешно сдавали все экзамены, но в течение трех лет показывали наилучшие результаты среди учащихся этого штата.

Скептики на это могут сказать: если аборигены столь умны и способны, почему же они остались на первобытной стадии развития? Ответ, очевидно, следует искать в условиях их жизни. Земля на большей части Севера и Центра Австралии столь бедна и бесплодна, что без сложнейшей системы ирригации и удобрения почв на ней ничего не растет. Когда аборигены появились в Австралии, там не было пригодных для одомашнивания животных. Таким образом, они не могли ни возделывать землю, ни пасти скот; им пришлось беспрестанно кочевать с места на место в поисках пищи, подобно жителям Европы в каменном веке. Из-за невозможности вести оседлый образ жизни они сохраняли лишь те предметы быта, которые легко переносятся; поэтому они не обзавелись орудиями для обработки металлов и гончарного дела, представляющих собой первые ступени длинной лестницы, ведущей к цивилизации.

Перед аборигенами сейчас стоит невероятно трудная задача. Они должны перепрыгнуть из каменного века в век двадцатый, отказаться от глубоко укоренившихся традиций и моральных норм, выработанных кочевой жизнью, сменив их на совершенно иные, действующие в современном городе. Им предстоит одолеть предубеждения и предрассудки, чтобы занять место среди тех, кто благодаря происхождению и воспитанию изначально оказался в несравненно более выгодном положении. Трудно переоценить всю сложность перестройки, которую удастся осуществить, видимо, лишь во втором или третьем поколении. Не всем она окажется по плечу. Но было бы бес-

человечным отказывать аборигенам в доступе к благам цивилизации.

Однажды мы заметили группу людей, сидевших неподалеку от лагеря; большинство были пастухи в брюках и широкополых шляпах. Среди них сидел и Чарли Джагамара. Заметив меня, он призывно замахал рукой. Я подошел ближе и увидел, что аборигены раскрашивали деревянные щиты. В центре стояла жестяная банка с какой-то темной тягучей жидкостью. Присмотревшись, я понял, что это кровь. Они макали в нее палочки, проводили ими по щиту, а затем приклеивали к орнаменту белые пушистые перья.

— К чему вы готовитесь? — спросил я Чарли.

— Скоро будут метить мальчиков.

— Когда?

— Не знаю, — ответил он. — Это меня не касается. Я здесь больше не команду. С завтрашнего дня занимаюсь делами. Хочешь прийти — приходи. Я покажу тебе.

Чарли сдержал слово и на следующий день повел нас в другое место, где под деревом сидели в тени человек десять. Только мужчины. Большинство были старики в крохотных набедренных повязках. Они весело смеялись и обменивались шутками. Когда пение смолкло, все принялись раскрашивать себя красной охрой, смешанной с жиром кенгуру.

Кто-то из мужчин достал трещотку. Это был изогнутый в форме эллипса деревянный брусок длиной сантиметров пятнадцать с заостренными концами, весь покрытый орнаментом. Трещотка — важный ритуальный предмет, связанный с тотемическим культом.

Мужчина, державший трешотку, протянул через ее ушко веревочку и аккуратно привязал к палочке. Затем, отойдя на открытое место, он начал с силой крутить трешотку над головой. Раздался громкий визг.

— Мальчики, женщины слышат свист и не подходят, — объяснил Чарли.

Еще не так давно женщину, которая хоть краем глаза подглядела эту церемонию, ждало суровое наказание, а иногда и смерть.

Бородатый седовласый мужчина перетянул жгутом руку ниже плеча и с силой сжал пальцы в кулак. Подождав, когда набухнут вены на бицепсе, он решительным движением проколол кровеносный сосуд острым кусочком ржавого металла. По коричневой коже заструилась темная кровь. Старик пристроил руку таким образом, чтобы кровь стекала в зажатую между ногами жестяную банку. Так продолжалось несколько минут. Как только струйка становилась слабее, он разгибал руку и расширял надрез. Вскоре набралось полбанки крови.

Присутствующие начали украшать актера, которому предстояло стать главным действующим лицом церемонии. Он должен был играть роль бога-змея. Один помощник соорудил у него на голове убор — грибовидную шляпу из травы, обмотанной длинной волосяной веревкой. При этом он издавал пронзительные крики, поднося руку с расставленными пальцами ко рту и похлопывая ими по губам, отчего звук получался высоким и вибрирующим.

Первый этап был завершен. Придвинув другую ржавую банку, помощники начали вынимать оттуда

пригоршнями пушистые семена белого и красновато-коричневого цвета и прилеплять их к смазанному кровью телу актера; кровь служила клеем. Постепенно на его спине вырисовывался причудливый тотемический орнамент — коричнево-красный узор на белом фоне. Сам человек-змея в это время подрагивал плечами и извивался всем телом. После спины разукрасили грудь и лицо, превратив его в аморфную маску, полностью покрывавшую нос и рот.

Снова раздался пронзительный визг трещотки. Мужчины, кольцом обступив змея, начали громко распевать. Каждый куплет заканчивался дружными выкриками «лал-лал-лал-лал». Змей встал на четвереньки и «пополз», потряхивая плечами так, что с него посыпалась часть украшений. Мужчины продолжали распевать, расступаясь перед змеем. Когда он отполз метров на шесть, Чарли Джагамара положил ему руки на плечи.

Актер поднялся на ноги, вновь превратившись в человека. Спектакль окончился. Шляпу разобрали, вернув каждому его куски веревки, семена аккуратно сняли и сложили обратно в жестяные банки для будущих церемоний. Возбужденно смеясь и переговариваясь, мужчины вернулись в лагерь.

В основе этой церемонии лежат верования, сходные с теми, о которых нам поведали в Арнемленде соплеменники Магани. Вальбири считают, что мир и все сущее в нем было сотворено в волшебные времена, когда по земле бродили мифические создания, воздвигая скалы и выбивая источники. Во время священных обрядов волшебные существа стряхивали пух, покрывающий их тела, на землю, оплодотворяя

ее. Эти пушинки — *гурувари* на языке вальбири — породили все живое. Так, *гурувари* древних кенгуру дали жизнь нынешним кенгуру. Подобным образом *гурувари* попадают в утробу женщины. Путь, по которому следовали мифические существа, хорошо известен, и женщина, вспоминая место, где произошло зачатие, точно знает, к какому тотему принадлежит ее ребенок. В результате оказывается, что родные братья не всегда принадлежат к одному тотему, а мужчины совершенно различных кланов могут быть в родстве, если их зачали в месте, где останавливался древний дух.

Хотя волшебные времена давно прошли, человек при совершении обрядов вновь погружается в «волшебство» и причащается вечности. Люди разыгрывают церемонии наподобие той, что мы наблюдали, именно с целью прикоснуться к таинству. Но ритуалы служат и другим целям: люди хотят умилистить *гурувари* и тем самым преумножить число их тотемических животных. Иногда на церемонию собирают юношей, только что прошедших обряд инициации, — обучают их песням и приобщают к таинству. Если ритуал проводят без «новеньких», это значит, что мужчины хотят укрепить единство клана со своим тотемом.

На церемонии со змеем мы познакомились с Тимом, одним из самых молодых мужчин в группе. Пел он с упоением и страстью, а его горящие глаза неотрывно следили за движениями танцора. После представления мы заговорили с ним. Выяснилось, что у Тима богатое прошлое — во время войны он служил в армии и водил грузовик. Редкая профессия для

вальбири. Тим много раз пересекал Северную территорию по Асфальту, бывал в Дарвине и Алис-Спрингс. Ему даже довелось летать на самолете. Теперь он работал в лагере водителем грузовика. Он был хорошо знаком с образом жизни белых, но ничто из увиденного не ослабило его преданности древним богам. Он со страстью рассказывал о церемонии, раскрывая всю ее важность. Затем Тим пригласил нас посетить священную скалу, где змей впервые выполз на землю.

Мы отправились туда на «лендровере». К нам присоединились Чарли и еще двое стариков; Тим показывал дорогу. Мы въехали в долину, расположенную в восемнадцати милях от лагеря. В дальнем конце поднималась скала с ровной стеной.

— Вот, — сказал Тим, указывая на скалу, — это волшебное место. Здесь живет змей Яррабирри.

Свежей краской на стене была нарисована змея. Она была белого цвета с красной каймой. Изображение тянулось метров на десять параллельно земле.

— Это дом Яррабирри, — приглушенным голосом повторил Тим, — поэтому мы нарисовали его здесь.

— А где теперь его дух? — спросил я.

— Здесь живет. — Тим указал на низкую пещеру под головой нарисованного змея. — Видишь дыру? Это и есть дом Яррабирри. Увидеть его нельзя, потому что это дух. Но он все равно там, мы много раз видели его следы.

— А это что? — спросил я. Мое внимание привлекли подковки, окаймлявшие змею сверху и снизу.

— Это мы, черные люди.

Он объяснил мне значение остальных рисунков. В одном месте виднелись отпечатки лап динго, путь его прародителя пересек в этом месте путь Яррабирри. Чуть дальше были нарисованы ромбовидные питоны — дети Яррабирри. Из расщелины над пещерой Тим вытащил несколько длинных досок, похожих на гигантские трещотки, с резным узором из концентрических кругов, волнистых линий и дуг.

— Эти знаки показывают все сотворенное Яррабирри. Их мы рисуем на людях перед церемонией. Так велит закон, закон Яррабирри. У вас есть книги, а у нас — вот это. Сюда приходят молодые, смотрят на эти знаки и учатся закону Яррабирри. Когда-то племя Яррабирри жило повсюду в этой стране. Скоро так будет опять. Вальбири снова станут самыми главными людьми, и закон Яррабирри победит.

Тим говорил со всей страстью, на какую был способен, его глаза светились фанатическим блеском. Для Тима Яррабирри символизировал старые времена, когда его гордый народ был властелином пустыни и никто не мог прийти туда без их согласия.

Пока мы беседовали, Чарли с остальными направился к другому краю скалы. Достав стоявшую возле камня банку с белой охрой, он нанес на скалу ряд точек.

— Волшебные копыя, — пояснил он.

Яррабирри научил первых людей делать копыя.

Закончив рисунок, Чарли подошел к другой расщелине, тщательно замаскированной веточками, и вытащил пять-шесть совершенно гладких камней. Один из них, самый длинный, был языком прародителя динго. Остальные принадлежали змею. Чарли потер красным камешком по поверхности глыбы пес-

чаника; судя по ее форме, она давно служила этой цели. Мужчины стряхнули красный порошок себе на ладонь и размазали его по телу, тихонько напевая. В этот момент они напоминали священников, читающих молитвы. Люди общались с богами. Прошлое вновь ожило. Это было место их тотема. Отсюда двинулись в земной путь их души, и сюда они вернутся после смерти. Мир белых людей сейчас не существовал для них...

Наше путешествие заканчивалось, пора было возвращаться в Лондон. Когда мы добрались до Алис-Спрингс, наша машина окончательно развалилась. Помятая и покалеченная на дорогах пустыни, она нуждалась в серьезной починке; о том, чтобы ехать на ней еще тысячу миль до Дарвина, не могло быть и речи. Мы оставили «лендровер» в гараже, договорившись, что его перегонят в Дарвин после ремонта.

Обратно нас доставил самолет. Внизу проплывала Северная территория, прорезанная тоненькой ниточкой автострады Стюарта. Освоение этого края стоило жизни немалому числу людей. Плантадоры и скотоводы пытались обжить его, но терпели неудачу. Старатели умирали, не добравшись до его подземных кладовых. Джеку Мулхолланду и его соседям-отшельникам, правда, удалось найти пристанище в уединении Борролулы. Но лишь аборигены способны выжить на этой земле без посторонней помощи. В отличие от белых, они не стремятся покорить ее. Они не пытаются приручить ее животных и возделывать ее пески; эта земля и так дает им все необходимое для

души и тела. За это аборигены боготворят ее. Боги создали ее скалы и источники, поэтому проложенные между ними тропинки становятся путями паломничества. И наверное, никто никогда не поймет ее так, как аборигены, — приемля в равной мере и ее красоту, и жестокость.

Автострада Стюарта становилась все тоньше и вскоре исчезла совсем. Внизу до самого горизонта расстилалась голая, иссохшая пустыня с редкими пятнышками буша.

СОДЕРЖАНИЕ

МАДАГАСКАРСКИЕ ДИКОВИНЫ

<i>Глава 1.</i> Прибытие	7
<i>Глава 2.</i> Сифаки	17
<i>Глава 3.</i> Птицы-великаны	32
<i>Глава 4.</i> Фламинго, тенреки и мышинные лемуры	45
<i>Глава 5.</i> Души усопших	61
<i>Глава 6.</i> Ходячая рыба	77
<i>Глава 7.</i> Мотыльки, осы и муравьиные львы	92
<i>Глава 8.</i> Хамелеоны, цапли и лемуры	103
<i>Глава 9.</i> Долгий путь к фламинго	122
<i>Глава 10.</i> Песъеголовые	136
<i>Глава 11.</i> Лесные обитатели	151
<i>Глава 12.</i> Бабакото	165
<i>Глава 13.</i> Зоопарк	180

ПОД ТРОПИКОМ КОЗЕРОГА

<i>Вступление</i>	193
<i>Глава 1.</i> К востоку от Дарвина	196
<i>Глава 2.</i> Гуси и гоана	212
<i>Глава 3.</i> Пещерные рисунки и буйволы	230
<i>Глава 4.</i> Художники Арнемленда	255
<i>Глава 5.</i> Ревущий змей	276
<i>Глава 6.</i> Истоки	296
<i>Глава 7.</i> Борролула	306
<i>Глава 8.</i> Отшельники	324
<i>Глава 9.</i> Центр	337
<i>Глава 10.</i> Живущие в пустыне	358

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
127018, Москва, Суцесский вил, д. 49
Издательство «Армада-пресс»
Телефон редакции: 795-05-43*

Эттенборо Д.

Э 93 К югу от экватора: Мадагаскарские диговины, Под тропиком Козерога/ Пер. с англ. М. И. Беленького и Н. А. Рабен; Худож. А. В. Ермаков. — М.: Армада-пресс, 2000. — 382 с.: ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-309-00001-1

В книге рассказывается об увлекательных и опасных путешествиях английского естествоиспытателя и этнографа по Мадагаскару и Северной территории Австралии в поисках редких животных, приводится богатый этнографический и географический материал о малоизвестных уголках земного шара.

Читатель найдет здесь не только профессиональные описания живой природы и мест обитания уникальной фауны, но и занимательную интригу, поскольку процесс поиска и отлова животных богат неожиданностями, а кроме того, меткие наблюдения обычаев и нравов коренного населения, сделанные с мягким юмором, точно и художественно.

Для самого широкого круга читателей.

**УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44-я5**

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Дэвид Эттенборо
К ЮГУ ОТ ЭКВАТОРА

Мадагаскарские диковины
Под тропиком Козерога

Заведующая редакцией

М. Л. Жданова

Ответственный редактор

Н. А. Рожкова

Художественный редактор

Ф. В. Домогацкий

Технический редактор, компьютерная верстка

С. А. Шубёнкин

Корректор

М. В. Макарова

Подписано к печати 18.05.2000. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1459.

ООО «Армада-пресс»

109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д. 5, стр. 1

Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00.

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»

ООО «Дрофа»

117419, Москва, 4-й В. Михайловский пр., д. 6, корп. 1

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98.

По вопросам приобретения продукции издательства
«Армада-пресс» обращаться по адресу:

127018, Москва, Сушевский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Иногда в чердачной пыли и паутине удается отыскать забавную безделицу, которая выглядит сейчас настолько старомодно, что невозможно даже понять ее предназначение... Такое же чарующее чувство соприкосновения с прошлым охватывает при первом знакомстве с фауной Мадагаскара. Его животные – пришельцы из тьмы веков – кажутся нам причудливыми диковинами...

Дэвид Эттенборо

ISBN 5-309-00001-1

9 785309 000012